

САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК

№ 1(21)

2012

**САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ
СБОРНИК**

**2012
№ 1(21)**

**Общественно-политический
и научный журнал**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

П.С. Кабытов

УЧРЕДИТЕЛЬ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Самарский государственный
университет

А.Н. Завальный
(заместитель главного
редактора)

Издается с 1997 г.
Регистрационное свидетельство
№ С1388, выдано 31 мая 1996 г.
Поволжским

Н.Н. Кабытова
И.А. Носков
П.И. Савельев
Ю.Н. Смирнов

Региональным Управлением
регистрации и контроля
за соблюдением законодательства РФ
о средствах массовой информации
Комитета Российской Федерации
по печати

Ответственный секретарь
Э.Л. Дубман

Художественный редактор
Л.В. Крылова

© Самарский государственный
университет, 2011
© Оформление. Издательство
«Самарский университет», 2011
© «Самарский земский
сборник», 2011

Компьютерная верстка, макет
Л.Н. Замамыкиной

Подписано в печать 17.12.2012. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,4; уч.-изд. 6,75.
Гарнитура «Newton». Тираж 150 экз. Заказ
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1, тел. 334-54-23.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Книга», 443070, г. Самара,
ул. Песчаная, 1. Тел. +7 (846) 2673682.
E-mail: izdatkniga@yandex.ru

**ЗВАНИЕ
«ЛАУРЕАТА
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
И НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«САМАРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СБОРНИК»**

В 2012 году редакционной коллегией журнала «Самарский земский сборник» было учреждено звание «Лауреата общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник». Звание присваивается за вклад в изучение российской истории и истории Самарского края. Звание первого лауреата в декабре 2012 г. было присуждено доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшей школы РФ Дубману Эдуарду Лейбовичу.

Медальером Вячеславом Агафоновым была изготовлена медаль «За вклад в изучение Самарского края», которая была вручена Дубману Э.Л. на пленарном заседании XVIII Всероссийских Платоновских чтений 8 декабря 2012 г.

САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Р.С. Багаутдинов, В.Н. Мышкин*

ОГОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В МЕДНО-БРОНЗОВОМ ВЕКЕ**

В статье речь пойдет о целой свите археологических культур бронзового века Восточной Европы, отправной точкой для исследования является основная территория срубной культурно-исторической общности, а именно — Поволжье. К анализу, также, привлечены материалы предшествующих археологических культур — древнеямной, катакомбной, полтавкинской, а также абашевской, андроновской и балановской (фатьяновской), которые, хотя бы частично синхронны срубным древностям. Делается также попытка провести параллели с индоевропейскими и индоиранскими традициями огненного ритуала у ариев времени Ригведы и хеттов Малой Азии, отраженными в письменных источниках и исследованиях.

Одной из основных проблем, которая послужила толчком к появлению данного исследования была проблема андроновского (федоровского) воздействия на сложение обряда кремации на стороне. Сравнение федоровских и срубных комплексов обнаружило существенное отличие многих деталей погребального ритуала.

Следы огня, которые ранее считались признаком восточного (андроновского) воздействия на ритуал захоронения, в первую очередь, объясняются глубоко местной традицией¹, имеющие истоки в ямной и полтавкинской культурах Поволжья. Обряды сожжения на стороне и на месте не были результатом инокультурного импульса, а явились органической частью духовной культуры срубных племен. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют даже предполагать участия федоровского населения в сложении срубной культуры Поволжья. Проникновение андроновского

---

* © Багаутдинов Р.С. доцент кафедры Российской истории СамГУ, Мышкин В.Н. к.и.н., зав-й археологической лабораторией Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

(федоровского) населения на Волгу носило спорадический, нерегулярный характер². Все трупосожжения на стороне сопровождаются срубным погребальным инвентарем, при наличии редких алакульских черт.

На территории обширной контактной зоны срубных и андроновских племен — в Башкирии, Оренбургской области и на северо — западе Казахстана — пока нет следов сколько нибудь значительного продвижения носителей федоровской культуры на Волгу. В то же время названная территория во второй половине II тыс. до н.э. была заселена смешанным срубно-алакульским населением, которое широко применяло огонь в погребальной обрядности. Поэтому мы не исключаем некоторого влияния срубно-алакульских племен на погребальные традиции населения Поволжья. Это влияние накладывалось, очевидно, на уже существовавшую практику трупосожжений.

Существует точка зрения о значительном участии абашевских племен в процессе формирования срубной культуры³. Известно, что огонь играл важную роль в погребальном обряде абашевцев. Есть также и захоронения с обрядом кремации⁴. Этот факт и наличие сосудов с абашевскими чертами в одном из срубных сожжений Нижнего Поволжья, позволил Н.К. Качаловой высказать предположение об абашевских истоках обряда кремации в срубной среде⁵. Однако, в дальнейшем это предположение не подтвердилось. Раннесрубные сожжения в подавляющем большинстве не имели следов абашевского влияния. Не исключено также, что позднекатакомбное население имело прямые контакты со срубниками. Следы огня сравнительно редко встречаются в катакомбных захоронениях, до сих пор не найдены погребения с обрядом кремации, хотя, В.А. Городцов упоминает об одном, открытом им катакомбном сожжении⁶.

На северо-западе Поволжья срубное население соприкасалось с обширным массивом племен балановской (фатьяновской) культуры. В погребальном обряде этой культуры, также как и в абашевском ритуале действия с огнем носили разнообразный характер. Наиболее широко применялось возжигание огня в могильной яме и над ней⁷. Имеются случаи использования огня на древней поверхности и в жертвенных ямах, правда их намного реже чем в абашевских погребальных комплексах. Наконец в одном из могильников балановской (фатьяновской) культуры найдено несколько захоронений, совершенных по обряду трупосожжения на месте⁸. Еще одна средневожская культура бронзового века — поздняковская — также имела развитый культ огня и практиковала трупосожжение⁹.

Из всех перечисленных культур, абашевская, более всех претендует на участие в процессе сложения погребальной обрядности срубных племен. За это говорит широкий круг смешанных срубно-абашевских памятников на территории Поволжья. Поэтому не исключено, что некоторые обрядовые действия, характерные для абашевской традиции, особенно связанные с применением огня на древней поверхности могли быть восприняты срубным населением. Но, в основном, погребальные обряды с применением огня на древней поверхности у поволжских срубников имели корни в ям-

ной и полтавкинской культурах, а срубноабашевские захоронения по набору признаков погребального обряда отличаются от срубных¹⁰.

Распространение обряда кремации далеко не ограничивается непосредственными предшественниками и соседями поволжских срубников. Начиная с неолита во многих культурах Восточной¹¹ и Западной Европы¹² мы сталкиваемся со следами развитого огненного ритуала, включающего трупосожжение на стороне и на месте.

Древнейшие трупосожжения, известные нам, находятся в Палестине и северной Месопотамии и датируются V-IV тыс. до н.э.¹³

Существуют гипотезы о проникновении обряда кремации в Европу из Передней Азии и о продвижении идеи этого обряда по древним путям распространения металла. М.К. Яньюайте полагает что «обряд кремации существовал в ранней древности почти исключительно у племен, говоривших на индо-европейских языках»¹⁴. Восточная Европа, по всей видимости, была заселена индоевропейским населением, по крайней мере с III тыс. до н.э. и ямную культурно-историческую общность связывают с древнейшими индоиранцами (индоевропейцами)¹⁵. В этом случае потомки древнеямного населения – носители срубной культуры — должны говорить на одном из индоевропейских языков. Сейчас многие исследователи связывают срубную культуру с древнейшими иранцами¹⁶.

Анализ погребальных обрядов с применением огня в памятниках срубной культуры указывает на преемственность многих обрядовых действий начиная с древнеямного периода, причем преемственность эта явственнее всего прослежена на средневожском материале. В этой связи большое значение имеет положение Н.Я. Мерперта о сохранении в Заволжье исконных древнеямных традиций¹⁷. Иными словами, в погребальном обряде средневожских срубников должны сохраниться в наиболее «чистом» виде ритуалы предшествующего населения, связываемого с носителями индоиранской речи¹⁸.

Согласно схеме Т. Барроу, индоиранский язык имел к востоку от себя тохарские диалекты А и Б, а на западе был тесно связан с балто-славянским¹⁹. Тот же автор предполагает длительный контакт индоиранцев с древнейшими финно-угорскими языками²⁰.

Очерченные, таким образом, границы охватывают большую часть территории обитания древнеямных и срубных племен. Гипотеза о древнеиранской принадлежности населения, оставившего памятники срубной культуры, для нас важна тем, что открывает возможность для широкого сопоставления погребальных ритуалов срубников и других индоевропейских народов.

Основные черты обряда кремации на стороне в срубной культуре выглядят следующим образом.

Сожжение умершего проходило как вне подкурганного пространства, так и на площадке, перекрываемой затем насыпью, причем вторая разновидность кремации появляется, скорее всего, на позднем этапе истории срубных племен. Кости сожженных очищали от золы и углей. На позднем

этапе это правило соблюдается реже. Видимо, огонь горел достаточно долго, т. к. все кремированные кости сильно измельчены.

Кальцинированные кости на раннем этапе погребальной обрядности помещали в могилу с большей «осторожностью» чем на поздних: в первом случае кальцинированные кости почти всегда лежали компактно, во втором, в более чем трети погребений, остатки кремации рассыпаны по дну. В ряде погребений кремированные кости собраны в сосуды. Практиковалось помещение остатков сожжения в одной могиле с трупосожжением. Никакой закономерности в половозрастном делении кремированных не прослежено. Сжигались взрослые и дети, мужчины и женщины. Необходимо отметить, что раннесрубное население, видимо, не практиковало кремацию детей.

Для поволжских срубников при общем сходстве погребального обряда наблюдаются различные тенденции в применении огня. Если на Средней Волге ритуальные действия, связанные с огнем, увеличиваются от раннего к позднему этапу, то захоронения Нижней Волги демонстрируют сравнительно сложный огневой ритуал только на раннем этапе.

Средневожское население многие традиции, связанные с применением огня в обрядах захоронения, сохранило на протяжении тысячелетия — от конца III тыс. до второй половины II тыс. до н.э.

Менее явственно эта связь прослежена на нижневожском материале. Их двух видов трупосожжений обряд кремации на месте имеет наиболее широкую основу в ямной и полтавкинской культурах.

Трупосожжение на стороне, в предшествующее срубной культуре время было, видимо, явлением редким и необычным. В срубное время круглые в плане ямы использовались как жертвенники, куда ссыпались остатки костров, кости животных и обломки посуды; в них встречались остатки трупосожжений и вторичных захоронений²¹. Для ямно-полтавкинского времени также известен один случай сооружения круглой жертвенной ямы. На ритуальных кострищах приносились в жертву, а также сжигались не только животные, но и люди²². Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что сожжение умершего на Волге в эпоху ранней бронзы и позднее, мыслилось как жертвоприношение, по крайней мере, для части кремируемых. Интересно, что связь сожжений с жертвоприношением прослеживается и в представлениях ведических ариев. Особенности ритуального мышления позволяли им рассматривать свою жизнь как цепь жертвоприношений. Простейшая агнихотра, т. е. жертвоприношение огню молока, было доступно каждому домохозяину. Широко использовались и другие виды приношений огню. Сожжение умершего воспринималось как последняя агнихотра²³.

О правомерности привлечения данных исторической этнографии индоевропейских народов для исследования духовной культуры срубных племен говорилось выше. Наиболее близкими по времени к эпохе срубной культурно-исторической общности являются два письменных памятника — гимны Ригведы и хеттские клинописные тексты. В число последних вхо-

дит описание четырнадцатидневного ритуала, в который входило и его сожжение²⁴. Погребальный ритуал начинается сразу после смерти царя. Ему приносят в жертву упряжного быка. После этого следует возлияние вина душе умершего, а использованный сосуд разбивается. День завершается какими-то магическими действиями с козлом и различными жертвоприношениями мертвому.

Сожжение совершается на второй день, видимо, вечером. Погребальный костер горит всю ночь, а утром его тушат пивом и вином.

Женщины собирают кремированные кости и кладут их в серебряный сосуд с чистым маслом. После этого кости извлекаются, заворачиваются в льняную ткань и помещаются на стул, если умерший был мужчина, или на скамеечку — если женщиной. Потом следует трапеза, на которой пища предлагается участникам обряда и умершему. На месте сожжения изготавливают человеческое изображение из фруктов. Остатки сожжения помещают в мавзолее на ложе, перед которым ставится стол со светильником. Здесь же кладутся посмертные дары²⁵.

В текстах есть также сведения об особом ритуале для человека, умершего от болезни. Ритуал этот начинался вечером, а завершался с вынесением и сжиганием умершего. Этот текст датируется XV в до н.э.²⁶. В древнехеттском обществе огню придавалось очень большое значение. С его помощью вызывали богов, огнем очищали. В тексте упоминается также ритуальное сожжение животных и предметов²⁷. Наблюдается двойственное отношение к огню. С одной стороны он дает благополучие стране, в с другой «может погубить отдельного человека и все общество»²⁸.

Загробный мир ведических ариев представлялся как продолжение реальной земной жизни. Юг считался местом обитания злых сил, которые могли причинить вред и живым, и мертвым. В то же время юг был обиталищем мертвых. Отмечая двойственность в мировоззрении, А.М. Мандельштам допускал аналогичные представления о юге у носителей бишкенской культуры, на территории Средней Азии, которая, видимо, связывается с ариями. В ее погребальной обрядности умершие никогда не клались головой на юг и в то же время всегда располагались к югу от спуска в могилу²⁹. Примечательно. Что срубные племена Поволжья также избегали ориентировать умерших на юг, однако все погребения с трупосожжениями на стороне находятся только к югу от центра или в центре кургана.

В погребальном обряде ведических ариев говорится о трупоположении и трупосожжении³⁰. Бог огня — Агни — играл важную роль в повседневной и сакральной практике древних ариев. Гимном Агни начинается Ригведа, он занимает второе, после Индры, место по количеству посвященных ему гимнов. Все огни — на небе и на земле, в представлении древних индийцев, являются воплощением Агни. Агни называют посланцем (дута), перевозчиком умерших на небо и жертвы богам³¹. Все умершие, и сожженные, и несожженные попадали на небо к солнцу, а, возможно, и в мир богов³². Кроме переноса умерших и жертвоприношений, Агни мог устранять изъязвления, лечить раны³³, в потустороннем мире восстанавливал тело³⁴.

Обобщая данные ведических текстов Г.Ф. Ильин предлагает краткое описание обряда кремации: «Тело умершего натиралось благовониями и, облаченные в лучшие одежды, опускалось на землю освященную коровьим навозом и устланную травой куша. Рядом горел священный огонь. Женщины рода, как плакальщицы Рима, рвали на себе волосы и били себя в грудь, затем тело помещали на повозку и отвозили к месту сожжения. Участники процессии при этом заметали веником следы (отголосок представления о враждебных силах умерших)... Погребальный костер разжигался от головни, взятой из домашнего огня умершего. Вместе с умершим сжигались и некоторые из его вещей: оружие, посуда. Кости трупа собирались на 10-й день, и после сложных и детально разработанных манипуляций, помещались в урну, которую потом зарывали в сухом месте»³⁵.

Проведенное выше краткое сопоставление погребальных обрядов – только начало исследования ритуалов носителей археологических культур Поволжья, которые связываются с индоиранской, индоевропейской речью. В данной работе исследованию подверглась лишь небольшая часть, накопленных в настоящее время материалов. Чтобы попытаться проникнуть в мировоззрение древнего человека необходим синтез археологических и этнографических источников³⁶.

Примечания

¹ Багаутдинов Р.С. Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкинской культур Поволжья // КСИА. М; 1984. С.17-21; Он же. Сравнительный анализ срубной и андроновской керамики из погребений с трупосожжениями // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С.92-103.

² Нам известно несколько пунктов, в которых встречены элементы федоровской материальной культуры, это единичные черепки со срубных поселений Средней Волги. Федоровскую форму имеет сосуд из жертвенника кургана 8 у села Хрящевка (Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья. // МИА. 1954. №42. Рис. 37, 14), два, сходных с федоровскими, сосуда найдены в срубных погребениях на территории нижнего Поволжья (Синицин И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. №60. Рис. 58, 5; Скрипкин А.С. Отчет об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Городищенской оросительной системы // Архив АИ. №4482. Рис. 23.

³ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С.8. и сл.; Васильев И.Б. О заселении лесных районов Заволжья срубными племенами // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С.41; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточноевропейской степи. Воронеж, 1979. С.20 и др.

⁴ Сальников К.В. Абашевская культура на южном Урале // СА. М., 1954. Т. XXI. С.71; Халиков А.Х. Новые памятники абашевской культуры // СА. 1959. № 2; Ваяткин С.Н., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., Калинин Н.К., Рутто Н.Г. Отчет о работе археологической экспедиции Башкирского Государственного Университета в 1973 г. Уфа, 1974. №5185

⁵ Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 17. 1976. С.6.

⁶ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905. С. 190.

- ⁷ Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. С.200; Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятник балановской культуры // САИ. Вып. В 1-25. М. 1976. С. 35-36, 39, 74.
- ⁸ Виноградов К.Я. Новые данные о памятниках фатьяновского типа // ПИДО, 1934. №11-12. С. 74-75.
- ⁹ Попова Т.Б. Исследование могильника поздняковской культуры на Канишевских дюнах под г. Рязанью // Новейшие открытия советских археологов. Ч.1. К. 1975. С.93.
- ¹⁰ Багаутдинов Р.С. Погребение сожжениями среднего и позднебронзового века в Поволжье. Диссертационная работа на соискание звания канд. ист. наук. М. 1983
- ¹¹ Макаренко М. Маріопільський могильник. К.:Всеукр. Акад. Наук, 1933. С. 69, 84; Бодянский А.В. Лысогорский неолитический могильник // КСИА, 1961. Вып. 11. С. 34-35; Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны // МИА. 1973. №172. С. 192; Даниленко В.Н. Энеолит Украины. К. 1974. С.68.
- ¹² Монгайт А.П. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С 231, 238, 241, 270
- ¹³ Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М. 1976. С. 153; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 207.
- ¹⁴ Яньюайте М.К. К этногенезу хеттов. // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку/тезисы докладов. М. 1979. С. 129.
- ¹⁵ Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. The Hague Mouton Co. Publischers, 1965. P. 577; Шилов В.П. Калиновский курганный могильник. МИА, 1959, №60. С. 411.; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейские параллели // УП Всесоюзная конференция по Древнему востоку/тезисы докладов/. М., 1979. С. 37 и др.
- ¹⁶ Гусева Н.Р. Индуизм. М., 1977. С. 40 и др. Автор достаточно подробно разбирает мнения советских археологов, историков и лингвистов об этнической принадлежности древнеямной, полтавкинской, абашевской и срубной культур. Это избавляет нас от более развернутого изложения аргументов за сопоставление срубных племен с иранцами.
- ¹⁷ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С.148-152.
- ¹⁸ Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. Расширенная редакция доклада на УП МКАЭН. М., 1964. С. 39; Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете ариоуральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М. 1981. С. 84, 89.
- ¹⁹ Барроу Т. Санскрит. М., 1976. С. 18.
- ²⁰ Барроу Т. Указ. соч. С. 27-30.
- ²¹ Синицин И.В. Указ. соч. С. 118; Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья. МИА, 1954, №42. С.99-100.; Абаев В.И. Указ. соч.
- ²² Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья // МИА. 1954. №42. С. 119, 128.
- ²³ Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы/ритуальный символизм/. М., 1981. С. 80, 81,145.
- ²⁴ Otten H. Hethitische Totenrituale. Berlin: Academie Verlad, 1958
- ²⁵ Otten H. ... С. 13,14.
- ²⁶ Otten H. ... С. 17
- ²⁷ Иванов В.В. Культ огня у хеттов // Древний мир. М.1962. С. 226
- ²⁸ Иванов В.В. Указ. соч. С. 228
- ²⁹ Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. №145
- ³⁰ Ригведа. Избранные гимны. Перевод, коммент. и вступл. Елизаренковой Т.Я. 1972. С. 198-203.
- ³¹ Ригведа. Указ. соч. С. 200-203; Эрман В.Г. Очерки истории ведийской литературы. М.

1980. С. 137, 79.

³² Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы (ритуальный символизм). М. 1981. С.145.

³³ В этой связи интересно высказывание В.В. Иванова о том, что трупосожжение возникло в среде индоевропейцев как средство борьбы с чумой. - Иванов В.В. Природные символы как элементы знаковых систем культуры (общество и природа). М. 1981. С. 277.

³⁴ Ригведа. Указ. соч. С. 200.

³⁵ Ильин Г.Ф. Идеологические системы Древней Индии // Культура Древней Индии. М, 1975. С.89.

³⁶ Клейн Л.С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы этнологии и этнографии. Л, 1977. С. 21.

Е.М. Малинкин***ВОЕННЫЕ СИЛЫ «ПОНИЗОВЫХ ГОРОДОВ» В 1630-Е ГГ.
(ДО И ПОСЛЕ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ)**

роблема развития вооруженных сил «понизовых городов» в XVII в., территории, управляемой с конца XVI в. приказом Казанского Дворца и включавшей Среднее и Нижнее Поволжье, а также Закамье – тема, содержащая ещё немало «белых пятен». В том числе, малоизученной является ситуация с численностью различных групп служилых людей в «понизовых городах» в первой половине XVII в. После Смутного времени в Московском царстве происходит восстановление всей военной системы², параллельно с этим проводится комплекс мер, направленных на создание в войске «полков нового строя» – подразделений по образцу западноевропейских армий³. Первым крупным событием, в котором приняли участие эти полки, была Смоленская война 1632-1634 гг.

Ситуация с военными силами в «понизовых городах» после окончания Смуты можно определить более менее точно лишь с 1625 г. Связано это с тем, что с 1625 г. начинается регулярное составление фактически единственного источника, дающего информацию о ратных силах страны, в том числе и рассматриваемого региона – разрядных книг.

В середине XIX в. был издан ряд разрядных книг, в которых фиксировались распоряжения правительства по широкому кругу вопросов. Официальные разрядные записи, по которым составлялись соответствующие книги, включают правительственные распоряжения по службе, указы воеводам и другим чинам, отписки последних царю. Интересующие нас разрядные книги, содержат перепись служилых людей в соответствующих городах⁴. В.Д. Назаров определяет такие разрядные книги как «годовые». Он, соглашаясь с мнением крупнейшего специалиста по этому типу источников В.И. Буганова, утверждает, что формирование их структуры завершилось только к 1620 г.⁵

Как главное военное ведомство Разряд контролировал состояние городовых укреплений и гарнизонов на всех исторически сложившихся линиях обороны русского государства, от замосковских до белгородско-северских. Контроль осуществлялся путем сбора сведений, представляемых городскими воеводами в ежегодных отчетах – «сметных книгах» (составлялись в конце года и отсылались в Разряд в начале следующего) и «рописных списках» (составлялись при приеме города новым воеводой), а также отписках воевод⁶.

Для анализа ситуации с военными силами в «понизовых городах» рассмотрим период с 1631 по 1636 гг. Выбор хронологических рамок объясняется наличием источников за соответствующие годы – сметных списков и

---

* © Малинкин Е.М. – главный специалист Самарского областного государственного архива социально-политической истории.

разрядных книг. Кроме того, этот хронологический отрезок разделяется Смоленской войной, что позволяет понять, что произошло с местными гарнизонами перед войной и после её окончания.

Согласно разрядной книге 1625 г., военные силы «понизовых городов» уже к этому времени достигали около 26 тыс. человек, расписанных по 26 городам⁷. Основу местных ратных сил составляли стрельцы пешие и конные, городские казаки – всего более 9 тысяч человек, а также новокрещёные, служилые татары, тарханы и другие служилые люди из поволжских народов – около 6 тысяч. Численность служилых людей по «отечеству» была невелика – менее полутора тысяч дворян и детей боярских. Во многих городах несли службу казаки, черкасы, а также служилые иноземцы, вступившие на русскую службу полоняники и «бусурмане». Самые значительные по численности и составу служилых людей гарнизоны располагались в Казани, Астрахани и Терках⁸. Необходимо учесть важный факт – в разрядных книгах, а также сметных списках учитывались не просто силы того или иного города, но всего уезда. Мы имеем здесь дело со «служилым городом» – особым институтом, так или иначе связывавшим все категории служилых людей уезда и его центра⁹.

Накануне Смоленской войны общее количество военных сил на территории, управляемой приказом Казанского Дворца, составляло около 25 тысяч человек. Крупнейшие гарнизоны имели Казань (с пригородами) и Астрахань – приблизительно по 4 тысячи человек¹⁰. Если за точку отчета брать рубеж XVI – XVII вв., то в Астрахани, например, численность гарнизона увеличилась почти в 3 раза¹¹. Основную массу войск в них составляли традиционные категории служилых людей по отечеству и прибору. Причём дети боярские упоминаются в штатном составе практически каждого гарнизона из указанных в источнике городов. Служилые люди по прибору (приборные люди) – в первую очередь это пешие и конные стрельцы, пушкеры, затинщики воротники и другие осадные люди), а также служилые татары (крещённые и мусульмане), тарханы и иноземцы – наёмники и пленные. В смете Разряда не упоминаются зарождающиеся на тот момент для будущего Смоленского похода различные формирования «полков нового строя». Единственный вопрос возникает по поводу службы иноземцев – «Литвы и Немец», трудно сказать, отличалась ли их служба от традиционной полковой. Как правило, размер формирований из иноземцев не превышал нескольких десятков человек, за исключением Казани, где было 173 человека¹². Если брать общее количество основных категорий служилых людей, то получаются следующие результаты: дворян и детей боярских около 1800 человек, иноземцев (немцев, литвинов, казаков-черкас, «полоняников» – пленных европейцев) около 700, пеших и конных стрельцов примерно 9800, пушкеры и осадные люди около 230, казаков примерно 600-650 человек.

К 1631 г., согласно, смете военных сил, среди «понизовых» насчитывалось уже 32 города и пригорода¹³. Численность войск в них по сравнению с 1625 г. практически не изменилась и составляла почти 24,5 тысячи человек.

На прежнем уровне осталось количество городских казаков и стрельцов, служилых людей «по отечеству», а также служилых людей из местных народов. Накануне Смоленской войны увеличивается в 2 раза количество пушкарей, затинщиков, но артиллерия в основном по-прежнему была сосредоточена в нескольких главных городах региона (Казани Астрахани, Терках, Чебоксарах, Царицыне и т.д.). Более чем наполовину уменьшается численность разного рода служилых иноземцев, черкас. Трудно объяснить этот факт, возможно, они были переведены на службу в другие окраинные области.

Необходимо также отметить, что в Понизовом Поволжье имелся значительный резерв из нерусских народов. В него входили не только служилые татары разного вероисповедания, а также башкирские тарханы, но и различные местные народы – мордва, чуваша, башкиры и другие ясачные люди, которые набирались один с трёх дворов, в первую очередь в случае «повальной службы». В общей сложности, к началу 1630-х гг. в регионе от «мещерских городов» до астраханских земель числилось более 22 тысяч ясачных дворов, которые в случае «повальной службы» теоретически могли дать около 7,5 тысяч человек, преимущественно для вспомогательной службы¹⁴. Ясачные люди не являлись такой же военной силой как другие служилые люди, они были скорее стратегическим резервом на случай военных действий. Но специфика региона с его полиэтничным населением и тот факт, что во многих городах число ясачных людей превышала половину от всей численности служилых людей, заставляет учитывать эту группу при анализе всей военной силы этой области.

По расчетам И.П. Ермолаева, в составе «понизовых городов», которые историк относит в плане военной организации в особый территориальный и административный орган – Казанский разряд, по сметному списку 1631/32 гг. насчитывалось (без учёта сибирских городов) 30652 чел. Армия состояла на 39,4 % из стрелецких и казачьих приказов, на 23,8 % из служилых новокрещёнов и служилых татар и на 28,8 % из ясачных людей. Дети боярские составляли всего 4,8 %, а отряды из «иноземцев — литва и немец» – 1,5 %. На военных и других специалистов (пушкарей и затинщиков, «сторожей» и воротников, кузнецов и плотников, толмачей и переводчиков) приходился 1,3%. Таким образом, армия понизовых городов по-прежнему была более чем на 50 % укомплектована представителями нерусского населения Поволжья, если опять же считать с ясачными служилыми людьми¹⁵.

В составе этой армии были представлены своими военными силами все понизовые города: Терки, Астрахань, Чёрный Яр, Царицын, Саратов, Самара, Уфа. Казань с пригородами (Тетюши, Лаишев, Оса, Малмыж, Арск, Алаты), Уржум, Свияжск, Чебоксары, Козмодемьянск, Цивильск, Ядрин, Царевokokшайск, Кокшайск, Царевосанчурск, Яранск, Васильгород, Курмыш, Алатырь, Касимов, Кадом, Шацк, Темников, Арзамас. Если от этих городов отделить нижеволжские и «мещерские города», то ратные люди собственно Среднего Поволжья и Приуралья составляли 47,8 % (14675 человек), т. е. почти половину армии всех понизовых городов.

Обращает на себя внимание и то, что служилые люди городов, входивших в ведомство приказа Казанского Дворца, имели достаточно большой удельный вес в российской армии в целом. Так, в сметном списке 1630/31 г. итоговая цифра служилых людей, которых «в Казанском дворце ведают», составляла 31786 человек. Сюда входили служивые люди не только понизовых, но и сибирских городов (до 1640-х гг. приказ Казанского Дворца управлял и Сибирью). Всего же, по этому списку, в Российском государстве состояло на службе 66690 человек, т. е. служилые люди, подведомственные приказу Казанского Дворца, составляли почти 50 % всего состава армии¹⁶.

В начавшейся осенью 1632 г. русско-польской войне Казанский разряд использовался в составе армии М. Б. Шеина лишь частично¹⁷. Из понизовых городов в армию были призваны, как сообщают разрядные книги, дворяне и дети боярские, служилые татары и тарханы, общим количеством в 1499 человек¹⁸. Согласно разрядным книгам в августе 1632 г. перед Смоленским походом в Можайск были вытребованы на сбор в том числе арзамасские служилые люди по отчеству в войске боярина и воеводы М. Б. Шеина, а с воеводой А. В. Измайловым отправлялись курмышане. Кроме того, дворяне и дети боярские были вызваны из Казани, Свияжска, Чебоксар, Космодемьянска, Курмышы, Санчурска, Цивильска, Ядрина и Яранска, всего почти 300 чел., служилых мурз и татар – 1228 чел.¹⁹

На период Смоленской войны соответствующие разрядные книги раскрывают общую для московской поместной армии проблему нетства. В книге 7139-42 (1631-34) гг. говорится: «Да Понизовых городов дворян и детей боярских, которые вновь наряжены из Смоленских нетчиков:...» мы имеем общую цифру – 3405 дворян и детей боярских, мурз, новокрещенов, тарханов и татар по 18 городам²⁰. Важно отметить, что это все старые центры Понизовья, служилые люди из которых составляли основу вооруженных сил понизовых городов. Кроме того, в войске воеводы князя Д. М. Черкасского находились стрелецкие и казацкие отряды из Арзамаса, Шацка, Свияжска, Чебоксар, Космодемьянска, Ядрина, Яранска, Царево-Санчурска, Кокшайска, Василь-города, Алатыря и Самары. Опять же важный момент – за исключением Самары, Арзамаса и Шацка – это города, откуда в основном служилые люди направлялись на различные службы в другие города.

К сожалению, подробно проанализировать изменения в состоянии численности служилых людей «понизовых городов» в период Смоленской войны невозможно по причине того, что в разрядной книге за 1632 г. (год начала войны) нет подробных росписей по каждому городу из 32 упомянутых²¹. Уфа и Уржум указаны уже отдельно в составе именно соответствующих уездов²². По составу и численности гарнизоны опять же не особо отличаются от того, что было накануне войны. Но уже можно выявить такую закономерность, как значительная мобильность служилых людей из отдельных городов и основные направления их перемещений. Такие города как Черный Яр, Царицын, Саратов, бывшие фактически частью Астраханского края, в своих гарнизонах имели годовальщиков или посланных на острожное дело из других городов, от 50 до нескольких сотен человек²³. Главны-

ми «поставщиками» были Свияжск, Ядрин, Чебоксары, Цивильск, Царево-Санчурск, Яранск, Космодемьянск, Царево-Кокшайск. Посылаемые отряды стрельцов, детей боярских, новокрещенов не превышали трех десятков человек и их соотношение были приблизительно равным по каждому соответствующему городу. В целом численность посланных служилых людей на строительство острога или годовую службу не превышала четверти всего гарнизона.

Важный факт стоит отметить и по росписи казанского гарнизона. В отношении стрельцов указано, сколько в четырех приказах «велено быти по окладу» (в данном случае 2000 чел.), а сколько было в реальности – в «приборе» без погибших и умерших (1760 чел.)²⁴. Этот факт наряду с тем, что по некоторым городам даются общие цифры по численности «Русских людей и с иноземца» хотя и без учета служилых людей из других местных народов, показывает процесс развития разрядных книг, их информативности и точности.

В 1635 г., первом после завершения Смоленской войны, в регионе возникает новая опасность – калмыки. Появляется новый вид службы для посылаемых служилых людей – «калмыцкие дела»²⁵. Это напрямую указывалось по различным городам, кроме того, бросаются в глаза меры по укреплению гарнизонов, оказавшихся в эпицентре основных калмыцких кочевий. Именно в таком положении оказалась Астрахань, куда посылаются 1752 казанских и нижегородских стрельцов наряду с годовальщиками из понизовых городов. Важно отметить тот факт, что в Понизовье ещё не были сформированы полки нового строя, специально собранные для похода.

Возможно, именно факт новой военной опасности привел к тому, что численность военных сил в «пониловых городах» через два года после войны вырос до 32 тысяч чел²⁶. В регионе резко возрастает, по сравнению с 1631 г., численность стрельцов и казаков, в то же время количество детей боярских, пушкарей, затынчиков и осадного служилого люда почти не изменяется. Вновь мы видим уменьшение численности иноземцев, хотя число городов, где они несли службу, не изменилось.

Стрельцы и городовые казаки составляли ядро практически всех гарнизонов. Если не брать в расчет мещерские города, то эти категории служилых людей не упоминаются только одном населенном пункте из 32. Наибольшие контингенты стрельцов и казаков несли службу в Казани и Астрахани²⁷. Служилые люди «по отечеству» не упоминаются также в «мещерских» городах, пригородах Казани, а также в Царево-Кокшайске и Царево-Санчурске. Отметим, что в двух последних городах, а также в Курмыше, Яранске, Уржуме и Цивильске числилось одинаковое количество стрельцов – 202 человека, что дает возможность предположить об определенных критериях при формировании гарнизонов со стороны Разрядного приказа.

Что касается других групп служилых людей, то наибольшее число пушкарей, воротников несло службу в Казани, Астрахани, Терках, Свияжске, Алатыре, Чебоксарах, Яранске и Самаре (не менее 15 человек), более всего служилых людей из поволжских народов с новокрещенными и без учета яса-

ных людей числилось в Казани, Астрахани, Терках, Алатыре и Свияжске. Особняком стояли «мещерские города», где небольшие гарнизоны были, согласно, разрядным книгам, моноэтничными, за исключением Темникова²⁸. Что касается достаточно широкой группы служилых людей, куда мы вносим вольных казаков, черкас, различных категорий иноземцев, то они значатся в 19 городах. Группы более чем в 100 человек имелись лишь в Терках и Казани, в основном, иноземцы располагались небольшими группами не более 30 человек в старых городах Казанского края.

По сравнению с последним предвоенным годом численность служилых людей увеличивается почти на 5 тысяч чел. Мы видим рост количества стрельцов и городских казаков почти в два раза, с 8 до 14 тысяч. Можно предположить, что это связано опять же с последствиями похода, а также с оставшейся калмыцкой угрозой. Остается стабильным число дворян и детей боярских, а также пушкарей, затынщиков и различных осадных людей, не слишком меняется количество служилых татар, мурз, тарханов, новокрещеных и т.д. А вот число иноземцев несколько уменьшилось. Если вновь выделить в отдельную группу ясачных служилых людей, то в большинстве городов наибольшую группу составляли стрельцы (конные и пешие) и казаки. Исключение – группа «мещерских» городов (Курмыш, Темников, Шацк, Касимов, Кадом), а также Арзамас и Алатырь, где служилый контингент был моноэтническим. Местные служилые татары и тарханы фактически почти всю первую половину XVII в. составляли основу Понизового войска во всей русской армии в целом. В других городах стрелецко-казачьи контингенты и дети боярские были основой ратных сил. Опять же, нужно отметить, что за исключением Казани, Свияжска, Алатыря, Курмыша (за счет поселенных детей боярских из западных земель) и Астрахани численность детей боярских в понизовых городах колебалась в пределах нескольких десятков человек. Что касается численности наряда, а также различных групп «осадных» служилых людей, то их количество в основном не превышает 30 человек и, как представляется, соответствовала, размеру городских укреплений, фортификационным нуждам городов.

В 1630-х гг. мы видим некоторую динамику в развитии военных сил региона «понизовых городов». Если накануне Смоленской войны численность служилых людей здесь было сопоставим с тем, что было ещё в середине 1620-х гг., при увеличении общего числа городов, то через пять лет военные силы региона возрастают. В первую очередь это происходило за счет увеличения числа стрелецких полков, которые были основой ратных сил края наряду со служилыми людьми из поволжских народов. Военные силы «понизовых городов», которые уже к началу 1630-х начали организовываться под управлением особого органа приказа Казанского Дворца – Казанского разряда, приняли участие в Смоленском походе, но основной задачей местных служилых людей была охрана этих территорий от кочевников, строительство и охрана новых городов. Последняя задача приводила к масштабной мобильности служилых людей, в первую очередь стрельцов и детей боярских, в результате чего сложились две группы городов. Первая группа

– это центры сосредоточения военных сил для защиты от кочевников, для строительства и укрепления острогов, для охраны купцов и посольств – сюда входили Астрахань, Терки, Царицын, Саратов, Черный Яр. Ко второй группе относились города-«доноры», значительная часть гарнизонов которых направлялась на годовую службу, в основном это были города бывшего Казанского ханства.

Ко второй половине 1630-х гг. мы можем увидеть окончательно сложившуюся и довольно многочисленную группу городов Понизовья, которые были своеобразными «донорами» служилых людей для новопостроенных поселений, как Черный Яр, или же для старых форпостов и центров на Средней и Нижней Волге, как Саратов, Царицын, Астрахань и Терка.

В период с окончания Смуты до Смоленской войны в крае шло восстановление старых крепостей и городов (Саратов, Астрахань, Терки), их укрепление (Курмыш), строительство новых (Черный Яр). Позднее, в 1630-е гг. начинается процесс интенсивного строительства небольших городов, связанный с появлением калмыков. Нападения последних побудили правительство соорудить «поперек» территории, подконтрольной приказу Казанского Дворца с юго-запада на северо-восток свыше двух десятков новых городов и острогов, которые образовали внутреннюю по отношению к «понизовым городам» оборонительную линию²⁹. Строительство новых городов на засечных чертах в следующие десятилетия дало новый толчок к развитию «понизовых земель», в том числе местных военных сил.

Примечания

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 123-125.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 442-446.

³ Книга разрядная по официальным оных спискам. СПб., 1853. Т. 1. С. 36.

⁴ Назаров В.Д. О забытом источнике по истории посадского населения России в первой половине XVII в. // Промышленность и торговля в России XVII -XVIII вв.: Сб. статей. М., 1983. С. 43.

⁵ Новохатко О.В. Записные книга Московского стола Разряда в XVII в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1994. С. 6-7.

⁶ Книга разрядная. Т. 1. С. 1141-1148.

⁷ Книга разрядная. Т. 1. С. 1141-1143.

⁸ Амерханова Э.И.. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1998. С. 4.

⁹ Сметный список 139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 4. 1849. С. 40-42, 44-45.

¹⁰ Смирнов И.И. Астрахань и восстание Болотникова // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 184.

¹¹ Сметный список 139 году. С. 40-42, 44, 47.

¹² Там же. С. 40-48.

¹³ Сметный список 139 году. С. 40-49.

¹⁴ Ермолаев И. П. «Казанский разряд» как элемент государственного управления Средним Поволжьем // У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С.М. Каштанова. Часть II. М., 1997. С. 406-407

-
- ¹⁵ Там же. С. 407
- ¹⁶ Акты Московского государства, изданные Академией наук / под. ред. Н.А. Попова. Спб., 1890. Т. 1. С. 375-76.
- ¹⁷ Книги разрядные по официальным оных спискам. Спб., 1855. Т. 2. С. 386
- ¹⁸ Там же. С. 387-390.
- ¹⁹ Там же. С. 551-552.
- ²⁰ Там же. С. 687-688.
- ²¹ Там же. С. 744-745.
- ²² Там же. С. 742.
- ²³ Там же. С. 743.
- ²⁴ Там же. С. 822.
- ²⁵ Там же. С. 920-931.
- ²⁶ Там же. С. 921, 923.
- ²⁷ Там же. С. 930-931.
- ²⁸ Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 163.

Ю.Н. Смирнов *

**РОЛЬ А.И. ТЕВКЕЛЕВА В ПОДГОТОВКЕ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ****

В ходе изучения и публикации новых источников об Оренбургской экспедиции уже высказывался тезис о том, что ее замысел, который в 1730-40-е гг. лег в основу геополитической стратегии Российской Империи в обширном регионе Заволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, был разработан приверженцами двух основных религий страны, православия и ислама, И.К. Кириловым и А.И. Тевкелевым¹. Самые многочисленные языковые группы населения страны, славянская и тюркская, в лице этих своих представителей в политической, административной и интеллектуальной элите Российского государства проявили совместное стремление к хозяйственному и торговому продвижению на юго-восток вплоть до Средней Азии и Индии.

Обращают на себя внимание споры, которые ведутся по поводу происхождения и этнической принадлежности А.И. Тевкелева. Тюркское пространство юго-востока России в 18-м столетии включало большое число групп, пограничных или равноудаленных от основных центров формирования тюркоязычных народов нового времени. Эти группы сохранялись в силу пережитков родоплеменной организации или, наоборот, появлялись в связи с перестройкой прежних социальных структур. Вопрос о том, был ли Тевкелев по происхождению чингизидом, ногайцем, башкиром, татарин (причем, тоже в различных вариантах: темниковским, касимовским, уфимским), конечно, будет уточняться, но вряд ли разрешится окончательно². Не вступая в полемику по нему, следует считать более важным то, что во взглядах этого видного исторического деятеля отразились настроения, общие для значительной части мусульманского населения России. Несмотря на этнические и социальные различия, а также разницу в торгово-промышленных, земледельческих или скотоводческих занятиях, для большинства этого населения было характерно осознание связи собственных интересов с общегосударственными. Особенно прочными такие связи становились в деле продвижения на новые земли, их хозяйственного освоения и военной защиты, установления надежных коммуникаций с зарубежными торговыми партнерами, рынками сырья и сбыта.

В отличие от конкретной военной, дипломатической и административной деятельности, которой уделили много внимания исследователи биографии мурзы Кутлумухаммеда Мамешева, известного в русском обиходе

* © Смирнов Юрий Николаевич - д.и.н., проф., декан исторического факультета Самарского государственного университета

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

под именем Алексея Ивановича Тевкелева, его взгляды на имперские геополитические задачи не получили еще достаточного объяснения и оценки³. Данная статья посвящена уточнению роли, которую он сыграл в разработке и отстаивании замысла Оренбургской экспедиции. В качестве источников использованы опубликованные документы, материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).

А.И. Тевкелев (1674 или 1675 – 13.04.1766) до конца своей жизни гордился тем, что во время переговоров с казахами выдвинул идею основания Оренбурга, «на что он, Хан, со всею ордою склонясь, и признавая оное представление мое полезным, просил... письменно о постройке на устье реки Орь города». Правда, Кирилов, в свою очередь, утверждал, что такое предложение Тевкелев сделал по совету его, Кирилова, данному еще до отправки посольства в казахские степи в 1731 г.⁴ Последнее утверждение остается недоказанным, но, даже если оно справедливо, это не умаляет заслуг Тевкелева как дипломата в выработке идеи Оренбургской экспедиции.

Тевкелев искренне претендовал на роль хранителя заветов Петра Великого, полученных из уст самого императора во время Персидского похода 1722-1723 гг., относительно необходимости разработки казахско-среднеазиатского направления политики России на Востоке. Говорил ли ему сам Петр I, что Киргиз-кайсацкая орда представляет собой «ключ и врата» ко «всем азиатским странам и землям», или Тевкелев приписал царю собственные мысли, уже не столь важно. Ни современники, ни потомки не ставили под сомнение стратегию, воспринятую Тевкелевым, якобы, от великого императора, о необходимости российского протектората над казахами, чтобы «через их во всех Азиатских странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять»⁵.

Необходимость диверсификации дипломатических и торговых связей со странами Востока, недостаточность одного волжско-каспийского пути туда через Иран, была осознана Тевкелевым на личном опыте еще до Персидского похода. В 1716 г. он оказался практически единственным уцелевшим участником неудачной закаспийской экспедиции А. Бековича-Черкасского. Тогда его, как ни странно, спасло разоблачение и арест в Астрабаде как российского шпиона, что помешало ему прибыть в Хиву для встречи с остальными участниками экспедиции и разделить с ними печальную судьбу на плахе или в рабстве. Тевкелева же из иранской тюрьмы выручил с большими хлопотами русский посланник при дворе шахов династии Сефевидов А.П. Вольтинский⁶.

Поддерживая проект Кирилова об основании Оренбурга, Тевкелев все же стоял на более прагматической позиции, ориентировался на более близкие и понятные цели, нежели продвижение в Индию, хотя и не возражал против него. В представлении от 21 апреля 1734 г. руководителю внешнеполитического ведомства А.И. Остерману он выражал надежду, что «воровские кайсаки перестанут подъезжать под российские города Самару, Сызрань и Черемшан на воровство, которые ездят и переезжают реку Яик».

Почти 30 лет спустя Тевкелев, вспоминая дела прежних лет, повторял, что в первую очередь его заботили безопасность оседлых жителей степного приграничья, судьбы тысяч несчастных пленников, угнанных кочевниками в рабство «из Закамских мест»⁷. При этом он не делал различия между русскими, татарскими, мордовскими, чувашскими поселенцами, между приверженцами православия, ислама, язычества.

За Тевкелевым и фактически, и юридически закреплялось положение правой руки начальника Оренбургской экспедиции. Еще в инструкции Кириллову от 18 мая 1734 г., самом первом из документов экспедиции, это оговаривалось в специальном пункте: «Полковнику Тевкелеву быть в общем совете и у всех разсужденей и поручить ему главную команду над башкирским и нерегулярным войском, а в потребных случаях командировать (к нему – Ю.С.) и регулярных»⁸.

Об особом статусе Тевкелева, необходимости совместных с ним решений по различным вопросам не раз из столицы напоминали и В.Н.Татищеву, сменившему Кириллова. Только в указе от 14 октября 1737 г. это сделано трижды⁹.

Значимую роль Тевкелева Татищев признавал в своеобразной форме. В 1742 г. он недобро поминал вместе обоих организаторов Оренбургской экспедиции, «которую, как видно, по обману Тевкелева и Кириллова... начали», причем «более для собственной, нежели казенной пользы»¹⁰. Эти оценки из частного письма Татищев повторил в подготовленном к печати «Лексиконе российском», где утверждал, что «сенатской секретарь Кириллов, от беспутных предприятий впадший в великие долги, и, не зная чем отплатиться», начал свою авантюру «по совету с переводчиком Тевкелевым»¹¹.

Обвинения Татищева в адрес Кириллова и Тевкелева были несправедливы. Дело даже не в том, что те не подавали повода к реальным обвинениям в злоупотреблениях. Планы Оренбургской экспедиции были продиктованы пониманием глубинных основ российской геополитики в глобальном масштабе от Волги до Пянджа, от Урала до Тихого океана. Эти замыслы, не случайно, получили дальнейшее развитие в отечественной политической и научной мысли, во внешнеполитической, административной, торговой и хозяйственной практике¹².

В силу внутривнутриполитических причин (башкирского восстания, в первую очередь) и не без воздействия внешних факторов (точнее, недостаточного учета всей их сложности при разработке исходных планов),

Первоначальные масштабные среднеазиатско-индийские цели в деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) сузились до решения текущих вопросов традиционной караванной торговли, освобождения пленников и т.п. Однако то, что удалось сделать для налаживания торговых и дипломатических контактов России с ее восточными соседями в конце 1730-х – начале 1740-х гг., заслуживает всяческого уважения.

Значимость дальних задач Оренбургской комиссии была оценена Татищевым неправильно. Конфликт с Тевкелевым, который не без оснований

считал себя одним из начинателей дела освоения заволжско-приуральской «Новой России», стал главным просчетом Татищева в его взаимоотношениях с представителями местных военных властей и гражданской администрации. П.И. Рычков отнес первые проявления разногласий между ними к 1738 г., когда Тевкелев по некоторым делам «возымел противу его [Татищева – Ю.С.] разные мнения, с поступками и рассуждениями его, тайного советника, несогласные»¹³.

Однозначные объяснения этого конфликта, встречающиеся в литературе, справедливы только отчасти. Тевкелев был действительно недоволен репрессивными мерами своего начальника против некоторых командиров войск на юго-восточном пограничье, например, в отношении полковника И. Бардукеевича. Он же действовал против мятежников более решительно и жестоко, чем допускал нужным Татищев. Однако предположения, высказанные в литературе, о возможных родственных связях Бардукеевича с Тевкелевым или просто приклеивание тому ярлыка «садиста»¹⁴ затрагивают только поверхность отношений двух самых ярких после смерти Кирилова деятелей Оренбургской комиссии.

Тевкелев выступил в открытую против Татищева, решив, что тот ставит под угрозу всю стратегию юго-восточной политики империи в том виде, каком она была заложена планами и трудами Кирилова, его сподвижников и сотрудников. Форма, в которую вылился назревавший конфликт, была продиктована сложившимися обстоятельствами. Тевкелев по должности и чину не мог противодействовать Татищеву и тем более добиться его отстранения от дел Оренбургской комиссии, но знал, что положение противника уязвимо при петербургском дворе, а потому выстрелил «протестом» на имя Бирона. Это не означает, что цели, преследуемые временщиком, с одной стороны, и командирами, недовольными поведением Татищева, с другой, были тождественны. Один преследовал личные выгоды и устранял противника окруживших трон иноземцев, другие в лице Тевкелева были озабочены положением дел на юго-восточной окраине и не нашли другого способа изменить политическую линию, проводимую фактическим правителем огромного края. Тевкелев воспользовался тем, что в Петербурге ожидали от Оренбургской комиссии блестящих успехов и приобретений, которые обещал Кирилов, и не только не собирались терпеть очевидных неудач, но и не готовы были простить упущенных возможностей. Стало очевидным, что двор и правительство предпочитали на юго-востоке по-кириловски решительные действия, а не основательность и осторожность Татищева.

За кажущимися мелочными счетами противников в их доносах, оправданиях и встречных поклепах вырисовывается картина противостояния не только тактических, но и стратегических линий в юго-восточной политике империи. То, что сторонникам решительной экспансии казалось лишь промежуточными шагами (укрепление рубежей по рр. Яику и Самаре, умиротворение Башкирии, заселение Заволжья и Приуралья, развитие торгов-

ли и городов и т.д.), для приверженцев более осторожной линии являлось достаточной и конечной задачей.

В пылу спора широкие замыслы Кирилова и Тевкелева, не лишённые определенной романтики, выставлялась Татищевым авантюрой, сопряженной с личной выгодой и небрежением казенных затрат. В свою очередь жесткий прагматизм и расчетливость Татищева трактовались его оппонентами как трусость, неспособность к решительным действиям, желание избежать опасностей и тягот походной жизни. Среди 17 пунктов, вменённых в результате следствия и суда в вину Татищеву¹⁵, первым стояло тевкелевское достаточно справедливое обвинение своего начальника в слишком прочном обосновании со штабом комиссии в тыловой Самаре и нежелании строить по-настоящему Оренбург¹⁶. На это уязвимое место политического противника обратил внимание граф М. Головкин еще 11 марта 1739 г. в письме Бирону после разговора с Тевкелевым¹⁷.

Урок, данный Татищеву, был быстро усвоен сменившим его И.И. Неплюевым. Последний решительно приступил к построению Оренбурга, превращению его в центр новой огромной губернии Российской империи, азиатской торговли и дипломатии. Деятельность Тевкелева после преобразования с 15 марта 1744 г. Оренбургской комиссии в Оренбургскую губернию выходит за хронологические рамки настоящей статьи. Отметим лишь то, что Неплюев, несмотря на отдельные разногласия с Тевкелевым, сумел использовать его опыт и энергию, вернув ему в местном управлении роль второго и незаменимого человека. Эта роль вполне удавалась Тевкелеву, поскольку в деле российского продвижения на юго-восток он не был просто исполнителем. С 1730-х гг. он стал одним из разработчиков геополитических замыслов и практической государственной политики на данном направлении, воплощенных в организации и деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии).

Примечания

¹ Смирнов Ю.Н. Сборник экстрактов именных указов 1734-1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии - источников по истории отношений России с народами Средней Азии) // Сборник Русского исторического общества. Т.5 (153). М., 2002. С.15.

² Байназаров И.Н. А.И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-е гг. XVIII века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2005. С.8, 17; Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. Уфа, 2009. С.15-17.

³ См.: Ханыков Я.В. Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерала-майора Алексея Ивановича Тевкелева // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн.13; Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII - начале XIX в. // Классы и сословия в России в период абсолютизма: межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.Н. Смирнов. Куйбышев, 1989; Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлумухамед Тевкелев // Сборник РИО. Т.5 (153). М., 2002; и др.

⁴ Разные бумаги генерала-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах // Временник императорского Московского общества истории и древнос-

тей Российских. М., 1852. Кн.13. С.16; Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края // Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т.1. С.18.

⁵ Разные бумаги генерала-майора Тевкелева. С.15.

⁶ Гилязов И.А. Указ. соч. С.78-79; Арапов Д.Ю. Указ. соч. С.33.

⁷ Кучумов И.В., Смирнов Ю.Н. Первый труд по истории Башкортостана // Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С.VII.

⁸ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.6об., 16об.

⁹ Там же. Л.35об.-36.

¹⁰ Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1864. Т.IV. Приложение. С.38.

¹¹ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С.253.

¹² Смирнов Ю.Н. Споры патриотов: Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. №9. С.40-47; Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т.14. №3. С.171-175.

¹³ Рычков П.И. История Оренбургская. С.106.

¹⁴ Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С.254-255.

¹⁵ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.807. Л.6-8.

¹⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.5. Д.312. Л.19, 20об., 39, 41, 42.

¹⁷ Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861. С.203.

М.И. Леонов***ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.****

Появление на рубеже веков партийных объединений было индикатором изменения общественных отношений и стратификации интеллигенции. Раньше и явственнее эти явления проявились в центрах Российской империи, откуда распространялись на периферию. Движение это было сложным и непрямолинейным.

Глубинная Самарская губерния на рубеже веков в государственном политическом реестре проходила по разряду спокойных. Значительных выступлений в ней не было. Сюда ссылали поднадзорных, а местная администрация привечала их. Среди служащих Самарского земства они составляли едва ли не треть. Ссылные и инициировали появление революционных объединений. Первыми конституировались партийные организации сторонников социализма, прозелитов веры в земной рай на основе обобщественного производства, плановой и планомерной экономики, централизованного распределения.

Социал-демократы, в большинстве молодые интеллигенты, высланные за участие в политических выступлениях, появились в Самаре в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Около 1892 г. В.И. Ленин, И.Х. Лалаянц, А.П.Скляренко составили малочисленный товарищеский кружок поклонников учения К. Маркса. С середины 90-х гг. их последователи агитировали отдельных учащихся и рабочих, издавали в небольшом количестве экземпляров прокламации, редактировали в 1895-1896 гг. первую отечественную легальную марксистскую газету «Самарский вестник», лицо которой определяли П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский. Вместе с ними участвовали в издании газеты Н.Г. Гарин-Михайловский и П.П. Маслов. 2 мая 1896 г. социал-демократы провели на Коровьем острове первую маевку с участием примерно 30 человек. А.А. Преображенский и А.Н. Ермасов в 1900 г. сформировали немногочисленную «группу содействия «Искре», которую в июле 1902 г. преобразовали в комитет. Основные усилия социал-демократы направляли на пропаганду рабочих и учащихся (с 1904 г. и солдат), организацию малочисленных кружков (на заводах Журавлева, Лебедева, свечном). Делом этим занимались почти исключительно молодые люди (Р.Н. Дмитриев, П.П. Кузьмин, С.М. Лепский, Б.И. Николаевский и др.) Осенью 1903 г. в Самаре расположилось Восточное бюро ЦК РСДРП, в котором главную роль сначала играл И.Ф. Дубровинский, а с осени 1904 г. – А.А. Квятковский. На Алексеев-

---

* © Леонов М.И. – д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заповжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).»

ской улице (ныне ул. Красноармейская, д.52) в нелегальной типографии печаталась «Хроника Восточного бюро РСДРП». В одних случаях самарские марксисты принимали решения в духе рекомендаций вождей-большевиков, в других — вождей-меньшевиков. Видимого деления на большевиков и меньшевиков среди них не наблюдалось.

Эсеры, сторонники модофицированного «русского социализма», сформировали в конце 90-х гг. XIX в. кружок, куда вошли преимущественно учащиеся земледельческого училища, а в 1902 г. объявили его группой партии. Наиболее видными эсерами Самары в то время были М.И. Сумгин, М.А. Веденяпин, С.И. Девятовов. Вместе с другими активными членами группы они основывали пропагандистские кружков учащихся, народных учителей, рабочих. Особенно преуспевали на этом поприще Г.И. и С.И. Акрамовские. Уделяли они внимание и пропаганде крестьян, созданию крестьянских кружков – «братств». Народные учителя А.Г. и В.Г. Петровы в 1902 г учредили в селе Царевщина Самарского уезда кружок, который агитировал «в округе верст на 100». Позднее крестьянские организации появились и в других селах и деревнях губернии, чему способствовали инициированные эсерами в 1903 г. «Союз народных учителей» и «Крестьянский союз» партии эсеров. С 1904 г. эсеры активно пропагандировали воинские части. В январе 1904 г. Самарскую группу преобразовали в комитет¹.

Самарские либералы А.Н. Хардин, А.Г. Елшин, А.А. Бостром, Д.Д. Протопопов, Г.Н. Костромитинов и другие до конца 1904 г. ограничивались беседами в дружеском кругу, участием в семейно-педагогическом кружке, обществе взаимопомощи учителей и т.п. Некоторые из них выступали за реформы при сохранении самодержавия, остальные — за будущий строй без самодержавной власти. Сторонники «Союза освобождения» никак не могли сплотиться. Теоретические распри либералов, социал-демократов и эсеров не мешали сотрудничеству. В конце 1904 г. они совещались о согласовании усилий, хотя и не сумели договориться.

Сплочение самарских консерваторов шло неспешно. Часть их считала необходимым уравнивать в правах всех землевладельцев, за дворянами же сохранить роль старшего опекуна. А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов и другие ратовали за сохранение особого социального статуса дворянства и поместного землевладения.

Накануне 1905 г. совокупность партийных организаций Самарской губернии находилась в стадии оформления. Объединения социал-демократов и эсеров состояли из десятков, многое двух-трех сотен прозелитов, в основном юных, возглавляемых, чаще всего, молодыми людьми. Ареал их влияния, по сути, ограничивался небольшой частью жителей губернского города. Самарские либералы только собирались съорганизоваться, консерваторы ограничивались разговорами.

В период обострения Смуты начала XX в. партийные организации качественно усилились, отношения между ними усложнились. Особую активность проявляли революционеры. Социал-демократы Самары весной 1905 г. считали в своих рядах 560 членов, осенью — более 600, весной 1906 г. —

около 600, весной 1907 г. — около 400 членов. Уездные группы РСДРП были в Бугульме, Бузулуке (10 членов), Бугуруслане, Николаевске (15 членов), Ставрополе (15 членов)². Согласно партийной статистике, основную долю членов самарской организации составляли рабочие, далее шли интеллигенты и учащиеся; социал-демократов крестьян было очень мало. Партийные функционеры почти сплошь были интеллигентами и учащимися. Усилия социал-демократов были направлены главным образом и в первую очередь на город, где они решительно преобладали над своими социалистическими оппонентами среди рабочих крупных предприятий, имели большинство в стачечных комитетах, в Совете рабочих депутатов, в профсоюзах, пользовались известным влиянием в кустарных и полукустарных заведениях, агитировали солдат; выпускали в тысячах, а иногда в десятках тысяч экземпляров прокламации, издавали газеты «Самарская газета», «Самарская лука», «Прибой», «Борьба», инициировали стачки, создавали боевые дружины, активно участвовали в октябрьской стачке и в вооруженных столкновениях зимы 1905 г. В деревне они успеха не имели. Выборы в I Государственную думу социал-демократы бойкотировали, распространяя в значительном количестве листовки типа: «Участники Думы – предатели народа!» Позднее они скорректировали свою тактику, а с начала 1907 г. сконцентрировали усилия на избирательной кампании. И добились успеха. Во II Государственную думу прошли два социал-демократа. «Втородумские свободы» самарская организация РСДРП использовала для пополнения своих рядов, усиления агитации, но к середине 1907 г. потеряла почву и ориентиры. Чем дальше, тем больше рядовые и нерядовые члены стали покидать ее ряды.

Организация эсеров Самары осенью 1905 г. насчитывали в своих рядах 250 членов (150 рабочих и 100 интеллигентов), в октябре 1906 г. – 500 членов. Группы в Бугульме, Бузулуке, Николаевске, Новоузенске, Ставрополе, в слободе Покровской Новоузенского уезда имели по несколько десятков членов каждая. Эсеры пропагандировали в основном железнодорожников, рабочих мелких предприятий, ремесленников, приказчиков. Их влияние было относительно значительным только на мелких предприятиях. Воздействовали они также на учащихся и солдат гарнизона. Особое внимание эсеры уделяли деревне и в январе 1905 г. они выпустили первый номер нелегальной «Крестьянской газеты». Несколько позднее съезд представителей сельских эсеровских организаций принял решение готовиться к вооруженным выступлениям и к захвату помещичьих земель. С весны 1905 г. эсеры стали формировать боевые дружины, участвовать в волнениях, стачках, возглавили железнодорожный стачечный комитет; к осени 1905 г. создали значительное число «крестьянских братств», основали самарское отделение Всероссийского крестьянского союза. Губернский комитет для агитации деревни в начале 1906 г. сформировал группу из 25 человек. В губернии в 70 «крестьянских братствах» насчитывалось до 700 членов. В 1905-1906 гг. эсеры регулярно выпускали прокламации тиражом 5-10 тыс. экз., издавали нелегальные и легальные газеты «Самарский курьер», «Крестьян-

ская газета», «Молодое слово», «Народный листок», «Судьба»³. Выборы в I Государственную думу они бойкотировали, во II Думу провели четырех депутатов. Один из них (муфтий Атласов) в партийную думскую группу не вошел. Эсеры использовали все средства, включая индивидуальные убийства. Эсеры-террористы убили губернатора И.Л. Блока, начальника Поволжского охранного отделения подполковника М.П. Боброва, несколько раз покушалась на жизнь начальника гарнизона генерала Сергеева. С весны 1907 г. численность Самарской организации и размеры ее агитации резко уменьшились.

В конце 1906 г. самоопределилась Самарская группа социалистов-революционеров-максималистов. В феврале 1907 г. в ней было чуть более 20 молодых рабочих и интеллигентов, занимавшиеся главным образом «экспроприациями» – грабежами: 26 января 1907 г. изъяли 435 руб. у владельца мучной лавки купца Романова, 18 февраля 1907 г. — 200 руб. у артельщика Самаро-Златоустовской железной дороги Ваганова. Максималисты поддерживали тесные связи с основанной в феврале 1907 г. малочисленной группой анархистов-индивидуалистов, к которой в апреле присоединились отколовшиеся от эсеровского «рабочего центра» несколько человек во главе с Я.М. Кожевниковым. Как и максималисты, анархисты сосредоточились на «экспроприациях». После ареста 18 мая 1907 г. 13 человек группа анархистов более не подавала признаков жизни⁴. С осени 1906 г. в Самаре действовал небольшой кружок радикалов-евреев организации «паолей-цион»⁵.

Самарские либералы с января 1905 г. энергично оппонировали власти. Земцы требовали немедленного созыва народных представителей, всеобщих и тайных выборов. После опубликования указа об учреждении Государственной Думы (6 августа 1905 г.) расхождения между либералами обострились: умеренные либералы в конце августа 1905 г. образовали «Конституционную лигу»; радикально настроенные либералы указом об учреждении Думе не были удовлетворены. Большинство первого областного земского съезда (август 1905 г.) высказалось за бойкот «булыгинской» Думы. После издания манифеста 17 октября 1905 г. либералы России основали две партии: конституционно-демократическую партию народной свободы (кадеты) и «Союз 17 октября» (октябристы).

Самарская организация партии кадетов конституировалась в декабре 1905 г. Временный губернский комитет составили А.Г. Клафтон, Г.Н. Костромитинов, А.Г. Курлин, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов, А.Н. Хардин. Осенью 1906 г. в Самаре насчитывалось 300 кадетов. Имелись кадетские группы также в Бугульме, Бузулуке (60 членов), Ставрополе, Новоузенске, Мелекесе, в промышленных селах Богатое, Тимашево⁶. Среди самарских кадетов были землевладельцы, предприниматели, служащие, интеллигенты, ремесленники, рабочие и в небольшом числе крестьяне. Кадеты были сторонниками конституционной парламентской республики политических свобод, 8-часового рабочего дня. Они пользовались влиянием во всех слоях общества, сотрудничали и с революционерами, и с октябристами. Администрация считала их опаснейшей антиправительственной организацией⁷.

31 декабря 1905 кадеты вошли в редакцию газеты «Самарский курьер», а после его закрытия — в редакцию газеты «Волжское слово», участвовали в декабрьских событиях 1905 г., возглавляли Комитет общественной безопасности. В первые месяцы 1906 г. им пришлось нелегко, число членов уменьшилось, сократился выпуск пропагандистской литературы. В эпоху «перводумских свобод» они оправились, увеличили свои ряды, возобновили в больших размерах издательство. На выборах в I Государственную Думу самарские кадеты наголову разбили своих основных конкурентов – октябристов и провели в Думу 8 своих депутатов. Роспуск I Думы (9 июля 1906 г.) сильно задел кадетов. В июле-сентябре они организовывали и возглавляли манифестации в Самаре, призывали к пассивному неповиновению, сотрудничали с революционерами. Осенью 1906 г. Самарский комитет сообщил, что организация находится «в плачевном состоянии, фактически не проявляет себя ничем». Однако, в период «втородумских свобод» (начиная с зимы 1906-1907 гг.) организация восстановилась. Избирательную кампанию во II Думу кадеты вели под лозунгом сплочения левых против «черносотенной опасности». Власти усиленно припятствовали их агитации, в частности, 9 февраля 1907 г. на квартире А.Н.Хардина обыскали и задержали 29 выборщиков-кадетов⁸. Выборы принесли самарским кадетам разочарование. Они провели в Думу только двух своих депутатов.

Консервативные либералы Самары в ноябре 1905 г. создали отделения «партии правового порядка» и «Союза 17 октября», которые 3 декабря объединились в губернскую организацию «партии правового порядка на платформе «Союза 17 октября». В губернский комитет вошли предводитель дворянства А.Н.Наумов и городской голова С.Н.Постников, крупные предприниматели и землевладельцы И.Г. Курлин, В.М. Сурошников, Я.Д. Слободчиков, граф А.Н. Толстой, князь П.Д. Урусов, М.Д. Челышев. С 1 января 1906 г. октябристы издавали газету «Голос Самары». В конце 1906 г. в Самаре насчитывалось 735 членов «Союза». Были образованы группы октябристов в Бузулуке (267 членов), в Бугульме (издавали газеты «Мирный путь» и «Возрожденное крестьянство»), в Николаевске (250 членов), в Новоузенске, в посаде Мелекесс, в селах Тимашево (35 членов) и Сельское (9 членов)⁹. Большую часть губернской организации «Союза» составляли высокооплачиваемые служащие, чиновники, представители «цензовой интеллигенции». «Союз 17 октября» выступал за наследственную конституционную монархию с двухпалатным представительством, за равенство всех граждан, свободу слова, совести, печати, собраний, отмену паспортной системы. Аграрный вопрос он предлагал решить уравнением крестьян в правах с другими сословиями, отменой общинных порядков, подъемом производительности земледелия и увеличения крестьянского землевладения¹⁰. Свою программу октябристы предполагали проводить исключительно парламентским путем. На собраниях простонародья они появлялись редко.

В октябре – декабре 1905 г. октябристы входили в Комитет общественной безопасности, позднее включились в избирательную кампанию в I Государственную Думу, во время которой вели острую полемику с кадетами.

«Голос Самары» иронизировал над «молодцами» «Самарского курьера», именовал кадетов очернителями, лжецами, клеветниками, «брузжащими ядовитой и грязной слюной». «Самарский курьер» в ответ призывал не верить октябристам, «партии богатых», «антинародной»¹¹. Октябристов ждало разочарование. Ни один их кандидат в Думу не прошел. Наученные горьким опытом, в период избирательной кампании во II Государственную думу они развернули активную устную и печатную агитацию, и при поддержке администрации провели своего депутата С.И. Ключева.

Самарские консерваторы говорили от имени тех социальных слоев, которые стояли за сохранение традиционного уклада, исповедывали традиционную нравственную максиму: православие, самодержавие, народность. В 1905 г., консервативно настроенное простонародье регулярно схватывалось с революционерами. Одиозный лидер консерваторов вице-губернатор Кондоиди корил смутьянов, безбожников-революционеров, винил правительство в трусости, призывал сплотиться вокруг царя. На его призывы около 200 человек с портретом императора и белым знаменем провели 27 октября 1905 г. манифестацию на Алексеевской площади.

Консерваторы выступали за сохранение поместного и частного землевладения, водворение порядка, защиту православия и самодержавия. А.А. Чемодуров, М.Д. Мордвинов, А.Н. Наумов пропагандировали идею Всероссийского союза землевладельцев. Чрезвычайное губернское дворянское собрание 26 февраля 1906 г. избрало на I Всероссийский съезд представителей от дворянских обществ (апрель 1906 г.) А.Н. Наумова, А.А. Чемодурова, А.Н. Булгакова, А.Н. Толстого, П.М. Наумова, М.Д. Мордвинова и Н.Н. Шишкова. А.А. Чемодурова избрали членом Постоянного Совета объединенных дворянских обществ, мнению которого внимали царь и правительство.

Губернский отдел Союза русского народа (СРН) оформился в ноябре 1906 г. и насчитывал около 500 чел., преимущественно из простонародья. На устраиваемые СРН собрания являлось до 800 чел. Организации СРН в Бугуруслане, Бузулуке, Николаеве, а также в Бузулукском и Бугурусланском уездах были созданы в начале 1907 г.¹². В Самаре не выходили черносотенные газеты, не было погромов, как в Казани и многих других городах. Члены СРН ограничивались мелкими стычками с революционерами, изданием прокламаций. Особое внимание Союз уделял устройству «Союза русских рабочих всех разрядов», школ и библиотек для простонародья.

Вместе с тем, как страна избавлялась от Смуты, политические партии теряли ориентиры, их численность уменьшалась. Антиправительственные партии с начала 1907 г. переживали тактический и организационный кризис. В наибольшей мере изменение ситуации сказалось на революционных партиях, о состоянии, планах и действиях которых политический розыск благодаря налаженной системе внутренней агентуры имел исчерпывающую информацию¹³.

Самарские социал-демократы в конце 1907 г. насчитывали в своих рядах не более трех с половиной десятков членов, которые разбрелись по фракциям «отзовистов», «ликвидаторов» и др. и более всего были заняты поис-

ками «провокаторов», а агитацией не занимались; губернский и городской комитеты прекратили существование. На общегородское собрание, назначенное на 7 сентября 1907 г., не пришел никто. Неоднократные попытки реанимировать городской комитет в 1908-1910 гг. устойчивого успеха не приносили. Партийные функционеры обреченно повторяли: «В настоящее время надо бросить партийную работу и выжидать удобного момента». В декабре 1911 г. четверо марксистов, один из которых был агентом губернского жандармского управления, составили из самих себя комитет, который просуществовал недолго. В 1912 г. социал-демократы себя ничем не проявили; в 1913-1914 гг. участвовали в профсоюзах приказчиков, строительных рабочих, в немногих малочисленных выступлениях рабочих и ремесленников; время от времени издавали гектографированные листовки. В январе-июле 1914 г. несколько партийных функционеров входили в редакцию легального еженедельного журнала «Заря Поволжья». В конце июня 1914 г. самарские сторонники В.И. Ленина в апостольском числе двенадцати избрали комитет из трех человек и объявили себя большевистской организацией, отдельной от неверных меньшевиков, с которыми, впрочем, до февральских событий 1917 г. чаще всего действовали солидарно.

К концу 1907 г. прекратили существование почти все уездные группы и большая часть крестьянских организаций эсеров, обострилась рознь между руководством комитета и склонным к экспроприациям «рабочим центром». Дело закончилось роспуском «рабочего центра». Пять эсеров-активистов 11 мая 1908 г. решили сосредоточить усилия на легальной работе в профсоюзах Самары и покончить с поездками агитаторов в деревню. В 1909 г. связи губернской организации с деревней были окончательно утрачены. Комитет то распадался, то восстанавливался. Относительно активная агитация велась только на Трубочном заводе.

Самарская группа анархистов после ареста 18 мая 1907 г. 13 ее членов долго не подавала признаков жизни. Члены восстановленной в 1908 г. прибывшим из Саратова А.С. Грачевым группы анархистов проявили себя тем, что оборудовали мастерскую по производству бомб и ограбили кондуктора конки. Дни организации анархистов оказались недолгими; сенью 1908 г. она прекратила существование. В последующем перманентно возникающие малочисленные (до полутора десятков человек) группки анархистов ограничивались изобретением планов грабежей и покушений. Самарское губернное жандармское управление за 1908-1909 гг. зафиксировало 45 анархистов-коммунистов (19 крестьян и 26 мещан)¹⁴. Максималисты Самары во второй половине 1907-1908 гг. ничем себя не проявили. В 1909 г. шестеро из них во главе с Н.С. Кузнецовым планировали совершить несколько покушений и ограблений, однако 24 ноября 1909 г. полиция задержала их. После этого до 1917 г. максималисты о себе не заявляли.

Самарская организация кадетов в первые годы думской монархии оставалась довольно многочисленной. В 1909 г. в Самаре насчитывалось 368 кадетов, в Бузулукском уезде – 35, Новоузенском – 16, Бугурусланском – 11, Ставропольском – 7, Бугульминском – 7, Николаевском – 4, Самарском – 1.

Однако внутри организации назрел конфликт. Губернский комитет раскололся, из его состава вышло 9 человек. В IV Государственную Думу самарские кадеты провели только одного своего депутата¹⁵.

Численность губернской организации октябристов к осени 1907 г. сократилось примерно до 200 человек. Тем не менее, она оставалась одной из самой многочисленной в Поволжье и самых деятельных в России, ее члены занимали ведущие позиции в земстве и в городской думе. В III Государственную Думу от Самарской губернии было избрано 11 депутатов-октябристов. Осенью 1912 г. октябристы Самары раскололись на сторонников Я.И. Чекмарева (около 35 чел.) и И.С. Ключева (15 чел.) В IV Государственную Думу октябристы губернии провели трех депутатов.

Влияние самарского отделения СРН с 1908 г. пошло на убыль. Численность его сократилась до 200 человек, оно раскололась. Одна часть во главе с С.П. Шустовым сохранила прежнее наименование, другая, во главе с Н.В. Шишкановым, стала называться «вторым отделом Союза русского народа имени святителя Алексия». Собрания отделов проходили эпизодически. В IV Государственной думе консерваторов губернии представляли три депутата.

Первая мировая война решительно изменила ситуацию. Социал-демократы свое отношение к ней определили лишь в октябре 1914 г. Среди них были и «пораженцы», и «интернационалисты», но преобладали «оборонцы». Аресты в январе-феврале 1915 г. не оставили от большевистского комитета ничего. В конце 1915-начале 1916 гг. в Самаре насчитывалось около 40 социал-демократов всех оттенков. В августе 1915 г. в связи с выборами в рабочую группу Военно-промышленного комитета (ВПК) они оживились. Меньшевики преуспели больше: в августе провели Поволжскую конференцию и приступили к изданию легальной газеты «Наш голос». Однако в июне 1916 г. почти всех их арестовали. Большевики поначалу намеревались бойкотировать выборы в ВПК, но 23 сентября 1915 г. повернули фронт на 180 градусов: образовали из интеллигентов (В.В. Куйбышев, А.С. Бубнов и др.) Исполнительный комитет, разделили Самару на два района, основали 17 кружков, но особенными успехами похвастаться не могли. На выборах в рабочую группу все 12 мест получили меньшевики. К тому же в октябре 1916 г. полиция ликвидировала все начинания большевиков. До начала 1917 г. самарские социал-демократы были заняты исключительно поисками виновных.

Организация эсеров Самары в годы первой мировой войны насчитывала от 15 до 20 активных членов, которые расходились по важнейшим вопросам и смогли выпустить считанное число печатных воззваний. Их связи с заграничным центром были случайными, перспективы – туманными. В апреле 1916 г. семеро самарских эсеров проголосовало за «оборону от агрессора», восемь – за «мир без аннексий и контрибуций»¹⁶.

Кадеты Самары были среди немногих, кому удалось в годы Первой мировой войны сохранить партийную организацию и губернский комитет, который возглавляли Н.А. Гладыш, А.Г. Елшин, А.Н. Букейханов, В.А. Кугы-

шев. Они издавали газету «Волжский день», участвовали в областных съездах, участвовали в Земгоре, ВПК, потребительских обществах, комитетах оказания помощи раненым, семьям запасных и т. п. В первый год войны самарские кадеты выступали с лозунгами обороны Родины. Затем их позиция изменилась. В октябре 1915 г. они требовали назначения «ответственного министерства», призывали к борьбе с бюрократизмом, распространяли слухи об измене в верхах, неспособности властей преодолеть трудности, довести войну до победного конца, приветствовали произнесенную П.Н.Милюковым 18 ноября 1916 г. в Государственной Думе антиправительственную речь.

Октябристы в годы мировой войны стремились действовать солидарно с администрацией. Они играли первую скрипку в органах местного самоуправления, Земском и Городском союзах, Военно-промышленном комитете и т.д. Внутрипартийная деятельность их в 1914-1916 гг. была мизерной. Как всероссийская организация «Союз 17 октября» к 1916 г. прекратил существование. Попытки возродить губернское отделение в 1917 г. успеха не имели.

Наиболее организованной и сплоченной партийной организацией Самарской губернии в годы мировой войны был Дубровинский отдел СРН («отдел имени святого Алексия» СРН прекратил существование). Консерваторы поддерживали власть и непрестанно критиковали Государственную думу и либералов. Самарская организация СРН почти все средства тратила на помощь раненым воинам и членам семей солдат. Ее представители приняли участие в ряде совещаний поволжских организаций Союза.

Накануне новых потрясений 1917 г. жизнь партийных организаций едва теплилась. Вместе с тем застарелые противоречия не были преодолены. Распад патриархального уклада, традиционного мировосприятия, трудности военного времени питали недовольство интеллигенции, губернского общества. Разлад власти и общества достиг пороговой величины. Достаточно было искры, чтобы разразилась катастрофа.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф.673. Оп.1. Д.202; ГАРФ. Ф.5805. Оп.2. Д.115. Л.4; ЦГАСО. Ф.468. Д.305. Л.222; ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.357. Л.212; Rapport du Parti Socialiste Révolutionnaire de Russie au Congrès Socialiste International à Amsterdam. Paris. Aout 1904. P.35.

² Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1967. С.69, 93; Политические партии России в период революции 1905-1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987. С.39.

³ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара, 1992. С.111-112; его же. Партия эсеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С.439, 479; Hildermeier M. Die Socialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsocialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900-1914). Köln: Wien, 1978. S.220.

⁴ ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д.278. Л.1-2; там же. Д.913. Л.20-21; там же. Д.950. Л.25-26.

⁵ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.895. Л.164.

⁶ Самарский курьер. 1906, 4 ноября; Шелухаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. С.305.

⁷ ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д.1390. Л.9-19; там же. Д.898. Л.139, 141; там же. Ф.469. Оп.1. Д.53. Л.58.

⁸ ЦГАСО. Ф. 468. Оп.1. Д.913. Л.5-8; там же. Д.898. Л.141; Самарские губернские ведомости. 1907, 13 января.

⁹ Голос Самары. 1906, 2 февраля, 28 июня.

¹⁰ Голос Самары. 1906, 19 февраля; Львов В.Н. Программные речи в Самарском отделе «Союза 17 октября». М., 1907.

¹¹ Голос Самары. 1906, 7, 14 марта; Самарский курьер. 1906, 25 февраля.

¹² Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.) М., 1992. С.142-162.

¹³ ЦГАСО. Ф.469. Оп.1. Д.76.

¹⁴ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1174.

¹⁵ ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1390.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. 469. Оп.1. Д.1875. Л.140, 156; там же. Д.2206. Л.1; там же. Д.2207. Л.42-43.

Н.Н. Кабытова*

ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ ПОВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ В 1917 Г.**

Февральская революция 1917 г. в России положила начало переустройству всей системы органов местной административной власти и самоуправления. В ходе революции функции, формы и уровни политической власти изменились коренным образом.

Вопросы функционирования местных органов власти и самоуправления в революционных условиях недостаточно изучены даже с точки зрения накопления фактов. Деятельность Временного правительства и его местной администрации оценивалась однозначно негативно². Местные советы рабочих и солдатских депутатов часто наделялись теми организационными функциями, которыми они на самом деле не обладали. Роль советов крестьянских депутатов однозначно трактовалась как соглашательская. В то же время попытки Временного правительства наделить органы земского и в перспективе городского самоуправления административной властью на местах мало изучены, но оценивались как соглашательство умеренных социалистов с антинародным режимом. Наконец, «массовое правотворчество», а скорее разрушительные действия рабочих, солдатских и крестьянских организаций получили в отечественной историографии восторженные оценки. Однако пришедшие к власти большевики вскоре подавили эту народную инициативу и мотивация их действий требует пристального изучения, если мы хотим извлечь уроки из своего трагического прошлого. Компетенции и функционально-структурные особенности местной власти в 1917 году, ее организационно-исполнительские возможности требуют специального рассмотрения³. Поволжский регион, многонациональный и многоукладный по социально-экономическому развитию, являлся своеобразным примером российской провинциальной ментальности, ярко проявившейся в революционное время. Все коллизии между властью и обществом нашли здесь свое специфическое выражение. Это позволяет прояснить основные черты системного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу.

Демократизация управления в России, начавшаяся с победы Февральской революции 1917 г. в Петрограде, была сложным и противоречивым процессом. Становление администрации происходило в условиях, когда все политические силы, поднятые на гребень революционной волны, стремились упрочить и расширить свои позиции. Временный Комитет Госу-

---

* © Кабытова Н.Н. – д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

дарственной Думы (ВКГД) в судорожных попытках наспех сформировать Временное правительство в центре надеялся, что в провинции молча проглотят все, что испекут для них столичные политики. «Пусть думают, что власть взята Государственной Думой. Они сразу не разберутся, что Государственная Дума сама по себе не может быть властью – для них это будет звучать... Это звучит в провинции... Они будут верить несколько дней...»⁴. В губерниях действительно поверили, но действовать начали с учетом местного своеобразия в расстановке общественно-политических сил. Прежде чем центральное руководство «добралось» до системы местной власти, во многих губернских и некоторых уездных городах были созданы общественно-политические комитеты, претендующие на организацию и поддержание порядка. К 5 марта 1917 г., когда Временное правительство приняло первое постановление по местному управлению, общественные комитеты кое-где даже успели назначить своих комиссаров. Стали известны факты арестов губернаторов, жандармских и полицейских чинов. ВКГД вынужден был 5 марта 1917 г. принять решение об освобождении всех лиц местной администрации, «заключенных под стражу во время государственного переворота без ордера соответствующей власти, если к означенным лицам не предъявлено обвинение в совершении преступных деяний»⁵.

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти на местах. Однако революционные события в провинции кое-где даже опережали центр. Февралистам (так называли себя члены Временного Комитета Государственной Думы) стало ясно, что старая власть на местах, прежде всего губернаторы, деморализована и фактически отстранена от управления. Впоследствии некоторые деятели Временного правительства осуждали министра-председателя князя Львова за его решение сместить губернаторов «по телеграфу»⁶, считая эту меру скоропалительной, непродуманной и слишком радикальной. Общий обзор и анализ первых дней революции на местах наоборот показывает, что в данном вопросе «мягкотелый и бесхарактерный»⁷ князь Львов проявил трезвость и политический расчет. Губернаторы были уже вчерашним днем, нужно было срочно найти им адекватную замену в системе власти. Телеграмма министра-председателя Временного правительства, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ 5 марта 1917 г., прежде всего была направлена «на устройство порядка внутри страны и обеспечение безостановочной деятельности» всех правительственных и общественных учреждений. Создавая конструкцию местной администрации, Временное правительство требовало: «В губерниях, где было введено земское положение, обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование «губернские комиссары Временного правительства. В уездах председателей уездных земских управ назначить уездными комиссарами»⁸. Налицо стремление приспособить к нуждам текущего момента старые общественные структуры. Комитеты, формировавшиеся на условиях представительства всех общественных сил революционной направленности, были опасны для но-

вых российских демократов, особенно после вхождения в них советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде они уже ощутили их разнузданную силу. Общественные комитеты в губерниях на первых порах дальше демократических деклараций не шли и, провозглашая себя «защитниками нового строя», стремились «приспособить старые общественные и продовольственные учреждения задачам нового времени». Такой поток взаимных деклараций и заторможенность в конкретных делах характерны для всего периода формирования новой власти на местах в марте-апреле 1917 г.⁹ Однако и в центре, и на местах понимали, что время деклараций и заявлений не может длиться вечно, за ним должно последовать время конкретных действий¹⁰.

Обстоятельства утверждения тех или иных лиц на постах губернских комиссаров подтверждают предположение о том, что подбор кадров для управления на местах из числа земских лидеров осуществлялся на основании предварительной тайной договоренности. Влияние масонов в Земгоре было очень распространено. Это создавало возможность через лидеров местного самоуправления реализовать заранее подготовленный в центре революционный сценарий по всей стране. Наиболее активные общественные деятели на местах, а может быть и более посвященные, назначили губернских комиссаров еще до указаний центрального руководства. 4 марта 1917 г. председатель Самарской губернской земской управы кадет К.Н.Иньков был выдвинут Комитетом народной власти на должность Самарского губернского комиссара Временного правительства¹¹. Впоследствии это назначение было утверждено Временным правительством. «Прямое попадание» при выборе временной местной власти доказывает предположение о наличии координирующего конспиративного центра по подготовке и осуществлению государственного переворота на всей территории России. И это были не революционные партии, подвергавшиеся преследованиям, а заговорщики, действовавшие тайно как до Февральского переворота 1917 г., так и после него. Тот же новый глава Самарской губернской администрации особой популярностью не пользовался и общественностью характеризовался так: «Губернский комиссар Иньков – человек безусловно старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет»¹². Тем не менее именно он оказался избранным еще до официального указания на должностное лицо, которому надлежало занять этот пост.

В Пензе 5 марта 1917 г., вечером, на заседании Бюро исполнительного Комитета был назначен губернский комиссар В.А.Герман. В этой должности он пробыл всего одну ночь, т.к. «6 марта по получении телеграммы князя Г.Е.Львова В.А. Германа освободили от обязанностей, а князя Л.Н.Кугушева, председателя губернской земской управы, назначили губернским комиссаром»¹³. Либеральная общественность и не помышляла встать на защиту своего выдвиженца. 5 марта 1917 г. Саратовский общественный губернский Комитет также возложил обязанности губернского комиссара на своего лидера народного социалиста Н.И. Семенова, что не соответствова-

ло полученным на следующий день указаниям из центра. Саратовская общественность встала на защиту своего ставленника. Саратовский ОГИК не преминул заметить центральному руководству, что если оно хочет получить поддержку на местах, то «желательно, чтобы Временное правительство производило из центра назначения представителей новой власти в тех исключительных случаях и до того момента, пока в данной местности не сложились местные выборные общественные комитеты»¹⁴. Председатель губернской земской управы К.Н.Гримм в данной ситуации почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара. Временное правительство с самого начала не чувствовало себя достаточно уверенно. Находясь под бдительным присмотром Петросовета, оно не решалось диктовать свои условия местным революционным преобразователям. У него не было механизма для осуществления контроля за исполнением решений центрального руководства, ведь система управления страной только создавалась.

В тех губерниях, где общественно-политические силы были по тем или иным обстоятельствам недостаточно организованы и инициативны, назначение губернских комиссаров Временного правительства произошло в соответствие с указаниями из центра. 6 марта 1917 г. таким образом приступил к исполнению обязанностей Симбирский губернский комиссар Ф.А. Головинский, являвшийся председателем губернской земской Управы. Казанским губернским комиссаром первоначально был назначен крупный землевладелец В.В.Молоствов, т.к. недавно избранного председателем губернской земской Управы А.Н.Плотникова, царское правительство не успело утвердить в должности. Он приступил к исполнению обязанностей губернского комиссара месяц спустя, после утверждения уже Временным правительством¹⁵.

Назначение уездных комиссаров губернские комиссары старались произвести в точном соответствии с указаниями Временного правительства. Однако им пришлось считаться с местными условиями. Конечно, в уездных городах не было такой конкуренции общественных сил, как в губернских. Земства здесь были более представительной, реструктурированной на всей территории уезда организацией, нежели городские думы. В то же время председатели уездных земских управ зачастую не устраивали местную либеральную общественность, т.к. олицетворяли собой старый строй, от которого все спешили избавиться. Губернские комиссары, следуя указаниям из центра, назначали председателей, иногда заместителей либо членов уездных земских управ уездными комиссарами Временного правительства. С конкретными инструкциями о реорганизации уездной администрации Временное правительство запаздывало. Назначенные по аналогии с губернскими уездные комиссары не имели в своем распоряжении никакого аппарата, а он был нужен для принятия мер в случае общественных беспорядков, возникавших то тут, то там при смене власти.

Земские управы, городские головы в телеграммах, адресованных в Петроград в первой половине марта 1917 г., не только приветствовали Временное правительство и сообщали о создании общественных комитетов, но и

просили «срочно командировать войска для поддержания порядка» в той или иной местности. В ответ на это Министерство внутренних дел предлагало им «войти в общее соглашение с командующими войсками либо местной военной властью»¹⁶. Например, в г.Карсуне Симбирской губернии 6 марта 1917 г. участники митинга разгромили полицейское управление, а пытавшегося воспрепятствовать им полковника Столярова оглушили доской, выломанной в заборе, по голове¹⁷. 13 марта 1917 г. Казанский уездный комиссар «спешно» просил Казанского губернского комиссара «прислать в уезд войска в связи с погромами лавок в Арске и опасностью таковых в уезде». В тот же день губернский комиссар обратился к командующему войсками Казанского военного округа с просьбой командировать в Арск воинскую часть «ввиду беспорядков». Расследуя эти события, начальник Казанской уездной милиции Нечаев объяснял, что «толпа татар, числом около 300 человек... произвела погром» из-за повышения цен на ржаную муку. Главными виновниками он назвал крестьян Ивана Яркова из Покровской слободы и Сабирзяна Массуддинова из деревни Ст.Хайван¹⁸. В этом эпизоде, как в зеркале, отразились взгляды и суждения представителей различных социальных слоев, вынесенных на гребень революционной волны в российской глубинке. Ответственный милицейский чин новой власти сам себе противоречит, по традиции обвиняя в беспорядках татар, во главе которых оказались два жоака: русский и татарин. Наверняка, среди погромщиков было и русских немало.

По иному оценили данные события жители г.Арска в своем послании «члену Государственной Думы господину Чхеидзе», обвиняя представителей местной администрации в подстрекательских действиях во время погрома городских лавок. Они объявили себя сторонниками нового строя, но указали на недостатки его организации на местах, отметив, что «в городе же Арске и окрестностях его назначена вся старая преступная полиция, переименованная в уездную милицию, которая так ненавистна всему местному и окружающему населению». Они расценили это «равносильно тому, что если бы преступного и арестованного бывшего министра Протопопова оставили во главе нового правительства». Далее были приведены «несколько примеров с вескими доказательствами: ... местный торговец М.П.Колесников во время разгрома и избиения продавцов ... просил помочь закрыть двери лавки рядом стоящих милиционеров, бывших стражников Николая Евдокимова и Осипа Короля..., на что они запротестовали». В другом случае, где погромщики получили отпор, тот же «Король заявил: «хорошо бы было, если кого-нибудь убили». Авторы письма выразили недоверие также «Арскому исполнительному Комитету, в состав которого вошли большинство бывших союзников русского народа»¹⁹. Свидетельства непосредственных очевидцев событий противоречат утверждениям милицейского начальника, конечно, защищавшего своих подчиненных. Русские жители г.Арска указали на несостоятельность новой администрации, если она сформирована из слуг старого режима. В беспорядках они обвинили не «толпу татар», а бездеятельность милиционеров, не способных защитить своих граждан, как русских, так и татар.

Для организации нового порядка на местах, конечно, недостаточно было указать на должностных лиц, председателей земских управ, которым передавалось управление. Губернские комиссары как могли пытались решать самые насущные проблемы переходного времени. Необходимо было где остановить, где предупредить возможные беспорядки при перемене власти. Так, вступивший в должность 6 марта 1917 г. Пензенский губернский комиссар князь Кугушев в тот же день председателей уездных земских управ назначил уездными комиссарами. В дальнейшем он рассылал им указания телеграммами:

– 7 марта с целью предотвращения погромов заводов, производящих спирт, обязал выделить воинские команды для охраны и «учредить специальную милицию из местного населения»;

– 8 марта определил прерогативы уездных комиссаров, которые «обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского уездного предводителя дворянства. кроме чисто словесного представительства...»;

– 9 марта попросил не обращаться к нему с просьбами о разрешении всяких земских и городских собраний²⁰.

К середине марта 1917 г. Временное правительство, наконец, обратило внимание на разноречивость в строительстве новой власти. 16 марта 1917 г. из Министерства внутренних дел поступило разъяснение о месте и роли комиссаров Временного правительства. В нем отмечалось, что «в одной и той же местности возникает ряд общественных комитетов различного наименования и состава, деятельность которых не всегда согласована... Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные». Однако именно «губернские и уездные комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах»²¹.

19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников. Признавая необходимость срочной разработки проекта о преобразовании органов местного управления и временного местного суда, пока оно возлагало обязанности земских начальников на уездных комиссаров²². В телеграммах на места разъяснялось, что «назначение новых лиц на должность уездных комиссаров, к которым переходят обязанности земских начальников, производится исключительно по представлению Губернского комиссара»²³. С самого начала формирования новой власти центр стремился отсечь различные общественные организации от выполнения административно-управленческих функций.

Подбирая кадры на должности уездных комиссаров для представления их на утверждение в правительство, губернские комиссары были поставлены в сложное положение. Они ощущали на себе давление общественных комитетов, сами прошли через их утверждение или одобрение. В то же время правительственные инструкции недвусмысленно указывали на председателей уездных земских управ в качестве уездных комиссаров. На этой

почве возникали конфликты, образовывавшие быстро расширяющиеся трещины между местной администрацией Временного правительства и общественными организациями. Не случайно, спустя два-три месяца после назначения, большинство комиссаров Временного правительства было смещено со своих постов и заменено более «демократическими» представителями.

Губернские комиссары, бывшие накануне Февральского переворота председателями губернских земских управ, сделали все от них зависящее, чтобы подобрать уездных комиссаров из земских деятелей. Самарский губернский комиссар К.Н.Иньков мотивировал свои действия тем, что «повсеместно инициатива исходила из уездных земских управ при активном участии земских служащих». Представленный в МВД в конце марта 1917 г. список лиц на должности уездных комиссаров по Самарской губернии был там изменен. Так, вместо избранного в Новоузенском уезде комиссара Трипольского утвердили председателя Новоузенской земской управы И.Я.Иванова. Не был утвержден в должности Самарский уездный комиссар А.М.Верховский, т.к. он не захотел совсем уходить из земства и остался членом управы. В Бузулукском уезде вместо рекомендованного общественным комитетом Е.А.Жданова правительство утвердило Н.Н.Бушева, бывшего секретаря земской управы. В апреле, когда утвержденный список уездных комиссаров пришел в губернию, эти изменения никого особенно не взволновали. На арену общественной жизни выступили новые организации – советы крестьянских депутатов, избранные на крестьянских съездах делегатами от сельских обществ.

В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях в должностях уездных комиссаров были утверждены почти все председатели уездных земских управ. Губернские комиссары, сами бывшие ранее председателями губернских земских управ, назначили своей волей местных земских деятелей уездными комиссарами. За некоторыми исключениями они были утверждены в должностях Временным правительством²⁴, но пробыли в них недолго. Например, в Пензенской губернии в апреле-мае 1917 г. сменились почти все уездные комиссары²⁵. Председатель Буинской земской управы помещик В.Л.Персиянинов, представленный Симбирским губернским комиссаром Ф.А.Головинским на должность уездного комиссара, «не пользовался уважением населения», о чем были направлены соответствующие приговоры сельских сходов и волостных собраний²⁶. Временное правительство не решилось утверждать его в должности, заменив ставленником уездного Комитета общественной безопасности А.С.Блиновым²⁷.

В Саратовской губернии комиссару Временного правительства удалось отстоять своего ставленника Н.И.Семенова. Поэтому при назначении здесь уездных комиссаров губернский комиссар больше считался с общественным мнением, а затем отстаивал его перед Временным правительством. Тем не менее общественность уездных городов предпочитала обращаться со своими инициативами напрямую в центр. Камышинский общественный исполнительный Комитет в телеграмме на имя М.В.Родзянко от 10

марта 1917 г. выразил недовольство деятельностью председателя Камышинской уездной управы Готовицкого, назначенного уездным комиссаром. Ссылаясь на глубокое недовольство местного населения, общественность требовала «для города Камышина и его уезда иметь выборного комиссара». Временное правительство под таким натиском вынуждено было утвердить Камышинским уездным комиссаром ставленника общественного исполнительного комитета Фадеева. Аналогичная ситуация сложилась в Вольском уезде Саратовской губернии. О председателе земской управы Мошинском, также ставшим уездным комиссаром, крестьяне с возмущением писали, что он «бывший земский начальник и в 1905-1906 годах сулил нам два столба с перекладиной»²⁸. Таким образом, используя креатуры земского самоуправления при организации новой власти в стране, Временное правительство сразу же столкнулось с проблемой отторжения их большинством общественных сил на местах.

Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, был раскритикован и современниками, и позднейшими исследователями потому, что он не в состоянии был противостоять революционному бунту в провинции. Но это проблема не формы, а содержания власти. Сама по себе необходимость организационно-управленческих структур на местах возникла непосредственно в ходе демократических преобразований. С этой функцией государственного и муниципального управления не могли справиться ни советы, ни общественные комитеты, созданные в ходе революции. Они были представительными органами и могли выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Главная ошибка Временного правительства заключалась не в том, что для организации власти на местах был введен институт губернских и уездных комиссаров, а в том, что оно указало не на тех лиц, коим надлежало олицетворять новый строй. Земские служащие, заслужившие почет и уважение своим трудом «на общие пользы и нужды», отнюдь не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли коллизии между центром и провинцией.

Расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 года кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы. Массы испытывали все более острое чувство разочарования. Надежды получить от Временного правительства мир, землю и свободу обнаружили свою несостоятельность. В связи с этим увеличились проявления анархизма и стихийные экстремистские действия отчаявшихся людей: «голодные бунты» рабочих, неорганизованные солдатские выступления, крестьянские погромы имений и хуторов. Правительство пыталось одновременно сделать невозможное: навести порядок в стране и соблюсти

демократические принципы управления.

Местные органы власти осенью 1917 года переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Всероссийский съезд губернских комиссаров, обсуждавший 4-9 августа 1917 г. вопрос об организации власти на местах, не принял согласованного решения о принципах государственного строительства. При обсуждении проекта «Положения о губернском и уездном управлении» выявились следующие точки зрения: 1) считать должность комиссара временной и излишней после избрания демократическим путем земств, городских и районных дум; 2) признать необходимым сохранение должности комиссара и после создания новых органов самоуправления. Обнаружились разногласия и по вопросу о конституировании должности комиссара: одни считали, что он должен избираться на местах, другие полагали возможным назначение его правительством. На съезде были оглашены также тезисы группы комиссаров-государственников. «Начало единой и сильной власти должно быть положено сверху. Необходимо, чтобы государственная власть в лице Временного правительства была бы национальна, едина и независима от каких-либо партий и классовых организаций»²⁹, – требовали они. Проект положения о комиссарах 18 августа 1917 г. был представлен на обсуждение общего заседания Сопровождающего по реформе местного самоуправления³⁰, а 19 сентября утвержден как закон. Он предусматривал возможность назначения губернских и уездных комиссаров по соглашению с «соответствующими комитетами общественных организаций» и предлагал им «действовать в единстве при разрешении общих вопросов местного управления»³¹. Это постановление никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку влияние не только комиссаров, но и общественных исполнительных комитетов осенью 1917 года резко упало. Выработанная ими согласовательная система решения сложных вопросов местной жизни требовала длительного времени, а кредит доверия революционных сил был исчерпан.

Революция создала условия для развития государственного формотворчества. Лозунг большевиков «Вся власть Советам» получил реальный шанс для претворения в жизнь, так как все конструкции Временного правительства по организации управления переживали кризис. То обстоятельство, что советы, избравшиеся отдельно от рабочих, солдат и крестьян, не являлись образцом демократии, не смущало борцов за государство-коммуну. В народном сознании советы в большей степени отвечали принципам традиционного демократизма, нежели формы западного парламентаризма.

Примечания

¹ Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984; Он же. Крах керенщины. М., 1982.

² Кабытова Н.Н. Компетенция Министерства Внутренних дел Временного правительства в местном управлении (1917)//Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы России. СПб., 2004. Ч.1. С.178-180.

- ³ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 194-195.
- ⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 9. Л. 62.
- ⁵ Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924. С. 42.
- ⁶ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917г. М., 1991. С. 38.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1791. Оп.1. Д.676. Л.3.
- ⁸ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.813.Оп.1.Д.4.Л.2; Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф.1246. Оп.1. Д.34; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.677. Оп.1.Д.6; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.206. Оп.1.Д.2; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.5. Оп.1.Д.3870.
- ⁹ Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С.645.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф.813. Оп.1. Д.21.Л.4.
- ¹¹ Климущин П.Д. История Комитета Народной власти второго периода//Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. С.49.
- ¹² ГАПО. Ф.206. Оп.1. Д.11. Л.5.
- ¹³ Васькин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976. С.90.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф.406. Оп.1. Д.676. Л.3 об, 11.
- ¹⁵ ГАУО. Ф.677. Оп.2. Д.23. Л.30.
- ¹⁶ Точный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. Саратов, 1987. С.7-8.
- ¹⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.34.Л.4-7.
- ¹⁸ Там же. Л.10.
- ¹⁹ ГАПО. Ф.206. Оп.1. Д.2. Л.5-8.
- ²⁰ Там же. Л.28.
- ²¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917.
- ²² ЦГАСО. Ф.820. Оп.1. Д.5. Л. 23.
- ²³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1791. Оп.1. Д.676. Л. 9-10 об.
- ²⁴ ГАПО. Ф.206. Оп.1. Д.2. Л.95-95 об.
- ²⁵ ГАУО. Ф.677. Оп.2.Д.676. Л.11 об.
- ²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1791. Оп.1. Д.676.Л.11.
- ²⁷ Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия// Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С.117.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф.814. Оп.1. Д.5.Л.3-8.
- ²⁹ Вестник Временного правительства.1917.8 сентября.
- ³⁰ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. Пг., 1917. № 264.Ст.1749.

САМАРСКИЙ АРХИВ

Э.Л. Дубман*

«САМАРСКОЕ УРОЧИЩЕ» И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ В ДОКУМЕНТАХ XVI В. (ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ)**

а левобережье среднего течения р. Волги одним из самых замечательных мест является устье р. Самары. Пространство, ограниченное двумя рукавами Самары и течением Волги, так называемое «Самарское урочище», и прилегающая к нему местность вместе с Самарской Лукой в эпоху Золотой Орды являлось одним из самых населенных. Об этом свидетельствуют выявленные памятники археологии, а также, например, известный портолан венецианцев братьев Пицигани (1367 г.). На нем, помимо значительного количества поселений, показан и загадочный Samar (Самар). Этот населенный пункт, как и многие другие, видимо, был уничтожен в конце XIV в., в ходе усобиц, охвативших Орду, и погрома учиненного войсками Тимура после победы на р. Кондурче в 1391 г. Однако, на карте венецианского монаха Фра Мауро (1459 г.) Самар указан. Скорее всего, в данном случае знаменитый картограф пользовался явно устаревшими сведениями второй половины XIV в., т.е. действовало известное правило запаздывания информации (более, чем на полстолетие). По крайней мере, других данных о наличии Самара или каких-либо иных поселений, располагавшихся в устье восточного притока Волги, от XV – XVI вв. обнаружить не удастся.

Между тем, свидетельства о «Самарском урочище» и прилегающей к нему местности, сохранились в самых различных источниках, по крайней мере, XVI в.¹ Что же пишут об этой локальной территории средневековые авторы, кем населяют ее, какие свойства и характерные черты приписывают?

Думается, что современный читатель сам сможет сделать эти выводы, прочитав ту, почти исчерпывающую подборку свидетельств, которые содержат публикуемые ниже материалы. Эти сведения, выбраны из двух групп

---

* © Дубман Э.Л. – д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

источников – летописных и архивных. Последние выявлены в отложившейся в фонде Посольского приказа совокупности дел русско–ногайских отношений середины – второй половины XVI столетия². Хронологическая последовательность фактов, в них изложенных, позволяет лучше представить, события, происходившие в окрестностях «Самарского урочища».

***

Фрагменты из русских летописей даны в полном соответствии с их публикацией, в таком классическом, выходящем с начала 1840-х гг. и до настоящего времени, издании как «Полное собрание русских летописей».

Подготовка к публикации архивных материалов проведена в соответствии с принятыми в настоящее время правилами издания исторических документов. Они публикуются полностью и передаются современным гражданским шрифтом с заменой утраченных букв. Буква *і* передана современным *и*. Буква *ѣ* приводится лишь в случаях, предусмотренных современной орфографией. Буква *ѡ*, после выносных мягко звучащих согласных, ставилась. Грамматические и стилистические особенности оригинала соблюдены. Сокращения раскрыты без оговорок, выносные буквы внесены в строку без выделения. Прописные буквы употреблялись в соответствии с современной орфографией. Числа, обозначенные буквами, переданы арабскими цифрами. Знаки препинания расставлены публикатором, исходя из современных правил синтаксиса. Очевидные описки и неточности в тексте оговорены в текстологических примечаниях. Непрочтенный текст обозначается многоточием. Предположительная реконструкция выделена курсивом и сопровождается вопросительным знаком. Границы листа отмечены двумя косыми линиями, за которыми в круглых скобках полужирным шрифтом приводится номер очередного листа.

Публикация Э.Л. Дубмана

I. Русские летописи

1521 г. – «Казанская летопись» о бегстве из Казани на Русь хана Шах-Али (Соловецкий список)³

«И мало пождав, и прииде к нему (Василию III – Э.Д..) весть, сказующа Шигалея жива, добраго слугу его и верно, блиско идуща в поле чисте, нага, яко рождена, и от глада изнемогша, и ведуща с собою боле 10000 рыболов Руских, ловяще рыбу на Волге, под горами Девичими и до Змиева камени и до Увека, за 1000 от Казани верст – захавши бо тамо живяше лето все, на диких водах, ловяща, и в осень на Русь возвращахуся, наловящесе и обогатившесе. – И слышавша рыболова от царя весть пришедшу, про сечю в Казании, яко да бежат к нему не мотчают оттуду, да и они не избиени будут от Казанцов – а сам дожидашесе их стоя на месте некоем – от нужи ладя своя, и мрежа, и рыбы, и весь запас огню и воде предаша, и сами побегоша по нем, не знающе, куды очи несут, токма носяще рыбу едину ...».

ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. I. Соловецкий список. С. 32-33

*«Казанская летопись» о бегстве из Казани на Русь
хана Шах-Али в 1521 г. (список Румянцевского музея)*

«И мало погодив, прииде и весть к нему (Василию III – Сост.), сказующая жива царя Шихаллея и добраго слугу его вернаго, и блиско идуща в поле, честно Нагаи провоженна, от глада изнемогша, и ведуще с собою боле 10000 рыболов Московских, ловящих рыбы на Волге под горами и до Змеева и до Увека – за 1000 верст от Казани заехавше, тамо живяху лето все, на девичиных водах ловяще, а в осень возвращахуся на Русь, наловившеся и обогатевши. – И слышавше весть от царя рыболове пришедшую, про сечю в Казани, яко да бежат к нему не мотчая оттуду, да они не збиени будут от Казанцов – а сам дожидая их, стояше на месте некоем, – они же лодия своя, и мрежа, и рыбы, и весь кормовьи свои запас огню и воде предаша, а сами побегоша полем, не знающе юду очи несут, токмо на себе нося рыбы едины ...».

ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. II.Список Румянцевского музея. С. 244-245.

*1555 г. «Никоновская летопись» об устройстве русских
караулов по Волге*

«... а по Исмаилеву челобитию на Волгу послал (Иван Грозный – Э.Д.) голову стрелецкаго Григория Кафтырева с стрелцы да Федку Павлова, а велел беречи на Волге по перевозом...».

ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 255.

*1580 г. – Из «Есиповской летописи» о разбоях казаков под предводительством
Ермака Тимофеевича на Волге и бегстве их к Строгановым*

«В лета 7088-го году, летом, цар государ и великий князь Иван Васильевич, всеа России самодержец, послал в Астрахань на судах казну свою денежную и свинец, и порох; и как будут с казною против реки Самары, и выгребли ис Самары реки в стругах ясаулных многие яицкие казаки и волские со огненным боем, и государеву казну всю погромили, и воеводу князь Григорья Засекина и всех людей побиили, и всю казну царскую взяли. И пошли по Волге вверх в Каму реку. И цар государ Иван Васильевич восхотел на них послати своих воинских людей; казаки ж, уведав свою вину, и восхотеша свое злое дело добрым покрыти. И седоша во многие струги, и погребоша Камою рекою. И будучи у Никиты Строганова, и взяли у него много всяких запасов, да много и денежной казны, и пороху и свинцу и всякого снаряду. А у казаков болших атаманом Ермак Тимофеев... да с ними ж удалые молотцы Иван Колцов да Яков Михайлов, да Микита Пан, да Матфей Мещеряк и протчих много молотцов, удалых казаков 540 человек ...»⁴.

ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 120.

*Из «Погодинского летописца» XVII в.
о пути казаков с р. Яик (Урал) на Каму*

«... А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю с Еика на Иргин-

ские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны; а Волгою шел Ермак вверх, а из Волги в Каму реку и Камою рекою вверх же ...»

ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 130.

1584 г. – Из «Пискаревского летописца»

о строительстве городов на юге и юго-востоке России

«Того же году великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси великим хотением и желанием разпростирает Рускую землю, аки древний сродник его великий князь Владимир, крестившу Рускую землю святым крещением: приказывает боярину своему и слуге и конюшему Борису Федоровичю Годунову да дьяку ближнему своему Андрею Щелкалову города| ставити на поле и в Сивере, и к Астарахани, которыя за много лет запустевша от безбожных агарян и от межуусобных брани: елецких князей вотчина Ливна, Койса, Оскол, Волуйка, Белгория, Самара, Кромы, Манастырев и иныя многия польския и сиверския...».

ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195.

1586 г. – Летописные сведения о строительстве Самары и Уфы

«В 94 (1585/86) году поставил на Волге город Самару. Того же году поставил город Уфинской».

Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 231.

II. Архивные источники второй половины XVI в. (Из фонда «Сношения России с ногайскими татарами»)⁵

*1551 г. – Из сообщения, прибывшего из Нагайской Орды
служилого татарина С. Тулусупова*

«... И отпустил его Арслан мирза с Самара. А с ним вместе послал ко царю и великому князю посла своего Кулчана с таварищи. А как они приехали к Волге, и через Волгу их перевозили казаки Севергины таварищи».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 7.

*1552 г. – Из сообщения, прибывшего из Нагайской Орды
служилого татарина К. Кудинова*

«Как он пришел в Нагаи к Исмаил мирзе, а Исмаил мирза в те поры кочевал на Ике реке, от Камы днищ с пять. А назавтрее его приезду, Исмаил пошел к Самару на зимовищи под Астрахань. А шел до Самара 7 ден, да на Самаре дневал. А в девятой день ево с Самара отпустил ко царю и великому князю.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 137об.

1555 г. – Из грамоты князя Исмаила Ивану Грозному⁶

«... А ты тово вели беречи, чтобы водяным путем не пришли. На всех

перевозех вели по перевозом по двесте человек поставити... И те бы люди твои на Самарском устье с нами свестилися, чтобы однолично полем не ходили».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 248.

1555 г. – Из грамоты князя Исмаила к Ивану Грозному

«А се грамота Исмаилева княжая с его послом Елболдуем... И яз другу твоему друг, а недругу твоему недруг. И ныне на астраханской земле город поставь. А на Переволоке город жо поставь. И на Самарской устье город жо поставь».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 303

1556 г. – Из послания к князю Исмаилу от Ивана Грозного

«А нам бы над твоими недруги промыслити. И на астраханской бы земле город поставити. А на Переволоке и на Самарском устье город же поставити».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 312об.

1556 г. – Из памяти А.Т. Тишкову, посланного к князю Исмаилу

«И Ивану и Михаилу велели есмя жити в Астарахани дела своего и вашего беречи. И тебя Исмаиля, о всех вестех велел есми без вести не держати. А на Переволоке и на Самарском устье велели есмя быти многим людям и крепости учинити. А велели есмя им беречи по перевозом мурз казаков, чтоб на вашу сторону не перешли».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 316.

1556 г. – Из послания Ивана Грозного князю Исмаилу

«А на Переволоке и на Самарском устье велели есмя бытии многим людям и крепости учинити. А велели есмя им беречи по перевозом мурз казаков, чтоб на вашу сторону не перешли»

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 316об.

1556 г., февраль. – Из памяти Г.В. Головину, посланного к мирзе Арслану

«А ныне государь по вашему челобитью на Волге по перевозом велел стояти многим казаком и беречи велел накрепко, чтоб мирз казаков на вашу сторону не перепускали»

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 342-342об.

1557 г. – Из памяти М. Лачинову, посланного к мирзе Али

«А которые наши казаки стояли на Волге и улусом вашим докучали и мы ныне того для послали на Переволоку Ляпуна Филимонова со многими людьми. А на Самарское устье послали есмя Степана Кобелева со многими ж людьми. А велели есмя с Волги казаков всех сослати, чтоб вашим улусом обиды не было».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 4.

1557 г. – Из памяти М. Лачинову, посланного к мирзе Али

«А которые казаки с Волги не пойдут, и мы тех велели, изымав, казнити. И велели есмь Ляпуну с товарищи на Переволоке, а Степану Кобелеву против Самарского устья⁸ и до осени беречи того, чтоб вашим улусом от казаков лиха не было. А которые ваши послы и гости пойдут к нам, и мы им велети их перевозити».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 4об.

1557 г. – Из памяти М. Лачинову, посланного к мирзе Али

«А ныне господине, государь сею весною в судех послал на Волгу своих детеи боярских Степана Кобелева да Ляпуна Филимонова со многими людьми. А велел с Волги казаков всех сослати. И велел им того беречи накрепко, чтоб вашим улусом обиды никакии не было. А велел государь наш Степану Кобелеву стояти против Самарского устья и до осени. А Ляпуну велели стояти на Переволоке до осени ж. А велели им того беречи накрепко, чтоб казаки на Волгу не приходили и лошадеи бы у вас не крали. А которые пойдут от вас послы и гости к государю нашему, и государь наш тех велел перевозити и проводников им давати»⁸.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 7-7об.

1581-1582 гг. – Из расспросных речей русского посла в Ногайскую Орду В. Пелепелицына о разграблении ногайского посольства и среднеазиатских купцов на переправе через Волгу у Соснового острова

«И отпустил их Урус князь и все мурзы послов своих к государю послали, а всего де нагайских послов было с ними и тезиков (купцов – Э.Д.) визюрских и хивинския земли шестьдесят семь человек, а лошадей с ними было с семьсот лошадей. И как они пришли с ногайскими послы под Сосновой остров на Волгу на перевоз. И на перевозе и на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищы почали нагайских послов и тезиков перевозити по прежнему обычаю, кабы добрым делом. А детем боярским Василью Пелепелицыну с товарищы и им служилым татаром Байкешу с товарищы говорить почели, что они наперед перевозят татарскую рухлядь и тотар с половину. И пришли с обеих сторон Волги на них многие люди. И детеи боярских и их громили и переграбили. И они де служилые татарове утекли у казаков вверх по Волге пониже Лопатина острову. А дети боярские Василей Пелепелицын с товарищы чаят утекли. А нагайских послов и тезиков переграбили и самих переимали. А на дороге они слышали у мордвина, что дети боярские утекли на Алаторскую украину...»⁹.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 141об-142.

1586 г. – Из отписки в Москву астраханских воевод Ф. Лобанова-Ростовского «с товарищи» о военном сопровождении посольских и торговых караванов от Астрахани до Самары и выше по Волге

«Государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии холопи твои Федька Лобанов-Ростовской с товарищы и Исачко Чюрин челом

бьют. Отпустили, государь, мы холопи твои из Асторохани вверх гонцов Семена Ушакова и Ивана Богданова да казансково жильца Арака Шумкова з Демидовыми людьми Черемисинова, да торговых людеи и тезиков на кладных стругах. А для береженья послали гонцов и торговых людей провожати голову казачья Воина Аничкова, а с ним четырех человек сотников, да четыреста человек стрельцов и казаков. А велели мы холопи твои Воину провожати гонцов и кладные струги до Самары, а на Самаре велели отдати воеводе твоему государеву князю Григорью Осифовичю Засекину. А не будет князь Григорей на Самаре и мы Воину велели струги провожать и выше Самары покаместа пригож. А сказал нам Воин, что он с плавной приехал для того, что стрельцы и казаки ставили на Самаре город и живучи проелись и запасу у них не стало (Выделение наше – Э.Д.)¹⁰. И мы для того опять послали в плавную, что ему велено было стоять до замороз. А проводя струги, велели Воину ехать в Асторахань не мешкая для царевичев Мурат-Киреева приезде».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 65-66.

1586 г. – Из отписки, посланных с крымским царевичем Мурат Гиреем в Астрахань, воевод Р. Пивова и М. Бурцова с сообщением о буре, наступившей их караван на Волге ниже Самарского города

«Государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси холопи твои Романец Пивов да Михалец Бурцов челом бьют. Пошли, государь, мы холопи твои царевичем из Самарского города сентября в 14 день рано, а сентября, государь, в 15 день одва к ночи прибили до середнево до Самарского устья дватцать верст от Самарского города по грехам, государь, пришли встречу на ветры великие и суды взбивает на берег и на пески, и на кости, и многие, государь, суды портит»

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1686 г. Д. 13. Л. 55

1586 г. – Документы русского посольства к ногайским мирзам

«... писал к нам, что казаки воры, приходя, ваши улусы воюют. И мы на Волге и на Самаре вас велели беречи накрепко и ваших улусов от воров от казаков, чтоб отнюдь никаким казаком не воровать и на ваши улусы не приходить. Того для есмь и города на Самаре велели поставить и на Белой Волошке, чтоб вашим улусом было береженье и дабы жить по Волге и по Самаре у нашего города бесстрашно и приезжали ваши торговые люди в новой Самарской город».

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 10. Л. 12.

Примечания

¹ Дубман Э.Л. До русской крепости... (поселение «Samar» и «Самарское урочище» в XIV – XVI вв.) // Самара: от прошлого к настоящему: сборник статей учащихся самарских школ и ученых-историков. Самара, 2007. С. 227-253.

² В отличие от столбцов, значительная часть посольских книг, отражающих русско-ногайские отношения, опубликована. Однако те из них, что издавались еще Н.И. Новико-

вым в «Продолжении древней российской вивлиофики» (СПб., 1791-1801. Ч.7-11), следует пересмотреть заново, т.к. издания конца XVIII в. не соответствуют современным требованиям, предъявляемым к такого рода публикациям. В последнее время появилось несколько публикаций посольских книг, выполненных на очень хорошем уровне. См., например: Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489-1508 гг. М., 1984; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551-1561 гг. Казань, 2006; и др. издания. Мы, все же, при подготовке данной подборки, использовали не перечисленные выше и другие публикации посольских книг, а подлинники, хранящиеся в фонде 127 («Сношения России с ногайскими татарами») Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

³ Несмотря на то, что в этих двух фрагментах ничего не говорится о «Самарском урочище», их текст крайне интересен в следующем отношении. Свергнутому в Казани хану «Шигалею», для того, чтобы добраться по Волге до русских рыбаков, т.е. до Увека (местности, где ранее существовал ордынский город) и ниже, обязательно нужно было проплыть мимо устья р. Самары. Беглецы миновали это место как безлюдное, заброшенное и только в районе устья Б. Иргиза и далее по течению Волги у Увека нашли русских людей.

⁴ В летописи, написанной значительно позднее описываемых событий, причудливо соединены вместе имена Ермака Тимофеевича, грабившего царский караван на Волге в 1580 г., и князя Григория Засекина, строившего в 1586 г. г. Самару. Судя по сохранившимся документам того времени, разбоями на Волге занимались сподвижники Ермака Тимофеевича по походу в Сибирь (И. Кольцо, М. Мещеряк и другие) и, возможно, он сам, хотя многие исследователи оспаривают последнее. Но, Г.О. Засекин в эти годы служил на южных «крымских» границах с Диким Полем и появился в Среднем Поволжье только в 1583 г., когда его назначили воеводой Алатыря.

⁵ РГАДА. Ф. 127.

⁶ В переписке Ивана Грозного и мирзы Исмаила, сначала претендовавшего на верховную власть в Ногайской Орде, а затем ставшим князем (бием - 1555-63 гг. После окончательного распада этого государственного образования. Исмаил остался властителем только Большой Ногайской Орды), постоянно звучала тема о строительстве на «волжских перевозех» русских городов. Причем, инициатором их основания выступал Исмаил.

⁷ В ряде русских летописей, упоминающих об этом событии, указывается, что отряд стрелецкого сотника С. Кобелева был послан на устье р. Иргиза, а не Самары. См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 279; Книга, глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантского // Временник ИМОИДР. М., 1950. Кн.5. С. 103; Летописец русский (Московская летопись 1552 – 1562 гг. По рукописи, принадлежащей А.Н. Лебедеву). Сообщил Андрей Лебедев // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 3. С. 68. Мы больше склонны доверять документам делопроизводства Посольского приказа.

⁸ В более кратком варианте сюжет с посылкой на Волгу С. Кобелева и Л. Филимонова повторяется грамотах, посланных со служилыми татарами К. Нагаевым к мирзе Белек Булату и Б. Кадышевым к мирзе Аисе. См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 12-12об., 13об.-14.

⁹ Из-под переправы у Соснового острова служилые татары «утекли» вверх по Волге до Лопатина острова, т.е. примерно до построенной веком позднее Сызрани. Думается, что если бы в устье р. Самары имелось в это время русское поселение, беглецы искали бы спасение именно в нем.

¹⁰ Т.е. речь идет о том, что Самара была построена именно в этом году.

С.И.Дубинин*

**ИМЕНА ПЕРВОГО САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ВЛАДИМИР ФИЛИМОНОВИЧ МАРЦИНКОВСКИЙ**

связи с возрождением Самарского университета с новой остротой встал вопрос об исторических корнях нашего вуза. В частности, многое ли известно о преподавателях первого университета? Разве что только крупных ученых и некоторых профессоров. Как и в каких условиях они работали? Каким содержанием наполняли существование молодого провинциального университета? Оставили ли свои воспоминания о том тяжелом времени?

Одной из таких мало известных персоналий является *Владимир Филимонович Марцинковский*. Его имени нет ни в энциклопедиях, ни в биографических справочниках советского периода. Оно не отмечено в краеведческих изысканиях. Между тем личность В.Ф.Марцинковского и особенно самарские фрагменты его воспоминаний заслуживают быть извлеченными из небытия.

В.Ф.Марцинковский (1884-1971) родился на Волыни (Западная Украина) в религиозной семье, был крещен и воспитан в православии. Он окончил школу в Гродно и стал в 1902 г. студентом Санкт-Петербургского университета. В 1904 г. он испытал влияние евангелистов и руководителя христианского студенческого движения П.Н.Николаи¹. Оно было инициировано в частности миссионерами Всемирного Христианского Союза Молодых Людей, прибывшими в Россию в 1900 г.

Окончив с отличием историко-филологический факультет университета в 1907 г., В.Ф.Марцинковский работал учителем в гимназии в Гродно, а с 1913 г. переехал по приглашению П.Н.Николаи в Москву. С 1913 г. он - секретарь «Русского христианского студенческого движения», активный член общества «Маяк» и «Христианского союза молодых людей» в России, участник студенческих кружков по изучению Библии. В 1917-1918 гг. В.Ф.Марцинковский присутствовал в качестве гостя на Поместном соборе Русской Православной Церкви, общался с патриархом Тихоном, выдвинув идеи «возрождения официального православия», участвовал в работе Религиозно-философского общества имени Вл.Соловьёва.

Впервые в Самаре В.Ф.Марцинковский оказался весной бурного 1918 года в череде своих поездок по вузам России по поручению христианского союза студентов и религиозных диспутов. В августе 1918 года он упоминается в списке приглашенных гостей на День Самарского университета. Затем в качестве ассистента по кафедре философии В.Ф.Марцинковский преподавал этику в молодом Самарском университете на социально-историческом факультете (с осени 1919 по 1920 гг.)². В 1919 г. он был арестован самарской

---

* © Дубинин С.И. – д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии СамГУ.

ЧК, пережил эпидемию тифа. В 1920 г. во время второго приезда он принял водное крещение от евангелического проповедника-меннонита в Александртале (совр. село Надеждино Кошкинского района). Самара многое поменяла в его судьбе.

В 1920 г. на диспуте в Политехническом музее в Москве В.Ф.Марцинковский выступал оппонентом наркома просвещения А.В. Луначарского. После отказа от военного призыва, многочисленных преследований и арестов В.Ф.Марцинковский эмигрировал в 1923 г. из СССР через Германию. С 1923 года В.Ф.Марцинковский жил в Польше (в Волойце, Вильно) и печатался в виленских газетах («Новая искра», «Наша жизнь»), затем поселился в Праге. В.Ф.Марцинковский - один из организаторов в 1923 г первого организационного съезда «Русского студенческого христианского движения (РСХД)» в Пшерове (Чехословакия).

В 1930 г. В.Ф.Марцинковский переехал в подмандатную Великобританию Палестину (впоследствии государство Израиль). Он поселился под Хайфой, где вступил в брак с дочерью американского археолога Нелли Шумахер. Здесь В.Ф.Марцинковский руководил еврейско-арабской христианской евангелической общиной. Он активно путешествовал и по Европе как религиозный публицист (особенно до начала Второй мировой войны), проповедовал евангелическое учение, читал лекции, занимался литературной работой. Под его редакцией вышел новый украинский перевод Библии. Одновременно он проповедовал по-русски на радио Монте-Карло (Монако) для евангелистов СССР. Скончался В.Ф.Марцинковский осенью 1971 года в Израиле, оставив, как религиозный писатель, значительное наследие.

О самарском периоде своей биографии, о специфике работы в местном университете, о религиозной и общественной жизни в столице губернии Марцинковский сообщил в «Записках верующего», переведенных на семь языков (русское издание в Праге, 1929 г.). Немецкий вариант воспоминаний вышел в 1927 году в Вернигероде в издательстве «Свет на востоке» (перевод В.Л.Яка). По понятным причинам многие персоналии, в частности друзей В.Ф.Марцинковского, обозначены акронимами.

Ниже приводятся касающиеся Самарского университета фрагменты записок В.Ф.Марцинковского, снабженные необходимыми примечаниями (Вл. Марцинковский. ЗАПИСКИ ВЕРУЮЩЕГО. Из истории религиозного движения в Советской России (1917 - 1923). - Прага, 1929. 320 с. ³).

[...] Весной 1918 года я поехал в Самару на съезд христианских студенческих кружков ⁴. Было решено усилить работу по распространению Евангелия среди народа. [...] В эти дни я читал лекцию к молодежи в зале Реального училища ⁵. Во время нашего собрания ухали далекие пушки - и народу было мало. (Когда бой кончился, я повторил ее - и тогда собрался полный актовый зал в Университете.) [...] Летом 1918 года Самарский Педагогический Институт был преобразован в Университет. Солидные академи-

ческие силы из Петроградского и Казанского Университетов преподавали в нем. [Проф. Нечаев, академик Перец, проф. Ивановский ⁶ и др.]

В день открытия Университета ⁷ специальная комиссия последнего поручила мне прочесть публичную лекцию на тему: «Смысл высшего образования». [Подобные лекции были прочитаны в этот день разными лицами по поручению Университета в различных видных залах города.] В ней я проводил разницу между книжной учебой и жизненной мудростью, живым знанием, которое невозможно без познания живого Источника всякой мудрости и всяческого бытия. Вскоре обнаружился еще один повод для моих публичных выступлений. Ощущая острый недостаток в деньгах, правительство вздумало вновь ввести винную монополию, как известно, отмененную еще царским правительством во время великой войны. Я, в союзе с одним молодым энергичным священником, устроил собрание протеста. Затем, при участии некоторых профессоров Университета (как Нечаев, Тарасов ⁸), мы организовали коллективную лекцию о трезвости - сначала в кинематографе «Триумф», а затем в самом большом зале Самары «Олимп»⁹. Народу собралось много. Сочувствующие антиалкогольному протесту давали свои подписи - их набралось около тысячи. С этими подписями и резолюцией, одобренной слушателями, мы вдвоем со священником пошли к министру внутренних дел К. ¹⁰ Он принял нас. «Что же мы поделаем? - сказал он. - Нам нужно сейчас 60 миллионов золотом. Достаньте их нам - и мы не введем монополии». Монополия, в конце концов, не была введена - ибо вскоре белая власть должна была уйти из Самары и уступить место большевикам.

[...] Лекцию эту мне удалось устроить лишь на Рождество уже при советской власти ¹¹: позволено было придти и хору «Христославов» ¹². Нам предоставлена была аудитория из заключенных неполитических. Это были преимущественно простые мужички, задержанные за спекуляцию и т. п. [...] В ближайшее воскресенье мы (т.е. я и члены нашего студенческого кружка) назначили собрание детей. Пригласили мы их посредством объявлений, розданных на базарах, у выхода из церкви и т. п. Помещение предоставил нам на свой риск заведующий одной из городских школ. Мы могли пользоваться последней во внеучебное время - по воскресеньям, в течение двух часов. Я имел целый кадр сотрудников, студентов и студенток (некоторые из них были педагогичками и учительницами). Одна слепая, очень опытная учительница была среди нашего педагогического персонала.

В назначенный час школа гудела и звенела от множества детских голов. Пришли дети улицы, а некоторых привели их родители.

[...] С течением времени мои открытые лекции стали привлекать все большее внимание и приобретать, так сказать, общественное значение ввиду того, что я говорил как раз по тем же основным вопросам религии, по которым партийные лекторы-атеисты всенародно провозглашали свои отрицательные ответы в духе безбожия и антихристианства. В народе среди молодежи и, в частности, среди студенчества естественно обострялась жажда разобраться в этих вопросах и услышать обоснованное мнение со стороны верующих.

Спор о Боге все острее и глубже разыгрывался в русской душе, становясь центральной темой повседневной прессы, научных лекций и митинговых речей, привлекая гораздо большее внимание, чем очередные политические и экономические вопросы. Пришла пора открытых антирелигиозных лекций и диспутов, и волей-неволей мне пришлось открыто столкнуться с проповедниками безбожия. Такого рода выступления я предпринял в особенности с переездом в Самару. Идя навстречу современным запросам молодежи, я читал в Самаре в 1918 - 1919 гг. цикл лекций по вопросам этики и религии в «Доме юношества»¹³; иногда в местном Университете.

Студенты, посещавшие эти лекции в большом количестве, подали петицию в Совет Университета, в связи с вызванным этими лекциями интересом к этике, прося открыть при кафедре философии также курс этики и поручить этот предмет известному профессору философии И. ¹⁴, а в случае, если это будет неудобно, то предоставить его мне.

Совет профессоров (еще старого состава) в порядке академической автономии избрал меня преподавателем этики. В Университете особенно много студенчества привлекла моя лекция о проблеме братства и коммуны, причем я доказывал, что люди лишь тогда становятся братьями, когда находят одного Отца через Христа. Эта же лекция была повторена в местном почтовом клубе. Дальнейшее выступление на эту тему было отклонено местными распоряжениями; в официальной бумаге было сказано: «Лекция не в духе времени».

Между тем антирелигиозная пропаганда разгоралась. Появились книжки вроде «Азбука коммунизма» Бухарина ¹⁵, где заявлялось, что вера в Бога есть выдумка буржуев. В это время открылись так называемые районные рабочие клубы с просветительной целью.

В один из них я был приглашен прочесть лекцию - диспут о религии. Я назначил тему: «Можем ли мы жить без Христа?» Подходя к зданию, я увидел толпу и даже милиционеров - множество слушателей не могло войти в зал. Они заперли лестницу. Я кое-как добрался до двери с черного входа. Провожавший меня постучал в дверь: «Пусти, Филимоныч пришел». Толпа зашумела: «Какой там еще Филимоныч! Два часа тут стоим. Становись в очередь». Когда выяснилось, что пришел лектор, ропот сменился дружным смехом.

Через некоторое время я вторично прочел эту же лекцию в одном из больших залов, принадлежащих Университету. Зал, вмещавший человек 700, был полон, несмотря на то, что вход был платный. В этой лекции, обращаясь к власти, я сказал приблизительно так: «Не дело представителей власти пропагандировать атеизм. Поступать так от ее имени значит ее компрометировать. Она должна быть нейтральной уже и в силу отделения Церкви от государства.

Упомянутый в псалмах Давида «безумец» сказал лишь «в сердце своем: нет Бога». А наши атеисты провозглашают это на улицах и площадях. Да и в сердце своем атеист может говорить лишь то, что нет Бога в его опыте, в его душе. Но он не имеет никакого логического и нравственного права

утверждать, что Бога нет в опыте других людей и в бытии вообще. Всенародное заявление, что нет Бога, есть преступная ложь. Отнимая у народа веру в Бога, вы разоряете душу народа, режете сук, на котором сами сидите, и подрываете основы того самого общественного идеала, который проповедуете, - этим вы сами способствуете провалу и краху социализма в России». Во время прений мне было сказано, что книжки вроде «Азбуки коммунизма», как и атеистическая пропаганда, есть работа не власти, а коммунистической партии.

Лекция кончилась. Вместе с двумя друзьями, я ждал, пока публика разойдется. На эстраду вошел человек в военной форме и спросил меня: «Товарищ лектор, как вы получили разрешение на эту лекцию? У вас оно имеется?» Мой друг предъявил бумагу от милиции. - «Вам придется пойти со мной для некоторых объяснений». - «Куда?» - спросил я. «Тут недалеко»... Мы пошли. Мой друг запротестовал и спросил солдата: «А у вас есть документ на право ареста?» - «Вот вам мой документ, - с видимым раздражением сказал он, вынимая револьвер. - Идите вперед!» (до этого момента мы следовали за ним сзади).

Было ясно, что нас ведут в чрезвычайку. Мы вошли в канцелярию. В глубоком кресле сидел развалиясь молодой человек в красной фуражке. Запрокинув назад голову, он сказал смеясь: «Ага, вот, главного привели!.. Скажите, товарищ, и вы в самом деле верите, что Бог есть?» - Я удивляюсь, что вы этому не верите, - сказал я. У стола стоял юноша лет 18-ти, с красной звездой на фуражке. Он резко обрушился на меня. «Это все суеверие! ... Есть только природа ... Солнце, луна, звезды ... А Бога никакого нет». - «Товарищ, в солнце, луну и звезды верили наши первобытные предки, а мы верим в Того, Кто их создал», - ответил я.

На диване сидел еще один чекист, внимательно следивший за беседой. «Ну, слушай, - сказал он, обращаясь к спорившему со мной юноше. - Я тоже не верю в Бога, но так не позволил бы себе говорить о Нем, как ты. Товарищ учитель этот вопрос изучал, а ты мало в этом понимаешь».

Нам дали заполнить «арестный лист» (где, когда арестовали и т. п.). Вошел человек в черном штатском платье, как оказалось, своим доносом вызвавший наш арест. «В чем вы обвиняете М.?» - спросил его начальник в красной шапке. «В агитации против советской власти». - Я спросил его: «А вы, гражданин, всю лекцию выслушали?» - «Нет, не всю, но это не важно. Вы дурачили народ проповедью Евангелия, называли Серафима святым ... А ведь Евангелие попы выдумали». - «А вы Евангелие читали?» - «Конечно, читал! Даже по-гречески». - «По-гречески? - Во мне проснулся дух педагога: - Ну, скажите хотя бы, как начинается Евангелие от Иоанна по-гречески?» Экзаменуемый с руганью отошел, и сел на диван при дружном смехе сотоварищей. Начальник подшучивал надо мной.

- Что устали, товарищ, после лекции? - Да, устал, в горле пересохло. Прикажете самоварчик поставить. - Самоварчик ... ха-ха! ... Что же это можно. Иван, сходи-ка в подвал. Там полячка одна сидит, скажи-ка ей, чтоб самовар поставила. Чаю мы не дождались. Нас сдали конвойному, и мы пошли в знаменитый подвал.

[...] Через неделю после ареста (т. е. 18 мая 1919 г.), согласно объявлению, сделанному на предыдущей лекции, я должен был ее повторить (уже в третий раз), так как многим желающим войти пришлось отказать: все билеты были распроданы. Теперь зал был опять полон. Присутствовало много коммунистов, в том числе и известные деятели из их рядов. Атеист, «брат Анатолий», был в числе возражающих. После лекции один из видных коммунистов Л. сказал: «Да тут ничего нет против власти». И так оправдался поступок следователя Чеки, который отпустил меня на свободу.

На эту лекцию я пришел больной с повышенной температурой; в перерыве за кулисами я сидел в изнеможении. Вторую половину я провел, собрав последние силы. Бог помог довести собрание до конца, так что, когда я был на эстраде, мое физическое состояние не было заметно. Домой я шел, часто садясь на улице, на ступеньки у крылец. Затем слег в постель - оказался тиф, в очень сильной форме: организм боролся со смертью. Меня собороваали.

[...] Весной 1920 г. меня вновь пригласили в Самару. Но в то время транспорт был настолько затруднен, что требовалось особое разрешение на право покупки билета. Я получил это разрешение, лично обратившись к товарищу наркома по просвещению Покровскому¹⁶, - он дал мне позволение на проезд согласно моему удостоверению об избрании меня преподавателем Государственного Самарского Университета.

Теперь еще оставалось купить билет. Предстояла неприятная перспектива ехать в набитом вагоне, а может быть, и в теплушке. А между тем, вышло так, что я ехал в Самару в бархатном малиновом купе I-го класса один, располагая всем помещением. Так я за всю жизнь никогда не ездил. Случилось это потому, что один из больших железнодорожных начальников, коммунист Н., заинтересовался беседой со мной на религиозную тему и потому предполагал проехать со мной в своем купе часть пути.

Но ко времени отхода поезда он почему-то не явился - и я поехал один. В дороге я очень отдохнул, не было никаких затруднений, всюду почтительное внимание - может быть, меня принимали за важную особу, едущую «из центра»; лишь в Сызрани подсадили, и то, почтительно испросив моего разрешения, еще каких-то господ, причем все мы в душе, очевидно, считали друг друга за важных людей. Я читал в пути псалом 22: «Господь Пастырь Мой ... и я ни в чем не буду нуждаться».

В Самаре первая лекция была устроена мною в актовом зале Университета (где я читал и прежде). Тема лекции была та же, что и в Москве. «Почему надо верить в Бога?» Зал был переполнен. Проходы и кафедра были забиты людьми; слушатели стояли и в соседнем помещении библиотеки; пришло много коммунистов. Они были очень возбужденно настроены. По моему адресу слышались резкие выражения.

Когда я сказал, что Дарвин был религиозный человек, стоявший сзади студент крикнул: «Это ложь. Прочитайте автобиографию Дарвина». Во время прений - двое граждан в толпе, стоявшей позади меня, о чем-то спорили. Оказывается, один говорил резко что-то против меня, другой ему сде-

лал энергичное замечание; в результате первый обратился ко мне со словами: «Товарищ лектор - меня на вашей лекции оскорбляют» ... Это вызвало смех соседей. Одна студентка потом сказала члену нашего кружка: «Ваш кружок победил, во всяком случае, морально. Мы слышали с их стороны много грубости, на которую вы отвечали со спокойным достоинством».

Через некоторое время на дверях Университета появился большой плакат. На нем нарисовано было восходящее солнце, и провозглашена тема: «Почему не надо верить в Бога?» Лектор - заведующий просветительной работой при отделе Народного образования, Н. Тут же был написан девиз лекции: «Когда наука делает шаг вперед, религия отступает на два шага назад».

Я пришел на лекцию невзначай - сначала не хотелось идти. Народу было меньше - люди религиозные не пожелали ее посетить. Я сидел во втором ряду. Лектор не появлялся полчаса, час. Студент-украинец оборачивается ко мне из первого ряда и говорит: «Я його бачив... Вы, як взнав, що ви тут, втик» ... - «Не может быть - вам показалось». - «Алэ я вам кажу, що це правда». Наконец, на эстраду вышел студент - устроитель лекции и, сдерживая почему-то на лице улыбку, сказал: «Лектор явиться не может. Но мы устроим диспут без него. Товарищ Н. согласился его заменить». Это был пожилой студент, тот самый, который накануне на моей лекции назвал мои слова о Дарвине ложью.

Он попросил у публики разрешения несколько подготовиться. Я попросил записать меня в число ораторов. Лекция началась. «Товарищи! Лектор Марцинковский говорил, что Дарвин был религиозным человеком. А я документально докажу сейчас, что это неправда». И он прочитал из автобиографии Дарвина следующие слова этого ученого: «Я в юности своей вполне отказался от христианства». Итак, документально и публично было показано, что я солгал. В публике наострил слух в ожидании пикантных событий. Что было делать?

Я в эти дни искал автобиографию Дарвина, которой вообще не читал до того, но найти ее в библиотеке Университета не удалось. Я помолился внутренне. Меня осенила мысль - я послал председателю записку, прося прислать мне книгу Дарвина. Он любезно это сделал. Я нашел место, приведенное оратором. Оказалось, что оно отражало лишь временное переживание молодого мыслителя - а позже он вернулся к вере. Таких мест, подтверждающих его религиозность, я нашел восемь - и все их заложил бумажками. Лектор кончил, ему аплодировали.

Вызвали меня. Затихли в любопытном ожидании. Как-то я оправдаюсь? «На документы я отвечаю документами», - говорю я. Я прочел положительные отзывы Дарвина о религии и подчеркнул последний из них из позднейшего периода его жизни: «Я никогда не был атеистом в смысле отрицания существования Творца». «Между этим местом и тем, которое привел сегодняшний оратор, нет никакого противоречия ... Дарвин в юности пережил сомнение в христианстве. А кто из нас этого не пережил? Я тоже сомневался в юности, но потом в юности же нашел веру в живого Бога и Христа» ...

Аплодисменты заглушили мои слова. «А теперь, - сказал я, - позвольте мне Библию, на которую вы ссылались». Оратор передал мне большую Библию, с золотым крестом на обложке. Рука его заметно дрожала. Я продолжал: «Библию надо читать очень вдумчиво ... Лектор говорит, что есть противоречие в первой главе: выходит, что свет сотворен в первый день, а солнце в четвертый. Как же мог быть свет без солнца? Объяснение таково: Автор книги Бытия употребляет в первом случае слово «сотворил» (евр. bara), т. е. впервые вызвал к существованию, элемент света. Во втором случае, когда речь идет о солнце, употребляется слово: «создал» (евр. asah), означающее акт довершающий, заканчивающий. Бог в первый день сотворил световую энергию, а в четвертый завершил этот творческий акт тем, что собрал разлитую световую энергию в центры. Тогда сотворил свет, а теперь устроил светильник и, если так можно выразиться, укрепил его и зажег ...

Наука подтверждает такой процесс. Астроном Гершель ¹⁷ говорит, что вначале, до появления солнца, была «световая туманность». Не желая унижать своего противника, в котором я чувствовал тон искреннего искания, я в конце своей речи подчеркнул то общее, что объединяет нас, и атеистов и верующих, - это жажда правды, томление по этой правде и искание ее; нас объединяет страдание.

[...] И эта аудитория, которая была наполнена отнюдь не моими сторонниками, задрожала такими дружными и продолжительными аплодисментами, которых я никогда еще не слышал на своих лекциях. Говорило еще несколько ораторов. Лектор в ответ мне сказал в свою очередь мягко и уважительно. В местных газетах вслед за моей лекцией появились отзывы, намеренно или невольно искажавшие факты. Выходило, что я утверждал, будто бы уже и Ленин обращается к религии, и что он-де свидетельствовал об этом на съезде водников. На самом деле я привел известные слова Ленина, сказанные им на съезде: «Без Бога мы как-нибудь обойдемся». И я подчеркнул, что без Бога жизнь наша идет именно «как-нибудь»...

В другой газете на первой странице появилась статья под заглавием: «Чудо в Самарском Университете» - где мои выступления в защиту всецелой веры в Евангелие сравнивались с восстановлением средневековых суеверий в лице «воскресшего Лазаря XX в.» (что-то в этом роде). Суть чуда усматривалась в том, что эти отсталые идеи проводились не где-нибудь в цирке, а в актовом зале Университета. На первую заметку я отнес в редакцию опровержение с фактическими поправками, но оно не было напечатано. В то время газеты расклеивались на заборах по всему городу, и это послужило бесплатной рекламой о моих выступлениях.

[...] Осенью 1920 года мне было предложено вести семинарий по этике (при кафедре философии) на социально-историческом факультете Самарского Государственного Университета. Декан данного факультета, профессор Ф. ¹⁸, предложил мне представить программу занятий, что и было мной сделано. Самые же занятия пришлось отложить на позднейшее время, так как мне нужно было уехать в Москву на съезд Христианских Студенческих Кружков.

И потому до отъезда я ограничился прочтением двух открытых лекций в актовом зале Университета. В это время Христианский Студенческий Кружок уже не мог устраивать моих лекций при Университете, так как совет последнего для прекращения всякого рода политической агитации в высшей школе запретил выступления каких бы то ни было студенческих, не чисто-научных организаций. Мне же лично они разрешались, как преподавателю Университета, - и это помогло нашему кружку продолжать христианскую работу среди студентов.

Прежде всего, я прочел лекцию на тему: «Смысл красоты». Вероятно, благодаря предыдущим выступлениям, моему аресту, а также газетным статьям, расклеенным по заборам - имя мое стало очень известным, - и теперь до начала лекций зал и вся лестница были запружены народом; порядочная толпа оставалась внизу, на улице, и там один старик из евангелистов держал речь к публике, устроив свое импровизированное собрание.

Следующая лекция была на тему: «Христос и евреи». Опять было полно народу, и много пришло евреев. Я обращался и к евреям и к христианам, в духе идеи нашего русского философа Вл. Соловьева. «Когда евреи будут евреями, а христиане - христианами, то они будут братьями». Говорил против меня молодой еврей-атеист. Ссылался на то, что есть в Библии целые книги, где не упоминается имя Божие. К таким книгам, по его словам, относится Екклесиаст. Я имел Библию с собой, прочитал именно из Екклесиаста целый ряд мест с упоминанием имени Божия, и между ними особенное впечатление произвели слова: «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (7:29). А к юноше я обратил слова Екклесиаста. «И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни» ... (12:1). Я подчеркнул также, что обыкновенно против Библии возражают те, кто ее не читал.

Вслед за мной говорил сионист, прибывший в это время в Самару (по вопросу о переселении евреев в Палестину¹⁹). Он говорил очень сочувственно, приветствуя призыв евреев к Библии, а христиан к Евангелию, - как путь к возрождению людей и устранению вражды между ними. Большое впечатление произвели на аудиторию слова двух молодых евреев (один из них участвовал в моем кружке по изучению Евангелия), свидетельствовавших о том, как они пришли ко Христу, и призывавших евреев принять Евангелие.

Для третьей лекции на тему: «Христос Грядущий», зала в Университете не удалось получить. Мои друзья обратились к настоятелю местного кафедрального собора А.²⁰, прося его устроить эту лекцию в последнем. Протоиерей А. согласился. Собрание состоялось вечером. Были поставлены в главной части собора скамьи. Вверху мерцало огромное паникадило. В перерыве хор прекрасно исполнил песнопение: «Се, Жених грядет в полночи». Эсхатологическая тема очень гармонировала с настроением народа, привыкшего среди горя и страданий последних лет все чаще обращать свой взор к мысли о конце мира и о грядущем царстве Христа. *[Эсхатология - учение о конце мира.]*

После перерыва предстояла беседа. В перерыве я был в алтаре. Здесь мне пришла мысль, что положение мое, как проповедующего в данном храме, было несколько фальшиво: ведь слушатели принимают меня за православного, а между тем я отошел от православия. Я молился внутренне, чтобы Бог мне помог стать перед слушателями в правдивое положение. Я вышел для беседы. Стали поступать записки с вопросами. Священник А. подает мне одну из них и говорит: «Это личный вопрос. Вы можете на него не отвечать». Прочитав записку, я сказал: «Я отвечу и на эту записку». На бумажке стояло: «Какого вы вероисповедания? Православный вы или баптист?»

Я огласил ее и заметил, как вдруг насторожилось внимание присутствующих. Очевидно, этот вопрос интересовал многих. Я сказал: «Я был православным и работал в православной Церкви. Но, исследуя вопрос о возрождении церкви, я пришел к вопросу о возрождении отдельного входящего в нее члена. И тут я разошелся с учением современного Православия: оно учит, что человек возрождается в крещении, принимаемом бессознательно в младенческом возрасте, - а Слово Божие учит, что путь к возрождению - слышанные слова Божия, покаяние и обращение. Это подтверждает и практика древнего христианства, и пример Отцов Церкви, и крещальный чин, сохранившийся в предании Православия - допускающие крещение лишь после обращения. Поэтому и я недавно принял такое крещение».

Священник А. в заключительном слове благодарил меня за мою лекцию, признав ее вполне верной и назидательной. «Что же касается до вопроса о крещении, то наш уважаемый лектор соблазнился. Ведь, были же крещены в детстве наши великие святые, как Сергей Радонежский и Серафим Саровский, и они не испытали от этого никакого вреда» (Так и сказал). Последнее замечание, как я потом узнал, не удовлетворило слушателей. [...] В тот же вечер я уехал в Москву.

Примечание

¹ П.Н.Николаи, финский барон (1860-1919) - российский религиозный и общественный деятель, основатель Русского христианского студенческого движения (РХСД), пастор евангелическо-лютеранской церкви.

² См. Колпаков А.Н. Первый университет в Самаре. История высшей школы Самары. Самара: СамГТУ, 2007. - Кн. 2. - С.107, 175.

³ Текст написан и подготовлен В.Ф.Марцинковским к публикации в 1927 г. Курсивом отмечены комментарии автора. Орфография и пунктуация автора в основном нами сохранены (С. Д.). Книга размещена в сети Интернет: http://www.krotov.info/library/13_m/ar/zinkovsk_2.htm (см. переиздания: Новосибирск; М.: Посох; Благовестник, 1994. 271 с.; Из-во «Библия для всех», СПб., 1995).

⁴ Самарский христианский студенческий кружок возник с ростом движения молодежи России и религиозных организаций юношества в начале XX века. В 1920-е годы еще достаточно многочисленными были «сектантские» молодежные организации-объединения евангелистских христиан, адвентистов, баптистов и др.

⁵ Речь идет о начале июня. Самарское реальное училище находилось на ул. Казанской (ныне ул. Ал. Толстого, 31).

⁶ В.Н.Ивановский (1867-1939), философ, историк, в 1918-1921 гг. приват-доцент, затем профессор и ректор Самарского университета.

⁷ Университет создан на основании приказа № 216 Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ) от 10 августа 1918 г.

⁸Тарасов Е.И. (1870-?), историк, педагог, в 1918-1919 гг. и.о. ректора и проректор Самарского университета, затем гл. редактор и директор университетской библиотеки. Уволен из университета в 1923 г. как «неудовлетворяющий требованиям советской власти, предъявляемым к лицам, читающим курс русской истории».

⁹ Старейший городской кинотеатр «Триумф» находился на ул. Дворянской (совр. ул. Куйбышева, д. 86/88). Цирк «Олимп» - современное здание филармонии на углу ул. Л.Толстого и Фрунзе.

¹⁰ Имеется в виду П.Д.Климушкин (1888-1956?), эсер, член учредительного собрания, министр внутренних дел в правительстве КОМУЧа первоначального его состава в 06-09.1918 г.

¹¹ Лекция прочитана в самарской тюрьме в январе 1919 года.

¹² «Христославами» (колядовщиками) называли людей, которые славили Христа на Рождество, ходили по домам и пели колядки, за что получали угощения. Чаще этим занимались дети и подростки.

¹³ «Дома юношества» появились в 1905-1906 гг. в ходе ученических волнений, что вынудило власти пойти навстречу требованиям учащихся средних учебных заведений и разрешить деятельность культурно-просветительных учреждений. В 1910-е гг. культурно-просветительного объединения юношества укрепились. В Самаре учащаяся молодежь старших классов была объединена в клуб «Дом учащегося юношества», имевший культурно-просветительскую направленность. «Дом» придерживался невмешательства в политику, вел дискуссии. Конфликты с комсомолом закончились победой последнего и в конце 1919 г. «Дом» распался.

¹⁴ Имеется в виду упомянутый выше В.Н.Ивановский.

¹⁵ Это популярное издание вышло в 1920 г.

¹⁶ М.Н.Покровский (1868-1932), историк, политический деятель, участник Октябрьской революции (Москва), зам. наркома просвещения (с 1918 г.), руководитель Комакадемии и института красной профессуры, академик АН СССР.

¹⁷ Не ясно, кто из выдающихся английских астрономов – Гершелей, отец Уильям (1738-1822) или его сын Джон (1792-1871) имеется в виду.

¹⁸ Имеется в виду П.П.Фридолин (1876-19?), историк, искусствовед, активный просветитель, с 1918 г. профессор кафедры всеобщей истории Самарского университета, затем и.о. и помощник ректора, с 11.1919 по 03.1921 декан историко-филологического, а затем социально-исторического факультета, в 1921-1922 гг. ректор.

¹⁹ Палестина, оккупированная с 1917 г. английскими войсками, в 1920 г. получила статус мандатной территории Великобритании.

²⁰ Вероятно, имеется в виду последний настоятель кафедрального собора Самары П.Архангельский.

**BERNHARD J. HARDER. ALEXANDERTAL.
DIE GESCHICHTE DER LETZTEN DEUTSCHEN STAMMSIEDLUNG
IN RUßLAND. BERLIN: GEDRUCKT VON J.KOHNERT, O/J. 110 S.**

**ГАРДЕР БЕРНГАРД. АЛЕКСАНДРТАЛЬ.
ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНЕГО ПОСЕЛЕНИЯ В РОССИИ /НА НЕМЕЦКОМ ЯЗ.
БЕРЛИН: ИЗД-ВО КОНЕРТ, Б.Г.**

Перевод с немецкого выполнен С.И.Дубининым.
Публикацию подготовил Н.А.Курсков

Об авторе. Бернгард Гардер (1878 - ок. 1960) был пятым ребенком в семье западно-прусского колониста Юлиуса Гардера из Нейгофнунга (совр. Надеждино, Кошкинского района Самарской области). В раннем детстве он лишился родителей и был воспитан родственниками. С 16 лет в одной из южно-меннонитских колоний обучался ремеслу, связанному с земледелием. Там же был конфирмован. Возвратившись в Нейгофнунг, основал мастерскую, а позже - торговый дом «Гардер, Вибе и К^о», специализировавшийся на сбыте сельхозинвентаря. Владел знаниями в сфере сельского хозяйства, занимался самообразованием. С началом первой Мировой войны вследствие немецкого подданства Гардер был интернирован в Оренбургскую губернию, затем депортирован в Сибирь. Эти события привели его к решению об эмиграции. До 1923 г. он работал на верфи в Эльблонге (Польша), затем стал миссионером и редактором журнала «Слово и Дело». С 1930 по 1951 г. возглавлял Гамбургскую меннонитскую миссию. Позже, уже в отставке, Гардер публиковал очерки по истории родных когда-то мест: колонии Александрталь на р.Кондурче и её окрестностей.

Мемуарный текст Гардера представляет собой очерк в жанре микроистории. Адресован единоверцам и соплеменникам. В России впервые опубликован в 1993 г.

Фактографическая канва очерка позволяет говорить о том, что автор вносит существенный вклад в самарское историко-этническое источниковедение и историографию. Вместе с тем заметим, что Гардер не использовал исторические источники делопроизводственного типа или архивные материалы. Опорой памяти ему служили немногочисленные мемуарные записки соплеменников и впечатления о событиях, свидетелем которых был он сам. Это замечание особенно касается периода революций и гражданской войны 1905 - 1918 годов, волостной уровень которых представлен в публикуемом переводе небольшой части его работы.

Описание Б. Гардером событий, перевернувших традиционный образ жизни александртальских крестьян-фермеров и бывших удельных крестьян окрестных волостей, особенно Кошкинской, населенной русскими крестьянами-общинниками и несколькими десятками столыпинских хуторян, представляет значительный интерес. Оно является свидетельством наблю-

дателя, фермерский взгляд которого не зашорен политикой, идеологией или религией и буквально фотографичен.

В среде наследников самарских русских крестьян подобные мемуары были созданы примерно в это же время, но стали известны лишь в конце 1990-х годов. Их вполне можно поставить в один ряд с достоверными крестьянскими мемуарами Гардера. Автором их стал крестьянин самарского села Большая Царевщина (совр. поселок Волжский) В.Л.Щибраев¹.

* * *

Революция 1917 года

... В России в 1917 г. было около 100 тыс. меннонитов, владевших 15295 кв. км земли (для сравнения: площадь королевства Саксония составляла 15000 кв.км).

Во время первой Мировой войны шовинисты в правительственных кругах развернули травлю немецких переселенцев, заявляя о «вражеском захвате России немцами», указывая на принадлежащие им чрезмерные земельные владения. Но в действительности данная цифра не включала владения немецких колонистов других вероисповеданий. При этом лояльность меннонитов к России была изначально вне сомнений. В предвоенные годы до 2000 мужчин – меннонитов состояло на государственной службе в лесничестве. В 1909 общины внесли до 172252 руб. дохода в казну на их содержание.

Во время войны 1914/17 годов находившиеся на действительной службе молодые люди и резервисты были согласно всеобщему закону призваны во вспомогательную службу. В 1915/16 годах в различных военных структурах, во Всероссийском земском Союзе, в Красном Кресте, во вспомогательных организациях русского дворянства, в Союзе Городов, в частных лазаретах и в лесничествах насчитывалось около 22000 меннонитов-призывников. Соответственно возросли и расходы на их обмундирование и обеспечение. В период с 1915 по 1917 годы общины отчислили на эти нужды до 4818611 руб. Сверх того, меннониты добровольно поставили значительное количество продовольствия для русской армии.

Со стороны националистических групп в правительстве, так называемой «черной сотни», меннонитам был в это время нанесён особенно тяжёлый удар. Министр внутренних дел А.Н.Хвостов передал в Совет министров записку, где обосновывал идею, почему следовало призвать меннонитов на военную службу, уравнив их с прочими подданными России. Однако, прежде, чем это предложение было обсуждено, Хвостов был отозван со своего пост и заменён осмотрительным А.Д.Протопоповым, который в представлении руководителю «Правления по делам военнообязанных» назвал привлечение меннонитов к военной службе нарушением их привилегий и отклонил. Затем последовало распоряжение, чтобы этот вопрос вообще никогда более не подлежал рассмотрению.

Значительно тяжелее в 1915/16 годах оказались так называемые ликвидационные законы, реализация которых означала насильственное отторжение имущества всех немецких колонистов в России и изгнание их из страны.

Чтобы оградить себя от подобных радикальных мер, представители меннонитства пришли к тому, чтобы заявить о своём французско-голландском происхождении; в качестве аргумента могли служить их фамилии и нижненемецкий диалект. Нидерландское правительство не оспаривало факта, что Нидерланды были прародиной этих переселенцев.

В этот период находившийся на русской чиновничьей службе проф. Карл Линдеман взял на себя роль бесстрашного заступника всех колонистов и, особенно, меннонитов. Именно он во время Февральской революции 1917 года созвал немцев России на конгресс, чтобы совместно представить их вопросы и проблемы перед правительством социалистов. От лица меннонитов здесь выступили в качестве депутатов Й. Вильмс и Б.Х. Унру.

На конгрессе меннониты отстаивали тезис, что большинство российский меннонитов вышло из Нидерландов, находясь, однако, столетия под культурным влиянием немцев; при этом они не утратили своих собственных политических и этнических корней. В остальном меннониты согласились сотрудничать с прочими колонистами, естественно, при сохранении их самобытности.

Осенью 1917 года возникло отдельное меннонитское сообщество, в Устав которого вошли данные заявления: меннониты вошли в состав «Союза немецких колонистов России» при условии сохранения и признания их самобытности.

Влияние революции в Александртале

Поначалу переворот мало затронул это отдалённое селение, за исключением повышения налогов и хозяйственных изменений правительства Керенского (март 1917), в отличие от украинских селений; правда, если не считать переименования колонии в Александродар.

Здесь повсеместно царило мнение, что волны революции разобьются об устоявшийся порядок колонистской жизни, как в 1905/6 годах. Окружающее население не обнаруживало никаких волнений.

Однако осенью 1917 года возникла совершенно иная ситуация: прежний порядок был разрушен, всё чиновничье и полицейское управление было устранено. На их место заступила гражданская милиция, состоявшая из сомнительных элементов, действовавших по произволу и ещё более усиливавших беспорядок. Временами не действовали ни законы, ни нормы. Новые распоряжения противоречили друг другу, исходя словно от разных инструкций, не знавших и не признававших друг друга. Великое слово «свобода» было понято народными массами так, словно каждому было позволено действовать по собственному усмотрению.

Практически это беззаконие осуществлялось при отчуждении земель и, наконец, при грабеже крупных хозяйств. Так собственность через воровство стала «народным» достоянием.

Для колонии в начале опасности не было, пока декларативный передел касался крупных имений и пока окружающее колонии население было благоразумно.

На основании Окружного решения летом 1917 года, помимо прочего, была основана начальная школа с программой реальной гимназии, которой было суждено было без потрясений просуществовать несколько лет. Колонию непосредственно затронул общий дефицит товаров и предметов потребления. В это время частная торговля была парализована. Стало необходимым создание собственного волостного магазина, работники которого имели бы право требовать в Самаре централизованной поставки тех или иных товаров для населения.

Сельхозобъединение колонии расширило свои задачи; в первую очередь, в защите от ликвидации возникших вновь образцовых и семенных хозяйств. Всё это способствовало оттягиванию процесса упадка уровня жизни в колонии, но не сдержало его.

Землевладение после Октябрьской революции 1917 года постепенными акциями всё более сокращалось. Из рассказов беженцев можно узнать о безумствах ликвидации частной собственности; они наглядно сообщают о разрушении хозяйственной системы. Так, например, были сожжены молотильные установки, поскольку, якобы, лишали сборщиков урожая заработка. Так же жестоко был уничтожен племенной скот. Промышленные постройки были заминированы и оставлены на произвол разрушающих сил. Так бессмысленно протекала революция на провинциальном уровне.

В Александртале предпринимались попытки противодействовать безумному разрушению; прежде всего путём введения регулирования землевладения и наделения землей немногих бывших тогда безземельными. Однако имели место случаи, когда вновь прибывшие конъюнктурно использовали хозяйственную неразбериху для своей выгоды и получения власти. Внутри поселения начался процесс разложения, приведший даже к арестам и возникновению опасности для свободы личности.

В этих шатких условиях население утратило интерес к крестьянскому труду и, как следствие, проявился дефицит товаров потребления.

Весной 1918 года полчища хомяков прошли по местности. Когда наличные запасы продовольствия были исчерпаны, наступила страшная голодная катастрофа, которая в Александртале сопровождалась эпидемией тифа.

Российская транспортная система была в этот год почти полностью парализована бушевавшей по всей России гражданской войной. Это также отразилось на положении Александрталя в том смысле, что на колонию были возложены контрибуции и определенное число юношей привлекалось на военную службу.

Но неизмеримо большее число жертв было во время эпидемии и голода.

Наконец эпоха радикальных хозяйственных преобразований началась и в нашем поселении. Новый передел земли дал на каждого члена семьи надел в 2,5 десятины. Освободившиеся культурные уголья привлекли, естественно, многих чужаков из окрестностей, чтобы завладеть этой землей: русских, татар, мордву, чуваш.

Целостность нашего крестьянского сообщества была нарушена в своей основе.

За относительно короткое время колонистская жизнь пришла в упадок. Если война и первые годы революции сильно уменьшили поголовье скота и заставили забросить земледелие, то теперь со всей очевидностью была поражена сама плоть жизнедеятельности колонии. Хозяйственные последствия этого процесса были более чем очевидны.

В предвидении тяжёлого кризиса революционное правительство радикально развернуло политику, введя «нэп». Это восстановило частную собственность и стимулировало личную инициативу: чужаки-новопоселенцы в колониях исчезли; установился хозяйственный подъём, продлившийся до 1928 года.

Примечания

1. Щибраев В.Л. Большая Царевщина: Семейная хроника / под научной ред. П.С.Кабытова, Э.Л.Дубмана. Изд. 3-е. Самарский университет, 2008.

З.М. Кобозева*

**ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ САМАРСКОГО МЕЩАНСТВА
ПО СЕМЕЙНОМУ ФОТОАРХИВУ****

равмирующим прецедентом для исследователя социальной жизни России являются фотографии, которые своим визуальным рядом нарушают логику историографического и художественного осмысления образа горожан дореволюционной поры. Большую часть населения провинциального города составляли мещане, которые, безусловно, были очень пёстрым, с точки зрения экономического статуса и образовательного уровня, социальным слоем. Тем не менее за мещанством закрепилось в литературе стереотипное суждение как о какой-то промежуточной группе между крестьянством и купечеством, которая в силу особенностей исторического развития России так и не сумела превратиться ни в горожан в стиле бюргеров, ни в добропорядочных викторианцев. Но с семейных фотографий на нас смотрят тем не менее именно «добропорядочные викторианцы», чуть-чуть похожие на крестьян, чуть-чуть похожие на купцов, чуть-чуть похожие на дворян – но уже подчинённые законам городской моды. Этот городской слой не вписывался в «воображаемое сообщество», создаваемое большевиками, которые «сочли своим долгом изобрести классы, которые, согласно теоретическим постулатам марксизма, просто обязаны были существовать»². Классовый дискурс в повседневной жизни во многом уничтожил эту специфическую городскую культуру, изымая знаки её индивидуальности из общеупотребимого языка бытового поведения. «Пересотворение себя»³ на самом деле происходит достаточно легко. Ш.Фицпатрик в этом отношении ссылается на юмореску М.Жванецкого: «В России нет капиталистов и коммунистов. Есть люди, которые приспособились и которые не приспособились»⁴. Только потом очень трудно в глубинах исторической памяти уловить смутный аутентичный образ, погребённый многочисленными культурными знаками, которые надевал на себя горожанин на протяжении многотрудного XX века.

Визуальная антропология на сегодняшний день представляет собой научную дисциплину, отпочковавшуюся от культурной антропологии и позволяющую объединить в рамках своего исследовательского поля прикладные практики этнологов, этнографов, фольклористов, психологов, историков, географов, искусствоведов, культурологов, социологов, политологов. Исходя из такой высокой степени междисциплинарного охвата, визуальная антропология имеет несколько интерпретаций. Так, коллектив

---

* © Кобозева З.М. – к.и.н., доцент кафедры российской истории СамГУ

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

научно-практических семинаров, организованных Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва воплотил свой взгляд на проблемное поле визуальной антропологии в сборнике статей «Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением»⁵. Следует согласиться с их отправным тезисом о том, что «в последнее время границы антропологии стремительно раздвигаются»: «осмысление обыденных сторон человеческой жизни, включая образ жизни, быт и поведение в типовых, изо дня в день повторяющихся ситуациях, привело к формированию антропологии повседневности... явно тяготеющей к визуальности. Появились и такие разделы антропологического знания, как антропология детства, организации, общения... и тому подобных феноменов, осмысление которых практически невозможно вне визуальных практик и соответствующих дискурсов»⁶. Кроме того, как сформулировал в своей статье по визуальной антропологии А.В.Прохоров, «пафос антропологии - исследовать те виды социокультурной деятельности, которые остаются недостаточно осознанными, и исследовать те формы, в которых они реализуются обыденными носителями этой деятельности. Речь идёт о тех неосознаваемых видах деятельности, которые не зафиксированы в письменности...»⁷. В целом, данное крыло антропологов в основном занимается полевыми исследованиями.

Другой подход к визуальной антропологии сформулирован в монографии Е.Вишленковой «Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому»»⁸. В данной книге анализируются графические образы народов России и их бытование в культуре: гравюры, лубки, карикатуры, этнографические портреты и т.д.. То есть визуальная культура россиянина предстаёт как некий конструкт, по канону которого происходило самоотождествление⁹. В «исследовательской лаборатории» Е.Вишленковой нас привлекает тезис об «интердисциплинарности» метода «визуального народоведения»: «Ни этнография с её фиксацией на процессе накопления сведений и признаков «издавна существовавшего» народа, ни традиционное искусствоведение с интересом к способности искусства фиксировать социальную реальность, ни национальная история, создающая рассказ о разворачивающейся во времени жизни народа, ни даже нарождающаяся историческая психология не могут в собственных дисциплинарных рамках реконструировать и контекстуализировать идентификационные процессы, породившие группность... Анализ же языков самоописания позволяет обнаружить скрытые резервы самоорганизации»¹⁰. Анализ методов исследования визуальной культуры, предпринятый автором во Введении, касается художественных образов как некой смоделированной реальности, и не вполне применим к фотографии, претендующей на констатацию образа при минимальном допущении элементов художественной игры, касающейся позы, мимики и внешней предметной атрибутики. Тем не менее, те подходы, которые с 1988 г., то есть с момента выхода книги «Видение и визуальность»¹¹, сформировались в среде визуальных исследователей, вполне применимы и к анализу фотографии. Это и реконструкция истории обра-

зов, базирующаяся на семиотическом понятии репрезентации, и социальная теория визуальности и анализ визуальных стратегий и технологий¹². Ещё одно интересное теоретическое наблюдение Е.Вишленковой касается того, что визуальная культура представляет собой такое «синкретическое пространство, в котором социальные и культурные различия проявляются особенно драматично в силу их апелляции к человеческим чувствам и эмоциям... В связи с этим в визуальные исследования входит изучение эмоций и анализ стереотипизации, через которые осуществляется осознание пола, расы, сексуальной ориентации, класса, нации, субкультурной идентичности и пр.»¹³. И, наконец, в качестве «хронотопа для общения с читателем», Е.Вишленкова выбирает именно дофотографический период в истории самоосмысления империи¹⁴. В принципе, автор не объясняет в этой части исследования, почему выбран именно «дофотографический период». Можно предположить, что это определяется спецификой источникового материала, связанного именно с художественной репрезентацией и с оригинальной мыслью автора о том, что в условиях многоязычия визуального пространства империи для формирования ощущения общности необходимо было создать не только национальный литературный язык, но и визуальный.¹⁵

«Фотоисследования как попытки реконструировать или репрезентировать физическое окружение, события или представления людей входят в число методов социальной антропологии, культурологии, истории и социологии. Снятые специально для научных целей или используемые исследователем фотографии в любом случае содержат внутренний нарратив о социальной структуре, отношениях и ценностях той эпохи, когда они были созданы»¹⁶.

Фотография как жанр визуального художественного пространства сродни реализму. «Важнейшим признаком реализма XIX в. Р.Барт предлагает считать «новое правдоподобие», в рамках которого происходит демонстративное слияние означаемого с референтом...»¹⁷. «"Знаки времени" уже не стоят перед глазами, а скользят, мелькают, мельтешат. В контексте бурно развивающейся индустриальной революции немислимое вчера становится сенсацией сегодня, на завтра – привычкой, как марка на почтовом конверте, или пароходное сообщение через океан, или фотография... Способность искусства «остановить мгновение», о-формить, подчинить себе поток опыта остро и по-новому востребована в обществе»¹⁸.

У Р.Барта в «Camera lucida» голос науки, ведущий мысленный диалог с автором, говорит о фотографии: «Она – не что иное, как след, оставленный ритуалом социальной интеграции, предназначенным поднять акции семьи»¹⁹. Барт определяет фотографию предметом трёх способов действия, троякого рода эмоций или интенций: «... Operator – это сам фотограф. Spectator – это все мы, те, кто просматривает собрания фотографий... А тот или та, кого фотографируют и кто представляет собой мишень, референта» «фотографического Spectrura», содержит в себе ещё и смысловые нагрузки «спектакля» и «возвращения покойника»²⁰. При характеристике

фотографии как исторического источника, ценным является замечание Р.Барта о том, что «фотопортрет представляет собой закрытое силовое поле. На нём пересекаются, противостоят и формируют друг друга четыре вида воображаемого. Находясь перед объективом, я одновременно являюсь тем, кем себя считаю, тем, кем меня считает фотограф, и тем, кем он пользуется, чтобы проявить своё искусство»²¹.

Фотографии из семейного архива обращают нас к сложной, междисциплинарной проблеме историографии памяти. «Взаимоотношения фотографии и памяти – большая тема в истории, социологии и философии фотографии с времён их зарождения и по сей день. Многие теоретики фотографии, прежде всего Вальтер Бенямин, Зигмунд Кракауэр и Ролан Барт, исходили из тезиса о несовместимости фотографии и памяти, о губительности фотоснимков для припоминания... В резкой оппозиции обманчивой «осколочной» памяти целостной «фактичности» фотографии парадоксальным образом воплотилась вера людей XIX – раннего XX века в «правдивость» нового медиума...»²². Даже учитывая свойственное фотографии «отбор, искажения и манипуляции», долгое время ей отдавали «лавры большей достоверности», чем индивидуальному воспоминанию²³. Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что «память аморфна и фрагментарна без структурирующего воздействия раздражителя, в данном случае – фотографии»²⁴. Однако, ряд исследователей считают, что фото не может выступать стимулятором памяти, так как «фотография... – это память, лишённая забвения, а значит, и самой способности вспоминать»²⁵. С другой стороны, в последнее время смещается акцент с противопоставления фотографии и памяти на их общность, обнаруживаемой в «структуре, функциях и истории восприятия обоих феноменов»²⁶.

Фотография и память в исследовании И.Нарского рассматриваются в контексте взаимодействия, «воздействие фотографии на работу памяти, вероятно, сродни действию звуков или запахов, которые вызывают каскад воспоминаний», а посему «фотографии могут не только провоцировать припоминание, но и направлять процессы памяти»²⁷.

В ситуации, когда фотографии призваны не помочь вспомнить события своей собственной жизни (автобиографии), а восстановить социальную жизнь определённой группы людей прошлых эпох, обнаружить следы идентичности, мы всё равно оказываемся в ситуации напряжения самых архаичных пластов памяти, мы припоминаем традицию семьи, стремимся вспомнить реплики тех, кто давно ушёл из жизни, но в которых сокрыт секрет расшифровки тех знаков альтерации, которые латентно присутствуют на старинных фотографиях. Но в этом случае мы оказываемся перед сложной проблемой смешения припоминания и воображения: «фотография... раз и навсегда стирает границу между восприятием (перцепцией) и воображаемым, неопределённо долго задерживая нас в промежуточной зоне (в зоне псевдоперцепции). Это зона напряжённого и стерильного восприятия ничто, перцепции воображаемого»²⁸.

Что касается семейного фотоархива, опять-таки вернусь к Р.Барту, который в главе «Фотография как приключение» отмечает такое интересное

свойство фотографии как «одушевление»: «само по себе фото ни в коей мере не одушевлено... просто оно одушевляет меня – в этом, собственно, и состоит всякое приключение»²⁹. Моё «приключение» в семейный фотоархив состоит не только в извлечении «деталей» повседневного быта («фотография... позволяет прийти до мельчайших деталей; она поставляет... коллекцию частичных объектов и может льстить заключённому во мне фетишизму...»³⁰), но и в «интриге» несоответствия образа мещанства, сформированного художественной и исторической литературой и того как выглядели люди мещанского сословия на моих семейных фотографиях и что они себе позволяли в деталях одежды, позах, постановке снимка. Следует оговориться, что несмотря на то, что жизнь мещанского сословия заканчивается официально в 1917 году, люди, являвшиеся носителями культуры этой социальной среды, продолжали жить и после революции, они так же фотографировались, позировали, сохраняли своё отношение к жизни, что латентно проступает на фотографиях. На фотографии 1924 г. моя прабабка позирует в дворянском образе с причёской эпохи романтизма; в 1932 г. её сестра изображена в платье «в пол» с разрезом от талии, их племянница запечатлена в 1950-е гг. художественно обнажённой. Возникает вопрос о соответствии тех штампов, которые существуют в литературе относительно быта советских людей и того, как на самом деле жили эти советские обыватели вдалеке от «большого нарратива». В определённой степени грустно идти в исследовательском плане «во след» уже написанным и озвученным гипотезам, но именно отталкиваясь от «импульсов» своих семейных фотографий, не подтвердив ещё свои размышления достаточным количеством материала, я солидаризируюсь с гипотезой И.В.Нарского, высказанной им в монографии «Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг.» о том, что «в условиях невиданной катастрофы, обрушившейся на население... происхождение и социальная принадлежность человека, несмотря на провозглашённую в России непримиримую классовую борьбу, не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение»³¹. С другой стороны, так как И.В.Нарский как бы выступает от лица «маленького человека» в событиях рассматриваемого периода, и пишет о том, что «изнанка революции составляла его (маленького человека – З.К.) будни, вытесняя праздничные настроения и радостные ожидания, которые сменялись хмурой озабоченностью и угрюмым ожесточением»³², фотографии моих собственных семейных «обывателей», тоже «маленьких людей» истории, свидетельствуют о том, что оптимизм, юмор, семейные праздники, страсть к нарядам (или мещанские ценности?) не исчезли из быта этой социальной среды и после «катастрофы» политического свойства.

Таким образом, главным вопросом работы с фотографией как историческим источником становится проблема реальности изображённого: «на ней (фотографии – З.К.) изображалась продажа в рабство... Повторяю: это была фотография, а не гравюра, и с этим были связаны мой детский ужас и зачарованность тем, что это точно имело место; вопрос не в точности пе-

редачи, а в реальности изображённого. Историк уже не выступал в качестве посредника, рабство было дано непосредственно, факт его существования устанавливался без примеси метода»³³.

Мой прадед, Кашин Михаил Никанорович, родился в Самаре 7 ноября 1879 г.. Образование его представляло четыре класса городского училища и курсы бухгалтеров в самарском обществе Взаимного Вспомоществования Приказчиков. В сохранившемся семейном архиве его «Трудовом списке» в графе «национальность» - значится «русский-великоросс», в «социальном положении» - «служащий» и «беспартийный»³⁴. Тем не менее прослеживается достаточно благополучный путь по социальной лестнице: конторщик в самарской конторе фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых, младший доверенный, старший доверенный, помощник управляющего и, наконец, с 1910 г. - управляющий самарской конторой товарищества. Далее значится: «июнь 1920 г. – дело самарской конторы... ликвидировано». В 1921 г. Кашин М.Н. становится заведующим хозяйством больницы нервно-больных, позднее переименованной в самарский физиатрический институт. В 1925 г. он – помощник доверенного государственного мыловаренного свечного и химического завода. С 1926 г. – счетовод в заводской конторе Центроспирта. Не буду перечислять все остальные должности, вполне, по-советски, респектабельные, отмечу, что «Трудовой список» заканчивается 1933 г. – должностью картотетчика в Средстромтресте. Жена Кашина Михаила Никаноровича, Екатерина Игнатьевна, происходила из крестьян деревни Большая Глушица. В своих воспоминаниях мой папа пишет: «бывает в подсолнухе зерно (семечко), вроде такое же как все, чёрное, но сдвоенное. Так и она, родившись в селе... , только стала себя понимать, заявила: «Я в деревне жить не буду, буду городская»³⁵. Действительно, барышня приобрела коньки, стала выезжать в город на каток, где и познакомилась с Кашиним М.Н. На фотографиях заслуживает внимания трансформация образа Е.И. от крестьянской девушки с перекинутыми над головой косами, веснушками и курносый носом к горожанке «модерна», одетой в соответствии с модой: высокая причёска, платье с рукавами «жиги», узкой юбкой и ниткой жемчуга вокруг воротника «стоечки». Сам М.Н.Кашин запечатлён в шляпе «канотье», пиджачной «паре» и штиблетах. В семейном архиве сохранилась коллекция почтовых открыток, которые М.Н. отправлял домочадцам из разных концов империи, где он бывал по долгу службы: из Коканда, Самарканда, Ташкента, Москвы и т.д.. Все они начинаются со слов: «Мои дорогие!». Всё это вместе взятое свидетельствует об определённой сложившейся в городах культурной среде, в некоторой степени, напоминающей бюргерскую: респектабельность, семейные ценности в несколько романтической форме, установка на соответствие европейской моде. Автор монографии «Новое платье империи» Кристин Руан связывает явление европеизации внешнего вида горожан рубежа XIX-XX вв. с так называемой «портновской революцией», которая была вызвана развитием городской торговой системы и которая «позволяла членам всех социальных слоёв покупать европейскую одежду»³⁶.

Фотографии другой линии семьи связаны с Егоровым Сергеем Павловичем, служащим Самаро-Златоустовской железной дороги. Его первая жена Варвара умерла от холеры. Вторая жена, Григорьева Мария Леонтьевна происходила из большой мещанской семьи. Её дедушка работал садовником в садах богачей и проживал там с семьёй. Дядя – владел собственной парикмахерской и сам был парикмахером. Тётка работала кухаркой у фотографа Владимирова, державшего фотоателье на центральной улице города. Двоюродная сестра работала в этом же доме горничной. Все эти сведения сохранились благодаря надписям на оборотной стороне фотографий. У Марии были сёстры: Олимпиада, Елена и Клавдия. Олимпиада выходит замуж за Михаила Тернмана, выходца из Финляндии, мещанина. Вот такая большая семья «кочует» от фотографии к фотографии из дореволюционной жизни в советскую эпоху с одной и той же ментальностью в стиле «бидермайер»: гитары с бантами, кокетливые барышни с кружевными воротничками, жабо и модными причёсками, мужчины с усиками и галстуками – пластронами и «бабочками». И одна только фотография в традиционной одежде башкир – «на кумысе»: дело в том, что Егоров С.П. болел туберкулёзом и на лето семья уезжала в башкирские селения лечиться кумысом.

Фотографии двух семейств, не знавших друг друга, но принадлежавших к одному социальному слою и одному городскому пространству, объединяет ещё и то, что они по своему жанру – повседневны, в определённом смысле банальны. Но фотография «ускользает... от... попытки систематизации»³⁷. И в тех и в других фотографиях ценно то, что мы имеем дело с продуктом позирования, как об этом писал Р.Барт: «я конституирую себя в процессе «позирования», я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая себя в образ»³⁸. Если встать на точку зрения о том, что фотография это сконструированный образ, некая вторая реальность, то можно ли придавать когнитивный смысл этим образам в процессе социальной эволюции сословия? Можно ли говорить об искусственном тиражировании образов городской идентичности посредством фотографии и логики её технической и эстетической эволюции? На мой взгляд, коммуникативное пространство фотографии из семейного архива обращено в первую очередь не во вне, как это исследует Е.Вишленкова в процессе анализа художественных образов империи, а во внутрь, в «интимное» пространство семьи, не предназначенное для широкой аудитории. В этом узком кругу возможна шалость, инакомыслие, квипрокво, инверсия классовых ролей и обмен одежды. Дискретные знаки, детали, введённые в контекст фотографии, направляют сигналету на ту аудиторию, которой она может быть «прочитана». В статье «Фотографическое сообщение» Р.Барт пишет: «конечно, изображение - не реальность, но оно является её точным аналогом, и эта точная аналогия для повседневного мышления как раз и служит определяющей чертой фотографии. Так выясняется своеобразный статус фотографического изображения – это сообщение без кода»³⁹. В отличие от аналогичных репродукций реальности, таких как рисунок, живопись, кино, театр, в которых помимо основного сообщения, присутствует ещё и так называемое

мый стиль репродукции, для фотографического сообщения такая двойственность не свойственна⁴⁰. Однако, в определённой степени и фотография обладает коннотацией, то есть наложением вторичного смысла на собственно фотографическое сообщение.

И, наконец, весьма перспективными для переложения их на анализ социальной истории кажутся мне наблюдения Р.Барта в отношении «самоуспокаивающей» функции фотографического сообщения: «фотографическая коннотация, как и любое чётко структурированное значение, представляет собой институциональную деятельность; в масштабе общества в целом её функция - интегрировать, то есть ободрять человека...»⁴¹. Перекладывая этот вывод на мещанские фотографии, пережившие революцию, Гражданскую войну, голод и прочие социальные катаклизмы, кажется продуктивным рассматривать их в контексте определённого оптимизма горожанина, семейными фотографиями завоёвывавшего право на свою особую идентичность вне большого нарратива политической истории и вне этического конструкта бездуховности и материальной детерминированности мещанского социального слоя.

Примечания

¹ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 41-42.

² Там же. С. 346.

³ Там же. С. 349.

⁴ Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением. М., 2008.

⁵ Кондаков И.В. Современная антропология культуры: От вербальных к визуальным практикам // Аудиовизуальная антропология. С.11.

⁶ Там же.

⁷ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

⁸ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи. С.10.

⁹ Там же. С.12.

¹⁰ Vision and Visuality/ Ed. H. Foster. Seattle, 1988// Цит. по: Вишленкова Е. Визуальное народоведение. С.16.

¹¹ Вишленкова Е. Визуальное народоведение. С.16.

¹² Там же. С.17.

¹³ Там же. С.21.

¹⁴ Вишленкова Е. Визуальное народоведение. С.26.

¹⁵ Романов П., Ярская-Смирнова Е. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С.146.

¹⁶ Венедиктова Т. Секрет срединного мира: культурная функция реализма XIX в. // http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Vened_Realism.htm (Дата обращения: 18.09.2012)

¹⁷ Там же.

¹⁸ Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С.21.

¹⁹ Там же. С.24-25.

²⁰ Там же. С.32.

-
- ²¹ Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск. 2008. С.471.
- ²² Там же. С.471-472.
- ²³ Там же. С.472.
- ²⁴ Петровская Е. Непроявленное. Очерки по философии фотографии. М., 2002 // Цит. по : Нарский И.В. Фотокарточка на память. С.472.
- ²⁵ Там же. С.473.
- ²⁶ Нарский И.В. Фотокарточка на память. С.475.
- ²⁷ Рылкин М. Роман с фотографией // Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. С. 240.
- ²⁸ Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. С.43.
- ²⁹ Там же. С.60.
- ³⁰ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001. С.25.
- ³¹ Там же. С.221.
- ³² Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. С.142.
- ³³ Трудовой список Кашина Михаила Никаноровича. Л.1. (Семейный архив).
- ³⁴ Кашин М.Б. Ручейки сливаются в реки. Самара. 2005. С.10.
- ³⁵ Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700-1917. М., 2011. С.194.
- ³⁶ Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии. С.15.
- ³⁷ Там же. С.27.
- ³⁸ Барт Р. Фотографическое сообщение// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2004. С.379-380.
- ³⁹ Там же. С.380.
- ⁴⁰ Там же. С.392.

А.Г. Подмарицын*

**ОБЗОР СОСТОЯНИЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ ЕПАРХИИ ЕПИСКОПОМ
ИЕРОНИМОМ (ЗАХАРОВЫМ) В 1952 ГОДУ**

реди архивных материалов Самарского епархиального архива есть группа документов, содержащая подготовительные материалы и тексты ежегодных отчетов о состоянии епархии, посылавшихся Куйбышевскими преосвященными Святейшему Патриарху. К числу документов, представляющих несомненный исторический интерес, можно отнести обзор состояния Куйбышевской епархии в 1952г., составленный вновь назначенным на кафедру епископом Иеронимом (Захаровым).

Владыка Иероним относился к числу образованнейших архиереев своего времени. Он собрал значительное собрание старопечатных книг и икон, имел обширную светскую библиотеку (часть ее хранится в библиотеке нынешней Самарской православной духовной семинарии), мастерски владел скорописью XVII столетия и обладал прекрасным вкусом – именно при нём была проведена капитальная реставрация стенописей Покровского кафедрального собора в Куйбышеве (росписи уничтожены пожаром 7 ноября 1977г.). Окончил полный курс Московского коммерческого училища, продолжил образование в МГУ и институте экспериментальной психологии (было прервано октябрьскими событиями)². Отчет в Патриархию архиерей составлял самостоятельно, что усматривается из необычно живого стиля изложения, не характерного для отчетов начала 1950-х гг. покойного владыки Алексия (Палицына). Кроме того, епископ отпечатал отчет 1952г. на собственной пишущей машинке, наличие которой в сталинское время у частного лица требовало специального разрешения и регистрации. Новый архиерей прекрасно разбирался в канцелярской работе, что также усматривается из анализа в отчете управленческой и канцелярской деятельности его предшественника.

Включение в данную статью обширных частей доклада, никогда не публиковавшегося, позволяет оценить личность епископа Иеронима, его манеру работы и изложения, и, кроме того, ввести в научный оборот неизвестные факты региональной церковной истории 1950-х гг.

После погребения 12 апреля 1952г. архиепископа Куйбышевского и Сызранского Алексия (Палицына) временноуправляющим вдовствующей епархии до конца мая оставался епископ Уфимский Арсений (Крылов).

Указом Святейшего Патриарха Алексия I № 782 от 25 мая 1952г. временное управление епархией было поручено епископу Ижевскому Иерониму (Захарову). 12 июня епископ Иероним принял епархию от уфимского протоиерея В. Варфоломеева, на основании доверенности болевшего в то время епископа Арсения³.

---

* © Подмарицын А.Г. докторант кафедры Российской истории СамГУ

12-20 июня владыка Иероним ознакомился с делами епархии. С учетом необходимости управления двумя епархиями одновременно, он, руководствуясь положением о РПЦ, организовал Куйбышевский Епархиальный Совет из 3 человек: протоиереев Сергия Валовского, Александра Надеждина и секретаря Канцелярии протоиерея Иоанна Фомичева ⁴.

С 23 июня и до Петрова дня (12 июля) епископ Иероним был в Ижевской епархии, потом вернулся в Куйбышев с намерением провести здесь длительное время. 31 июля Святейшим Патриархом Алексием I епископ Ижевский Иероним был назначен епископом Куйбышевским и Сызранским ⁵.

После получения назначения он спешно возвратился в г. Ижевск, где 24 августа сдал по акту Ижевскую епархию архиепископу Ювеналию (Килину), и окончательно вернулся в г. Куйбышев ⁶.

В своем отчете за 1952г. преосвященный Иероним делился со Святейшим Патриархом своими впечатлениями о новом месте служения.

«Знакомясь больше и глубже с Куйбышевской Епархией, я установил, что Епархия несколько запущена. В крупном ничего особенного не было замечено, а в мелочах, а они очень часто портят все дело.

Сюда можно, например, отнести частые отлучки священнослужителей со своих приходов (на 1-2, а иногда и 3 недели)... Сельское духовенство в большинстве случаев живет одиноко, а их семьи живут в городах (преимущественно в Сызрани). Вызывается это необходимостью дать образование детям (среднее и высшее) и поездки священнослужителей были поездками к семье...

Совершенно не были учтены исполорганы (*исполнительные органы приходов - А.П.*) и ревиз. (*ревизионные - А.П.*) комиссии и их составы. В некоторых приходах эти составы были неполными. В настоящее время этот вопрос упорядочен.

Из опросов духовенства и окружающих лиц мной установлено, что управление Епархией Архиепископом АЛЕКСИЕМ было единоличное и очень своеобразно. Я скоро в этом убедился, когда начал приводить в порядок дела канцелярии и бухгалтерии. Если бухгалтерия поставлена более или менее прилично и ведется специальным лицом - бухгалтером, то канцелярия, которую вел, в большей ее части, сам Архиепископ АЛЕКСИЙ с небольшой помощью секретаря - протоиерея, весьма занятого службой и требованиями, является весьма запутанной. Документы, как по личному составу, так и по общей переписке находились в разных местах (по одному к тому же вопросу). Такое положение на первых порах моего управления не давало мне возможности иметь ясное представление, как о приходах, так и о священнослужителях. Иногда, составив себе, представление, о какомнибудь настоятеле храма, приходилось его изменять и довольно резко, благодаря случайно найденному документу об этом лице. Все это объясняется болезнью покойного Архиепископа, которая не давала ему возможности заниматься делами и привести их в порядок. В настоящее время все это уже в прошлом. Дела более или менее приведены в порядок.

В Епархии имеются три благочиния, но они существуют только номинально. Деятельность благочинных (и то не всегда) проявляется только в

поездках на следствие. Управление же Епархией ведется мной непосредственно, путем рассылки распоряжений и циркуляров. По особо важным делам настоятели вызываются в Епархиальное Управление и, кроме того, сами настоятели являются с отчетами, отчислениями и проч. При наличии всего 19-ти приходов, такая система управления дает положительные результаты, и я постоянно осведомлен о состоянии того или иного прихода во всех отношениях. Для ознакомления с приходами мной сделано несколько выездов, а именно в гг. Сызрань и Ставрополь по нескольку раз.

Отношения с местным уполномоченным Совета по делам Церкви установились еще с первых дней и проходят до сих пор вполне нормально.

Посещаемость храмов в городских приходах весьма большая, как в праздники, так и в будни. В сельских приходах больше в праздники. Из треб в большом количестве в продолжение года исправляются как крещение и погребение, так и венчание. Последнее - особенность Куйбышевской Епархии, т. к. по моим наблюдениям на прежних Епархиях венчания, как правило, были в значительно меньшем количестве против крещений и погребений.

Как я уже сказал выше, Куйбышевская Епархия состоит из 19 приходов. Открытия новых храмов за 1952 год не было. Ходатайство об открытии храма поступало только из г. Чапаевска. Это ходатайство подается уже второй год, не смотря на то, что оно категорически отклонено по причине близости г. Чапаевска от г. Куйбышева и наличия очень удобного железнодорожного сообщения. Закрытия храмов так же не было»⁷.

Новому архиерею не понравились внешние виды церквей, о чем он делает вскользь замечание и предполагает в грядущем 1953г. проведение повсюду ремонтов. Это благое намерение владыки действительно реализовывалось все время пребывания его на куйбышевской кафедре.

Духовенство в целом преосвященный Иероним характеризует удовлетворительно. Образовательный уровень невысокий. Содержится духовенство, на даяние при требоисправлениях, за исключением городских и крупных сельских приходов, где штат состоит на зарплате. Везде духовенство имеет квартиры, на материальную сторону содержания жалоб не было.

Далее идет фрагмент текста, который был написан секретарем канцелярии прот. И. Фомичевым, либо новый архиерей использовал тексты прежних текстовых пояснений к годовым отчетам о состоянии епархии:

«В дополнение к сведениям о духовенстве надо сказать, что вопрос с кадрами в Епархии стоит очень остро. В большинстве приходов настоятели преклонного возраста и когда получаешь сведения о серьезном заболевании того или иного из них, встает тревожный вопрос, кем заменить в случае затяжки болезни или кончины. Просители из других Епархий были и довольно много, но к ним приходится очень осторожно относиться. Большая часть из них претендует на городской приход, другие же ушли из своих Епархий по какой нибудь неприятности или просто удалены за неблагоприятное поведение. Кстати сказать, дело с отпускными грамотами и характеристиками в некоторых Епархиях поставлено довольно странно. На

запрос характеристики подчас проходится получать просто телеграмму ничего не говорящую по существу дела. Не буду персонально указывать на одну Епархию, но ко мне прибыл из нее один, с позволения сказать, священнослужитель с очень неопределенной характеристикой. Прослужив у меня некоторое время, он оказался пьяницей, растратчиком церковных денег и весьма неблагоприятного поведения, граничащего с хулиганством. В настоящее время он скрылся, бросив приход, что вызвало с моей стороны запрещение его в священнослужении»⁸.

И, в заключение, оценка паствой деятельности нового архиерея: «на каждом шагу видишь критику своей церковной работы, которая почти на 100% необоснованна. Свидетельством этого является бесконечное количество всякого рода анонимных писем или писем подписанных вымышленными фамилиями. Отличается этим Кафедр. Собор. Главным же очагом является город Сызрань, в котором имеется целый ряд группировок, как среди духовенства, так и мирян. Очень много людей психически ненормальных на религиозной почве (почти каждый приход имеет несколько человек), которые тоже претендуют на всякого рода указания со своей стороны.

Ответом с моей стороны на все это является только одно - проведение своих мероприятий при участии Епархиального Совета, с надеждой на доверие со стороны ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА»⁹.

Как показали дальнейшие события пребывания епископа Иеронима на куйбышевской кафедре, и на последующих местах служения, Патриарх Алексий I с неизменной доброжелательностью относился к ученому иерарху.

В разобранном отчете дается общая характеристика состояния Куйбышевской и Сызранской епархии, проводится анализ реального положения дел и предлагаются возможные пути осуществления архипастырской деятельности. Документ служит и характеристикой своего автора-составителя, епископа Иеронима (Захарова).

Таким образом, отчет 1952 г. епископа Иеронима (Захарова) Патриарху Алексию I представляет собой неизвестный доселе ценный источник по региональной церковной истории советского периода.

Примечания

¹ Алексий Подмарицын, диакон. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008. С. 17.

² Самарский епархиальный архив (СЕА). Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 363. Общие сведения по Куйбышевской Епархии. Приложение к отчету за 1952 год. Л.1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. См. также: Александр Киреев, протодиакон. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943-2002гг. М., 2002. С.24.

⁶ СЕА. Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 363. Л. 2-3.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 3-4.

И.В. ПОРОХ
«ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД
Я ЧУТЬ БЫЛО НЕ СТАЛ ЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ...»

С профессором Саратовского государственного университета И.В. Порохом я познакомился осенью 1970 г. во время работы в Государственном архиве Саратовской области. Но еще ранее на студенческой скамье Казанского государственного университета я по рекомендации Григория Наумовича Вульфсона стал изучать научные труды Игоря Васильевича. Меня, безусловно, привлекла не только необычная фамилия этого замечательного историка, но и то с какой энергией и настойчивостью он изучал общественное движение в России XIX столетия. Профессор Н.В. Минаева дала яркую характеристику И.В. Пороха «Темпераментный импозантный Игорь Васильевич, снискавший известность и в Москве, и в Петербурге и в Поволжье».

Он родился 26 апреля 1922 г. в Астрахани, умер в Саратове 2 июля 1999 г.

1939 г. он поступил учиться на исторический факультет Саратовского государственного университета. Великая Отечественная война прервала планы студента И.В. Пороха. Он воевал в составе 7 механизированного корпуса. И лишь после войны завершил учебу в университете и до конца своих дней работал преподавателем, а затем после защиты докторской диссертации профессором. Он являлся учеником выдающегося пушкиниста, декабристоведа, литературоведа и историка Оксмана Ю.Г.. Поддерживал научные контакты и дружеские связи с Натаном Эйдельманом, Андреем Тартаковским, Валентином Оскоцким. Им опубликованы «Записки Горбачевского». Вместе с профессором МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Федоровым опубликовал в издательстве МГУ «Мемуары Южного общества». Отмечу так же и его близость к профессору МГУ С.С. Дмитриеву. Здесь можно было бы много говорить о его громадном вкладе в изучение взглядов А.И. Герцена (докторская диссертация), в издание сборника научных трудов «Освободительное движение в России». Отмечу так же, что он является автором 6 монографий и более 200 статей. Не потеряли своей научной значимости его монографии «Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963», «Дело Чернышевского. Саратов 1968». Безусловно, на мировоззрение И.В. Пороха оказали определенное влияние историка Н.Л. Рубинштейн, Н.А. Троицкий, В.В. Пугачев.

В начале 80-х г. XX в. И.В. Порох был приглашен в Куйбышевский государственный университет ректором профессором В.В. Рябовым на работу в качестве профессора кафедры дореволюционной отечественной истории. Но И.В. Порох не решился оставлять, ставший для него родным Саратовский государственный университет.

Его, в буквальном смысле, молниеносный визит в наш город вызвал большой интерес студентов и преподавателей к этому замечательному историку.

Да и позднее мы поддерживали контакты с И.В. Порохом во время моих многочисленных командировок в Саратов.

Публикуемое письмо И.В. Пороха было обнаружено мною в личном архиве. Оно дает представление о научной жизни историков 90-х гг. XX в. и той атмосфере, которую сохраняли и поддерживали профессиональные историки, прошедшие горнило Великой Отечественной войны, хрущевскую оттепель и период неосталинизма.

Профессор П.С. Кабытов

25.11.98
Саратов

Уважаемый Петр Серафимович!

Завтра в Саратове должен быть Б.Д. Козенко¹. Воспользуюсь верной оказией и посылаю ответный книжный привет.

Основательно ознакомился с «Самарской летописью». Все три книги производят приятное впечатление. Они удачно сочетают научную информацию с тематически продуманной подачей материала и доступностью изложения для широкой читательской аудитории.

Поздравляю.

С интересом перелистал «Самарский земский сборник». И по содержанию и по оформлению он заслуживает высокой оценки. Очень трогательны в первом номере два некролога в разделе «Памяти Замечательных самарцев».

Во втором номере мое внимание привлекла статья А.И. Носкова² «Н.И. Второв (1818-1865)»³.

Николаем Ивановичем Второвым я интересуюсь давно. Есть у меня интересные архивные материалы о нем из РО Пушкинского дома. Полагаю, что он был корреспондентом герценовской Вольной типографии.

Сейчас Н.И. Второвым занимается наша внучка (студентка 2-го курса Волгоградского института университета) - дочь трагически погибшего сына Василия.

После моего выступления в Институте повышения квалификации учителей ко мне подходила одна из сотрудниц и интересно рассказывала о своих занятиях Иваном Алексеевичем Второвым. Я, к сожалению, не взял ее координатов. Нельзя ли найти её? Кажется, она методист. Был бы Вам весьма признателен.

Очень огорчен тем, что Вы можете пригласить только одного из двух аспирантов, заявивших готовность выступить на Платоновских чтениях. Может быть все таки Вы найдете возможность пригласить и второго докладчика. Поскребите по сусекам. Положительный результат сообщите или по моему телефону 24-95-77 или телеграммой.

Напряженное расписание моих выступлений не позволило побывать в классическом университете. Двадцать лет тому назад я чуть было не стал его преподавателем. Все в прошлом.

Желаю здоровья и успехов
С уважением
И. Порох

P.S. Отдаю дань Вашей организаторской и творческой энергии.

Привет Л.В. Храмову⁴ и всем кто помнит меня

Саратов. 410600, ул. Вольская, д. 18/3, кв. 50

дом. телефон 24-95-77

При случае сообщите свой адрес.

Примечания

1. Козенко Борис Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ в то время заведующий кафедрой истории Самарского государственного университета

2. Носков Анатолий Иванович в то время ректор Самарского государственного экономического университета, пушкинист, краевед

3. Второв Николай Иванович, самарский литератор

4. Храмов Ленар Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Самарского государственного университета

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

П.С.Кабытов, В.А.Тюрин*

САМАРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.А. СТОЛЫПИНА*

Одним из важнейших исследовательских направлений научной школы кафедры Российской истории СамГУ является изучение личности и деятельности выдающегося российского государственного и общественного деятеля П.А. Столыпина. Многие годы личность Столыпина изучалась профессором, заслуженным деятелем науки РФ П.С. Кабытовым, однако в последнее время мы видим огромный интерес к этой теме широких кругов самарской научной общности. В 2010-2012 гг. в Самаре прошла серия научных мероприятий в память русского реформатора, вышел сборник документов о проведении столыпинской аграрной реформы в Поволжье.

Интерес Самары к П.А. Столыпину не случаен, жизнь и деятельность премьер-министра была тесно связана с Поволжьем, с 1903 г. по 1906 г. П.А. Столыпин был Саратовским губернатором, в 1910 г. премьер посетил Самарскую губернию, один из центральных регионов осуществления аграрной реформы.

Жизнь и государственная деятельность Петра Аркадьевича, его неразрывная связь с Поволжьем была освещена в двух изданиях монографии П.С.Кабытова «П.А.Столыпин: последний реформатор Российской империи»¹. Впервые П.С.Кабытов приступил к изучению личности и деятельности Петра Аркадьевича при подготовке кандидатской диссертации «Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции: предпосылки, ход и итоги столыпинской аграрной реформы», которая была защищена в 1972 г. Аграрные преобразования П.А. Столыпина нашли отражение и в монографии «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма»². Во второй половине 1980-х гг. П.С.Кабытовым была

---

* © Кабытов П.С. – д.и.н., профессор, зав. кафедрой российской истории; Тюрин В.А. – к.и.н., доцент кафедры российской истории.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

предпринята работа по изучению комплекса архивных и опубликованных документов и материалов, а также периодической печати и воспоминаний участников событий. Кроме того, была изучена отечественная историография проблемы, а также научные труды зарубежных историков, исследующих жизнь и государственную деятельность П.А. Столыпина. Итогом этой работы явилось первое издание монографии «П.А.Столыпин: последний реформатор Российской империи».

В 2011 г. в России широко прошли мероприятия в честь 150-летия со дня рождения великого русского реформатора П.А. Столыпина (2 апреля 1862 г.) и столетней годовщины его трагической гибели (5 сентября 1911 г., Киев), в том числе серия мероприятий в Самаре. Так, 21 апреля 2011 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина».

С идеей проведения конференции осенью 2010 г. выступила кафедра Российской истории Самарского государственного университета. Эта инициатива нашла всестороннюю поддержку Министерства культуры Самарской области и Самарской областной универсальной научной библиотеки (СОУНБ). В декабре 2010 г. был разработан план совместных действий трех учреждений по подготовке конференции, был сформирован и начал активную работу Оргкомитет. Сопредседателями Оргкомитета были избраны профессор, первый проректор, зав. кафедрой Российской истории СамГУ Петр Серафимович Кабытов и директор Самарской областной универсальной научной библиотеки Лидия Алексеевна Анохина. Кроме того, в Оргкомитет вошли исполнительный директор Фонда изучения наследия П.А.Столыпина (г. Москва) Константин Ильич Могилевский, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии Александр Иванович Репинецкий, профессор СамГУ Эдуард Лейбович Дубман, профессор СамГУ Юрий Николаевич Смирнов. Координацией текущей подготовительной работы по проведению конференции занимались члены Оргкомитета: зам. директора по науке СОУНБ Наталья Михайловна Малкова, ученый секретарь СОУНБ Людмила Геннадьевна Завальная, доцент кафедры Российской истории СамГУ Вадим Александрович Тюрин. Средства для проведения конференции и издания сборника статей были предоставлены Министерством культуры Самарской области.

В течение декабря 2010 г. – апреля 2011 г. Оргкомитетом распространялась информация о конференции, производился конкурсный отбор заявок и материалов от участников конференции, разрабатывались и изготавливались афиши, приглашения, информационные материалы. На сайтах СОУНБ и кафедры Российской истории СамГУ были созданы разделы о данном научном форуме.

В программу конференции были включены 59 докладов научных сотрудников и преподавателей, общественных деятелей, аспирантов, магистрантов, студентов из 20 городов Российской Федерации – Москвы, Екатеринбурга, Казани, Самары, Тольятти, Саратова, Волгограда, Пензы, Липецка, Краснодар, Уфы, Братска и др. Заочное участие приняли украинские исто-

рики из Днепропетровска и Черкасс. Среди участников конференции было 50 научных сотрудников и преподавателей, 5 аспирантов и магистрантов, 4 студента, которые представляли 31 учебное заведение или научный центр.

Всероссийская конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина» имела очень насыщенную программу. 21 апреля 2011 г. перед началом Пленарного заседания состоялась пресс-конференция для телевизионных и печатных СМИ, в которой приняли участие члены Оргкомитета и председатели секций.

Пленарное заседание конференции было открыто выступлением сопредседателя Оргкомитета, директора СОУНБ Л.А. Анохиной, которая обозначила цели и задачи конференции, выразила надежду на плодотворную работу. Затем, с приветственной речью к участникам и слушателям обратились руководитель управления профессионального образования и науки Министерства образования Самарской области Светлана Джаджа и ведущий специалист Министерства культуры Самарской области Александр Голосарский. В ходе Пленарного заседания было заслушано три доклада. Заслуженный деятель науки РФ, проф. П.С. Кабытов в докладе «П.А.Столыпин и программа реформирования России» дал всестороннюю, комплексную оценку деятельности П.А. Столыпина в свете новейших достижений исторической науки. В докладе анализировалась самостоятельная, четкая и продуманная концепция модернизации экономического и общественно-политического строя России.

Огромный интерес вызвало выступление К.И. Могилевского, кандидата исторических наук, исполнительного директора Фонда изучения наследия П.А.Столыпина (г.Москва). К.И. Могилевский рассказал о комплексе мероприятий проводимых Фондом, об огромном внимании к наследию П.А. Столыпина со стороны федеральной власти, о мероприятиях по всероссийскому празднованию 150-летия со дня рождения П.А.Столыпина, о перспективах изучения личности и деятельности выдающегося реформатора.

Завершал Пленарное заседание доклад историков Марийского государственного университета - д.и.н., проф. А.Г.Иванова и к.и.н., доц. Иванова А.А. «Мобилизация земельной собственности в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в годы столыпинской аграрной реформы по данным анкетирования первых лет Советской власти». В докладе прозвучали новейшие оценки и малоизученные сюжеты осуществления столыпинской аграрной реформы в Среднем Поволжье. Всего в Конференц-зале СОУНБ на пленарном заседании присутствовало более 140 слушателей.

Особо стоит отметить активное участие Самарской областной научной библиотеки в проведении конференции. Вниманию участников конференции была представлена литературная экспозиция «П.А.Столыпин: личность и государственный деятель». Куратор выставки М.Сюмина рассказала о 3 разделах выставки: «Петр Аркадьевич Столыпин – реформатор, политик и патриот», «Столыпин – личность государственного деятеля», «Столыпин и Самарский край». Экспонатами явились 60 редких изданий из фондов библиотеки, преподносящих интереснейшие сведения о личности и деятельности П.А. Столыпина. Весь день конференции в малом выставочном зале

библиотеки демонстрировались тематические фильмы В.Хотулева «Жизнь и смерть П.А. Столыпина» (2002) и Н.В.Сванидзе «1911» (серия «Исторические хроники (2005-2007)»). Для интернет-пользователей на сайте библиотеки (www.lib.smg.ru) была открыта виртуальная выставка, с разнообразными материалами о жизни и деятельности П.А. Столыпина.

Второй частью конференции явилась работа тематических секций (одна из них - стендовая). В состав Президиумов секций вошли ведущие профессора и преподаватели вузов Поволжья. В Президиум секции «Петр Аркадьевич Столыпин и аграрные преобразования в России первой трети XX века» вошли д.и.н., проф. СамГУ Н.Н. Кабытова и д.и.н., проф. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН М.И. Роднов. В Президиум секции «Петр Аркадьевич Столыпин и российский политический процесс начала XX века» вошли д.и.н., проф. СамГУ П.С. Кабытов, исполнительный директор Фонда изучения наследия П.А.Столыпина К.И. Могилевский, д.и.н., проф. СамГУ О.Б.Леонтьева. Третья секция – «Власть и общество в истории России XVII – середины XX веков» прошла под руководством д.и.н., проф. СамГУ Э.Л. Дубмана и д.и.н., проф. СамГУ Ю.Н. Смирнова.

Всего на трех секциях прозвучало 23 доклада историков Самары, Пензы, Уфы, Москвы, Йошкар-Олы, Саранска. Прозвучавшие на конференции доклады обладали актуальностью и исторической новизной, затрагивали дискуссионные проблемы современной исторической науки и вызвали живой отклик у аудитории. Всем участникам конференции были вручены грамоты и подарки. В четвертой секции были представлены 13 стендовых докладов заочных участников конференции из Днепропетровска, Черкасс, Тамбова, Чебоксар, Братска, Краснодара, Москвы, Липецка, Новочеркасска, Саратова, Рязани и Уфы. Подведение итогов конференции проходило в формате круглого стола, во время которого было принято единодушное решение считать конференцию состоявшейся. Участники круглого стола отметили высокий научный уровень прозвучавших докладов, безупречную организацию мероприятия, наметили перспективы и возможные направления сотрудничества в рамках научного сообщества историков Среднего Поволжья.

По итогам конференции был издан сборник научных трудов – «Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина», объемом 20 печатных листов³, вышедший тиражом в 300 экз. В сборнике, помимо статей участников конференции, были изданы уникальные архивные фотоматериалы, любезно предоставленные Фондом изучения наследия П.А.Столыпина, представлены фотоматериалы о работе конференции. Сборник трудов конференции был издан при финансовой поддержке Министерства культуры Самарской области.

Таким образом, прошедшая 21 апреля 2011 г. в Самаре межрегиональная конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина» привлекла большое внимание общественности и стала важным событием в научной жизни России. Конференция продемонстрировала неиссякающий интерес к проблематике взаимодействия

власти и общества в России XVIII – начала XX вв. В рамках этого направления были поставлены новые вопросы, акцентировано внимание на нерешенных, дискуссионных проблемах. Активное участие студенчества, наряду с профессорско-преподавательским составом, доказало преемственность и сохранение традиций российской исторической науки.

В 2010-2011 гг. помимо изучения личности и деятельности П.А.Столыпина самарские историки продолжили исследование проведения аграрной реформы в Среднем Поволжье. После обширной работы в центральных и местных архивах, скрупулезного изучения и обработки накопленной источниковой базы и правовых актов начала XX в. в свет вышел сборник документов и материалов «Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии»⁴.

Сборник документов и материалов представляет собой первую попытку познакомить российского читателя с ходом реализации столыпинской земельной реформы в Самарской губернии, которая органично входила в состав внутренней окраины Российской империи, и где были реально представлены, как развитые формы аграрного капитализма, так и хозяйства, в которых в той или иной форме сохранялись остатки феодальных отношений.

Издание ввело в научный оборот огромный массив документов, посвященных подготовке и реализации аграрной реформы начала XX века, исторически связанной с крупным политическим и государственным деятелем того времени П.А. Столыпиным. Значительное количество публикаций, посвященных этой теме, отложившийся в фондах Центрального государственного архива Самарской области документальный материал позволяет выделить как отдельные малоисследованные аспекты, так и комплексно проанализировать важнейшие направления и особенности хода реформы в регионах России.

Большая часть документов, включенных в сборник, публикуется впервые: были использованы наиболее насыщенные информацией по аграрному вопросу фонды Центрального государственного архива Самарской области (Канцелярия губернатора – Ф. 3, Губернское присутствие – Ф. 4, Губернское по земским и городским делам присутствие – Ф. 175, Губернская земская управа – Ф. 5, Губернская землеустроительная комиссия – Ф. 6, Губернское жандармское управление – Ф. 468, Самарское отделение Крестьянского поземельного банка – Ф. 149). Вместе с тем, составители нашли целесообразным включить в сборник документы, ранее опубликованные в различных изданиях, в основном это законодательные акты общероссийского характера.

Содержание документов определило структуру издания. Оно состоит из четырех основных разделов, отражающих важнейшие аспекты избранной темы. В первый раздел сборника вошли манифесты и законы Российской империи, регламентирующие реализацию столыпинской земельной реформы, отражающие резкий поворот аграрной политики правительства от сохранения сельской поземельной общины до создания на ее базе слоя землеустроенных хозяев – новой социальной опоры имперской власти. Во второй раздел включены документы и материалы, характеризующие ход про-

ведения землеустроительных работ на надельных землях сельских общин Самарской губернии, их финансирование, создание хуторских и отрубных хозяйств, а также переселенческое движение. Третий раздел состоит из документов, характеризующих развитие аграрной инфраструктуры в регионе, существенно повлиявшей на развитие землевладельческого производства. Документы четвертого раздела освещают крестьянское движение в Самарской губернии, его динамику в ходе осуществления реформы.

Издание снабжено рядом важнейших приложений, позволяющих лучше ориентироваться в его материалах и углубить представление об особенностях хода аграрных преобразований в губернии. Приложение «Хроника крестьянских выступлений» показывает характер, направленность и размах крестьянских волнений в Самарской губернии, отражает сложность внедрения в русскую деревню передовых аграрных идей. Приложение «Воспоминания предводителя дворянства Самарской губернии А.Н.Наумова» позволят читателям взглянуть глазами современника на происходившие процессы в аграрной сфере и личность П.А.Столыпина, кроме того, А.Н.Наумов подробно рассказывает о визите П.А. Столыпина в Самарскую губернию в 1911 г. Кроме того, в качестве приложения было включено само «Положение о землеустройстве 1911 года», как ключевой документ аграрной реформы.

В иллюстративный материал сборника включены цветные копии важнейших архивных документов, фотографии самарских губернаторов начала XX вв.

Издание было подготовлено коллективом составителей, в который вошли научные работники Самарского государственного университета – доктор исторических наук, профессор П.С.Кабытов, кандидаты исторических наук, доценты Н.А. Санникова, А.А. Мякотин, В.А. Тюрин; профессиональные архивисты Центрального государственного архива Самарской области – О.В. Зубова и К.В. Фролова. Научным руководителем проекта является доктор исторических наук, профессор П.С. Кабытов. Редакционную коллегию возглавил руководитель Управления государственной архивной службы Самарской области А.Г. Сафонов. Сборник был издан Региональным общественным фондом «Общественный информационный центр» (директор Д.А.Сташенков) при финансовой поддержке Министерства культуры Самарской области.

27 июня 2012 года сборник документов и материалов «Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии» был торжественно презентован в читальном зале Научной библиотеки СамГУ. Во вступительной речи значение сборника отметили ректор СамГУ И.А.Носков, научный редактор сборника П.С. Кабытов, составители. Среди участников мероприятия присутствовали зам. директора Центрального государственного архива Самарской области О.В.Зубова, ученый секретарь Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина Д.А.Сташенков, директор Социально-гуманитарного института Самарской государственной академии культуры и искусств Л.М.Артамонова и другие гости.

До настоящего момента кафедра Российской истории СамГУ не теряет интерес к личности и деятельности выдающегося российского реформатора. 25 апреля 2012 г. кафедрой Российской истории совместно с кафедрой теории и истории журналистики СамГУ и Научной библиотекой СамГУ был проведен межвузовский научный круглый стол «Государственная и реформаторская деятельность П.А.Столыпина».

В круглом столе приняла участие научная общественность, студенты, аспиранты и магистранты вузов Самары. Среди участников круглого стола следует отметить коллективы кафедр Российской истории, теории и истории журналистики СамГУ, профессора СамГТУ В.Н.Курятникова, преподавателей, сотрудников, студентов, магистрантов СамГУ и других гостей. Перед началом работы круглого стола участники познакомились с обширной выставкой литературы о П.А.Столыпине из фондов Научной библиотеки СамГУ.

С основным докладом круглого стола «П.А.Столыпин: мифы и реальность» выступил проф. П.С.Кабытов. На круглом столе прозвучали студенческие доклады высокого научного уровня: Татьяны Бабковой (исторический факультет) - «Жизнь и смерть в семье Столыпина»; Романа Пазина (исторический факультет) - «Военно-полевые суды: позиция либералов», Ксении Кармановой (исторический факультет) - «Поездка П.А. Столыпина по губерниям Поволжья и Сибири». Большой интерес слушателей вызвал научно-исследовательский проект студентов кафедры теории и истории журналистики «Эволюция образа П.А.Столыпина в российской журналистике». Круглый стол завершился дискуссией о роли личности Петра Аркадьевича в российской истории и вынесением итоговой резолюции.

Таким образом, следует констатировать, что интерес к личности и деятельность П.А. Столыпина в Самаре не иссякает, во многом этот интерес поддерживается научными изысканиями и мероприятиями, посвященными памяти российского премьера, осуществляемыми самарскими историками.

Примечания

¹ Кабытов П.С. П.А.Столыпин: последний реформатор Российской империи / П.С. Кабытов; Федер. агентство по образованию. Самара: изд-во «Самарский университет», 2006. – 218 с.; Кабытов П.С. П.А.Столыпин: Последний реформатор Российской империи. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 192 с.

² Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.

³ Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А.Столыпина: материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 21 апреля 2011 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. – 400 с.

⁴ Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сборник документов и материалов. Самара, 2012. – 314 с.

«МЕСТА ПАМЯТИ» САМАРСКОГО КРАЯ

Ю.П. Аншаков*

О СТИХОТВОРЕНИИ ЕВГЕНИЯ КОНИ «ПРЕД ПАМЯТНИКОМ»

Работая в Российском государственном архиве военно-морского флота с фондом, где хранятся документы о боевых действиях русского военного флота под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина против французов на Адриатике в 1806-1807 гг. я случайно обнаружил дело, содержащее стихотворение, написанное под впечатлением открытия в г. Самаре памятника Александру II. Оно хранится в конверте и адресовано некоему Алексею Степановичу Рождественскому.

Автор стихотворения Евгений Федорович Кони (1843-1892), прозаик и стихотворец, по обстоятельствам своего рождения и воспитания принадлежал высококультурной и одаренной семье. Его отец Федор Алексеевич Кони (1809-1879) был журналистом, драматургом и историком театра. Мать Ирина Семеновна Кони (урожденная Юрьева) была актрисой и прозаиком. Девичью фамилию использовала как литературное имя. Брат Евгения Анатолий Федорович Кони (1844-1927) стал известным юристом, литератором, мемуаристом. Евгений Кони прожил в Самаре с 1886 по 1892 год. Был похоронен в г. Самаре на кладбище Всесвятского храма.

На первый взгляд, данное стихотворение из тех виршей-однодневок, что писались «по случаю». Ведь и классические оды стихотворцев XVIII столетия тоже создавались в связи с конкретным «случаем» – событием, приобретавшим общегосударственный характер. Как правило, это был высоко торжественный акт восшествия на престол очередного монарха. Это могло быть и воистину историческое событие воинской победы. Тогда стихотворные произведения, исполненные высокого патетического пафоса, начинались словами «На взятие...» и дальше шло географическое наименование чужеземного города или крепости, взятой в бою. С течением времени фигуры одического славословия превращались в чистую риторику, лишаясь своего созвучия звону литавр. В советскую эпоху появилось словосочетание «датские стихи» (стихи к определенным датам). Этим словосочетанием обозначались длинные перечни дежурных стихов «на случай», на-

---

* © Аншаков Ю.П. – д.и.н., профессор, дир. Поволжского филиала ИРИ РАН

воднявшие страницы периодических изданий и обычно создававшиеся третьестепенными литераторами.

Однако к стихотворению Евгения Кони, написанному по случаю торжественного открытия в Самаре 30 августа 1889 года памятника императору Александру II, стоит присмотреться. И вот почему. Бесхитrostные и, увы, весьма многословные стихотворные строчки суммарно выразили благодарную память потомков. Е. Кони, отрешаясь от мелочной суеты каждодневья, пытается ответить на вопрос, кем в итоге этот государственный деятель останется в истории. Образ императора двоится. Он Освободитель, но он одновременно и Мученик. Это придает стихотворению не только патетический, но и остродраматический пафос. События 1 марта 1881 года, развернувшиеся на набережной Екатерининского канала, были еще очень свежи в памяти современников. В том числе и в памяти самарцев, собравшихся в августе 1889 года на Алексеевской площади, где был воздвигнут памятник Александру II. Потому и стихотворение «Пред памятником» не могло ограничиться только признанием заслуг убиенного императора. Автор делится со своими читателями переполняющим его душу чувством неизбывной вины («Да, виноваты мы!...») и со смиренным покаянием просит прощения («Прости нас, кроткий Царь...»).

Живя в Самаре, Е.Ф. Кони сотрудничал с «Самарской газетой», помещая там театральные обзоры, активно работал в юмористике, успешно используя художественные возможности малых и минимальных жанров. В юмористических журналах увидели свет его афоризмы, анекдоты, различные миниатюры. Развернутая биографическая справка содержится в биографическом словаре «Русские писатели. 1800 – 1917» (том 3, М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1994. С.54-55). Сведения о Е.Ф. Кони содержатся в «Самарской историко-культурной энциклопедии», выходящей в 1990-х годах, и в издающейся в настоящее время «Энциклопедии Самарской области».

Евгений Кони

ПРЕД ПАМЯТНИКОМ

Стихотворение, написанное по случаю открытия памятника
в Бозе почивающему императору Александру II
в городе Самаре 30 августа 1889 года.

Холст сдернули... И вот перед толпой
Предстал в величии Монарх Освободитель, –
Царь-Мученик, пестун земли родной,
Свободы, прав, законности ревнитель!
Царь, чей девиз был «Кротость и любовь»,
Царь – идеал доверья, всепрощения,
Царь, родине своей свою отдавший кровь,
Чтоб ею загасить безумное брожение!
Едва ступив на прадедовский трон,
Он длань свою простер к стенавшему народу

И над всесилием поставил Он свободу!

***

Друг просвещения, искусства и наук,
Сын церкви ревностный, слуга и страж закона,
Он ненавидел лесть – и правды чистый звук
Свободно допускал с доверием до трона,
Друг мира, враг войны, – Он обнажил свой меч
В защиту страждущих, в защиту угнетенных,
И рабское ярмо навеки сбросил с плеч
Народов, родине по крови соплеменных.
Всю душу положив для родины святой, –
Всю жизнь трудился Он для счастья народа,
Не никнув никогда венчанной головой,
Какая бы ее не трогала невзгода.

***

Он слышал – и не раз – измен змеиный свист,
И смерти он смотрел не раз в слепые взоры,
Но бодро шел вперед, – хоть путь был и тернист,
И не было вокруг поддержки и опоры!
Любил он свой народ как пастырь, как отец,
И шел в его толпу с доверием, без страха, –
И среди нея Он снял терновый свой венец,
Сокрытый шапкой Мономаха!
Вот Он! Пред нами Он! Спокоен и велик
Стоит, весь погружен в таинственную думу...
Все тот же добрый взгляд, все тот же кроткий лик
И та же грусть в лице... Ни возгласа, ни шуму
Вокруг него... Замолк, притих народ...
Гляжу кругом: – на лицах скорбь и горе...
И мнится мне, что всех нас мысль гнетет
Одна и та же мысль, – глубокая, как море
Прошли года как нет тебя меж нами –
Великих Царь, – пестун народных благ, –
А плачем мы все теми же слезами –
Родник тех слез далеко не изсяк!
Тоскою, жалостью, раскаяньем объята –
Страдаем мы, и всех нас мысль язвит, –
Что сами мы, – да, – сами виноваты,
Что Ты, как мученик, как праведник, убит!
Убит клеветами безумной, темной злобы,
Подпольной шайкою безумцев Ты сражен, –
Ты, с миллионов сбросивший оковы,
Ты, давший родине свободы и закон!

***

Да, виноваты мы! ... Когда порой пред нами
Фанатик говорил безумные слова,
Боясь «отсталым» слыть, – мы спорили едва,
Молчали подлыми рабами!
Как виноватые, потупив в землю взор,
От чувств своих, от мнений отрекались, –

На честный, на прямой, стремительный отпор,
Трусливо мы, позорно не решались!
И в этот миг, когда пред нами вновь
Предстал почивший Царь, – в сердцах у нас тревога,
И жгучая тоска, и страстная любовь,
И шепчем скорбно мы: «мы виноваты много», –
Прости нас, кроткий Царь, с лазоревых высот
Простри над нами длань, пошли благословенье!
Взгляни с любовью на плачущий народ
И на душе рассей нам тяжкие сомненья!
Клянемся: крепкою, надежною стеной
Пред Сыном мы Твоим, Царем венчанным, встанем,
Жизнь, кровь свою, детей для родине святой
Ему мы отдадим – и за Него воспрянем,
Когда Он повелит, куда ни поведет,
Ему послушные, к Нему благоговей
Мы станем защищать Его и весь Твой род,
Ни сил, ни жизни не жалея!!
Глядите! Видите? Металл, металл ожил!!
И шепчет кроткий Царь, услышав клятвы эти:
«Я здесь! Я между вас! Я все давно простил, –
Я верю вашей клятве, дети!»

РГАВМФ. Ф.315 (Собрания рукописей А. Висковатова. Материалы по истории русского флота. Сборник документов адм. Д.Н.Сенявина. 1788-1818 гг. Военные действия в Средиземном море). Оп.1. Д.1088. ЛЛ.4 -5.

Л.М. Артамонова*

**«ПРИДАТЬ ПРЕДСТОЯЩЕМУ ЮБИЛЕЮ ХАРАКТЕР ОБЩЕНАРОДНОГО
ТОРЖЕСТВА»: СТОЛЕТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
В САМАРСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ****

охранившееся в Центральном государственном архиве Самарской области (ГУСО ЦГАСО) дело канцелярии Самарского учительского института «О выдающихся днях и случаях в жизни института и праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны»¹ позволяет рассмотреть вопрос о том, как культура большого общенационального торжества в дореволюционной России преломлялась в провинциальной образовательной среде. При замысле настоящей статьи также ставилась задача дополнить материалами о торжествах в Самаре ряд современных исследований о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 года в русской провинции, которые сделаны по другим городам и губерниям². О наличии документов об участии самарских учебных заведений в юбилейных мероприятиях в 1912 г. есть упоминания в статьях архивистов Самары и Казани³.

Учительские институты в России, включая Самарский, относились к числу средних специальных учебных заведений, о чем уже писалось в научной литературе⁴. Открытие такого образовательного учреждения в нашем городе в 1911 г. было связано с необходимостью подготовки педагогических кадров для растущего числа городских училищ⁵. Статусом института как среднего профессионального образовательного учреждения объясняется тот факт, что его директор и педагогический совет при организации юбилейных мероприятий постоянно обращались за разъяснениями, разрешениями, распоряжениями к председателю комиссии начальников средних учебных заведений г. Самары, каковым являлся директор 1-й мужской гимназии, следовали его указаниям⁶. Они же при подготовке праздничных торжеств исполняли общие указания Министерства народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа по школьному ведомству, адресованные «начальникам средних учебных заведений»⁷.

Первым из руководящих документов явился циркуляр от 13 марта 1911 г., в котором Министерство народного просвещения предложило руководству учебных округов представить соображения о порядке и форме празднования столетнего юбилея Отечественной войны. Новый циркуляр от 12 декабря 1911 г. довел до сведения руководителей учреждений народного

---

* © Артамонова Л.М. – д. и. н., профессор, директор социально-гуманитарного института, зав. каф. истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

образования высочайшее повеление о придании предстоящему юбилею характера общенародного торжества, привлечении к нему широких слоев общества и населения государства, проведении праздничных мероприятий не только в Москве, Петербурге и на Бородинском поле, но и в других «более или менее крупных центрах России»⁸. Наконец 16 января 2012 г. Министерство народного просвещения разослало предложение «О порядке и форме празднования по учебному ведомству 100-летнего юбилея Отечественной войны»⁹.

Применение этих общероссийских нормативных документов для школ Казанского учебного округа было обсуждено, уточнено и конкретизировано в ходе совещания «по вопросу о порядке и способе участия учебных заведений в общенародном праздновании столетия Отечественной войны». Оно было проведено в Казани 30 апреля 1912 г. с участием «представителей Учебно-окружного управления, администрации, военного округа, различных учреждений и обществ, а также начальников и начальниц средних мужских и женских учебных заведений г. Казани». Протокол этого совещания был размножен типографским способом, разослан по другим губерниям, входящим в округ, поскольку одобренные на нем предложения ответственных лиц учебного ведомства стали руководством не только для школ Казани, но и других городов¹⁰.

Кроме высочайших повелений, министерских распоряжений, приказов учебно-окружного начальства, организаторы торжеств в образовательных учреждениях должны были также выполнять указания местных властей. Так, директору Самарского учительского института, как и других учебных заведений города, был прислан «Порядок торжественного празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в г. Самаре», утвержденный губернатором Н.В. Протасьевым¹¹.

Не останавливаясь на подробном перечислении всех мероприятий, выделим среди них самые основные, относящиеся к учебным заведениям. Их можно объединить в несколько групп по функциональным задачам: духовно-религиозного и военно-патриотического воспитания, официально-государственного и мемориального назначения, просветительской и культурно-художественной деятельности.

В первую очередь, внимание было обращено на мероприятия духовно-религиозного содержания. 25 августа 1911 г. (все даты – по старому стилю), накануне дня Бородинского боя, в учебных заведениях, имеющих церкви, должны были состояться всенощное бдение и торжественная панихида. В тех заведениях, в которых не имелось собственных храмов, проводилась только панихида по императору Александру I Благословенному, «его сподвижникам и всех на поле брани в Отечественную войну павшим». Перед началом панихиды законоучителям предписывалось «произнести приличествующее воспоминаемому событию слово».

26 августа, в день Бородинского боя, в храмах учебных заведений совершалась торжественная литургия «с поминовением императора Александра I и всех воинов, в Отечественную войну за родину умерших», а после нее

благодарственный молебен «за избавление России от иноплеменного нашествия», где также возглашалась вечная память Александру I и всем павшим. Священники здесь также должны были выступить с подобающими событию словами. Там, где своих храмов не было, совершался только молебен, а учителям и ученикам рекомендовалось посетить богослужения в соборах или приходских церквях.

Главным событием официально-государственного и просветительского содержания 26 августа должен был стать торжественный акт. Его открывала речь руководителя учебного заведения, учителя истории или другого лица из педагогического персонала, посвященная разъяснению значения Отечественной войны. В конце акта предполагалась раздача учащимся книг, брошюр, памятных листков, художественных картин, относящихся к войне 1812 г., изображений Александра I и его сподвижников. В заключение акта всеми присутствующими исполнялся «народный» (государственный – Л.А.) гимн. Акт мог включать и художественно-культурную составляющую: чтение литературных произведений, посвященных эпохе 1812 года, исполнение хоровых и других музыкальных произведений, относящихся к ее событиям, юбилейной кантаты, театральные представления «патриотического содержания».

Просветительская компонента праздника дополнялась приобретением литературных и исторических произведений, относящихся к событиям Отечественной войны, для библиотек учебных заведений. Признавалось полезным заранее знакомить учащихся с содержанием таких книг, чтобы привлечь к ним внимание.

Основным мероприятием военно-патриотического характера должны были стать военные парады, на которых присутствие учащихся признавалось очень желательным и не только в качестве зрителей. Учебные заведения по согласованию с воинским начальством могли командировать своих воспитанников для участия в самом параде в составе «потешных рот» или «классов военного строя и гимнастики».

Мемориальный характер праздника, как писали тогда, «для сохранения в сердцах молодежи благоговейной памяти к празднуемому событию» подчеркивался в разных формах. Выпускников-отличников учебных заведений в юбилейном году предполагалось награждать не обычными, а особыми юбилейными медалями. Выдаваемые ученикам наградные книги, похвальные листы, свидетельства и аттестаты также должны были отличаться какой-либо символикой, соответствующей торжеству. На видные места и возвышения в учебных заведениях предлагалось помещать портреты или бюсты Александра I и его соратников, украсив их, как и сами учебные здания, флагами и цветами. Предлагалось использовать также украшения из зелени, устроить вечернюю и ночную иллюминацию.

Кроме того, «для увековечения в потомстве памяти о войне 1812 года» ставился вопрос об учреждении в учебных заведениях особых стипендий, поименованных в честь особо прославленных событий и лиц той войны. Также было признано желательным присвоение подобных наименований

самим учебным заведениям, библиотекам и другим просветительным учреждениям.

Расписав эти и другие мероприятия, Министерство народного просвещения предупреждало о том, что оно не имеет в своем распоряжении средств на устройство празднования юбилея. Все расходы, сопряженные с праздником, возлагались на сами учебные заведения. Те должны были озаботиться поиском дополнительных средств и местных источников финансирования.

Одним из способов облегчения материальных и денежных расходов на проведение юбилея, а также «для придания подобным актам большей торжественности» Министерство народного просвещения разрешало и поощряло совместную организацию празднования двумя или несколькими учебными заведениями. Таким разрешением воспользовался и Самарский учительский институт. Его директор и педагогический совет внесли и другие коррективы в план праздника, учитывая собственные возможности.

Протокол заседания педагогического совета института 8 февраля 1912 г., на котором его коллектив первый раз обсуждал подготовку к юбилею, открывался как раз вопросом о необходимости «для придания большей торжественности празднованию юбилея примкнуть к другим учебным заведениям г. Самары». Это делалось из следующих соображений: 1) учительский институт только что открылся и не имеет необходимых средств для совершения торжественного акта; 2) число воспитанников незначительно, поскольку проведен только один набор в 1911 г.; 3) вновь поступающие летом 1912 г. принять участие в торжествах не смогут, так как время чествования совпадает с окончанием вступительных экзаменов (первый набор составил всего 35 чел.¹²), 4) педагогический персонал института не мог в полном составе принять участие в праздновании, так как некоторые преподаватели работали и в других учебных заведениях (действительно, из всех восьми лиц, работавших в институте, трое были совместителями с иным местом основной службы¹³). Об этом постановлении педагогического совета было доведено до сведения председателя комиссии начальников средних учебных заведений г. Самары¹⁴.

30 апреля педагогический совет учительского института высказался за совместное празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны с самарским Первым городским училищем¹⁵. Выбор был вполне логичным, поскольку именно для городских 6-классных училищ (их в Самаре в 1912 г. было три¹⁶), этот институт готовил кадры, а Первое городское училище предназначалось и для проведения педагогических практик воспитанников института. 11 мая директор народных училищ Самарской губернии Д.Ф. Богданов дал письменное согласие на совместное празднование юбилея в упомянутых учебных заведениях, попросив при этом директора учительского института Н.П. Кильдюшевского принять на себя руководство организацией данного торжества¹⁷. Впрочем, еще раньше устное разрешение было получено от более высокого начальства - попечителя Казанского учебного округа Н.К. Кульчицкого во время его приезда в Самару в начале мая.

На педагогических советах института вопросы, связанные с праздником поднимались еще дважды, 7 мая и 21 августа. Работа была результативной, празднование прошло в намеченные сроки, отчет о торжествах сохранился в той форме, в какой он был отослан Н.П. Кильдюшевским 15 октября 1912 г. в Императорское Русское Военно-Историческое общество согласно циркуляру попечителя Казанского учебного округа от 2 сентября¹⁸.

Богослужбная сторона праздника 25-26 августа прошла в церкви самарского Первого городского училища, так как учительский институт своей церкви не имел. Светская часть церемонии проходила уже в актовом зале учительского института.

С речью выступил преподаватель истории этого института П.И. Иванов. Сохранившаяся программа речи вряд ли вызовет серьезные возражения даже у современных вузовских лекторов и школьных учителей: «Главное направление Европейской политики в конце 18 и начале 19 века. Возвышение Франции на рубеже этих столетий. Появление Наполеона. Его политика и замыслы. Россия в своих внешних отношениях до войны 1812 г. Участие ее в коалициях против Франции. Тильзитский мир. Натянутость отношений между Россией и Францией после этого мира. Причины: неисполнение Наполеоном условий мирного договора, отнятие земель у герцога Ольденбургского, вред континентальной блокады для России. Враждебное отношение к Наполеону русского дворянства, армии и народа. Приготовления к войне России и Франции. Их военные силы. Начало войны. Наполеон в России. Его первые шаги. Соединение русских армий. Барклай-де-Толли и его военная тактика. Отношение к нему народа и армии. Кутузов-главнокомандующий. Движение к Бородину. Бородино. Описание Бородинского поля. Расположение русских и французских войск. Канун битвы. Утро 26 августа. Общий ход битвы. Результаты. Приказ Кутузова об отступлении. Сдача Москвы. Пребывание Наполеона в Москве. Народная война. Отступление и бегство Наполеона из России. Значение Отечественной войны: сохранение самостоятельности нации и целостности и независимости государства; укрепление народного духа и пробуждение в народе сознание нравственной мощи. Пробуждение интереса к национальному русскому быту и национальным потребностям. Перечисления всех героев Отечественной войны: полководцев, офицеров, героев из народа и героинь-женщин».

Как и предполагалось заранее, на торжественном акте состоялось чтение литературных и исполнение музыкальных произведений. Вот их список:

- юбилейная кантата «В память 1812 г.», музыка А. Кастальского, слова И. Зуевой,
- стихотворение М. Лермонтова «Бородино» (прочтено декламатором и исполнено хором в музыкальном переложении А. Астафьева),
- стихотворение М. Лермонтова «Два великана»,
- отрывок из произведения В. Жуковского «Певец во стане русских войск»,
- стихотворение А. Пушкина «Ко гробу Кутузова»,
- басня И. Крылова «Волк на псарне»,

- песня «Вспомним, братцы, Россов славу», слова Ф. Глинки, музыкальная обработка Н. Кленовского,

- «Народный гимн» («Боже, Царя храни!») и «Многая лета».

Музыкальные произведения были исполнены общим хором учащихся учительского института и Первого городского училища. В их числе были обязательный государственный гимн, который вместе с хором все собравшиеся на акте исполнили трижды, и православное многолетие. Два музыкальных произведения были подобраны по рекомендации руководства учебного округа (кантата Кастаньского и «Бородино» Астафьева). Эти рекомендации о музыкальном репертуаре торжественных актов были сделаны на собрании начальников средних учебных заведений в г. Казани 18 апреля в докладе учителя пения казанского Первого реального училища Д. Казакова, напечатаны типографским способом и разосланы по учебным заведениям. Музыка кантаты Кастаньского в них характеризовалась как «величавая», к разучиванию «не очень трудная» и при тщательных репетициях доступная для школьных хоров. О переложении Астафьевым «Бородина» на музыку говорилось, что оно сделано красиво и также не особенно трудно для исполнения, производя на слушателей «впечатление большое и приятное»¹⁹.

Самостоятельно организаторами торжественного акта в программу была включена обработка для хора народной солдатской песни «Вспомним, братцы, Россов славу». Она исполнялась на слова стихотворения, написанного в ходе боев за Смоленск еще летом 1812 года.

Для раздачи ученикам была закуплена книга Н.П. Дучинского «Император Александр I-й: Его жизнь и царствование». В архивных документах она называется «брошюрой»²⁰. Однако это достаточно объемная публикация хорошего типографского качества, объемом в 184 страницы с иллюстрациями, выпущенная совместно редакцией «Сельского Вестника» и знаменитым издательством «Т-во И.Д. Сытина» по невысокой цене в 30 коп. специально к 100-летию юбилею Отечественной войны в составе целой серии изданий, посвященных событиям и героям Отечественной войны. Остальные книги этой серии, сверх труда Дучинского, были также приобретены для библиотеки учительского института.

Выбор книги-подарка был продуманным и обоснованным. Не случайно на серию «Сельского Вестника» и «Т-во И.Д. Сытина» как самые удачные из популяризаторских книг, вышедших к юбилею, обратили внимание и во Владимирской²¹, и в Саратовской²² и других губерниях.

В заключение торжественного акта была составлена и зачитана телеграмма на имя попечителя Казанского учебного округа «с просьбой повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувство беспредельной верноподданнейшей любви и преданности» всех собравшихся. Время торжественного акта было рассчитано таким образом, чтобы закончить его к 12 часам дня. Это дало возможность преподавателям и учащимся затем присутствовать на торжественном молебне, совершенном епископом Самарским и Ставропольским Симеоном перед Казанским собором на Хлебной площа-

ди, а после него - на военном параде войск самарского гарнизона. Места на площади для школ города были заранее отведены полицмейстером.

Об участии собственно в параде воспитанников учительского института в отчете не сообщалось. Судя по всему, оно не планировалось. Когда 6 июля самарский вице-губернатор запросил у директора Кильдюшевского, будут ли его учащиеся задействованы в параде, тот ответил, что данный вопрос на педагогическом совете учительского института не поднимался²³. В результате в военном параде приняли участие 250 чел. из Второго городского и Самарского реального училищ.

Вероятно, учащиеся вместе с остальными горожанами приняли участие в народных гуляниях, устроенных под музыку оркестров в Струковском и Покровском садах. Впрочем, специально развлекательной функции этот праздник для учащихся не нес. На упоминавшемся апрельском собрании в Казани попечитель учебного округа назвал «совершенно неуместным» предложение включить в программу торжества «танцевальный вечер для учащихся». С попечителем согласилось большинство присутствовавших²⁴.

Среди планов учительского института на предстоящий юбилей не всё оказалось реализованным. Осталось без поддержки предложение присвоить ему имя императора Александра Благословенного. Отсутствовали средства у самого института и не нашлись доброхоты для учреждения здесь именной стипендии в честь кого-либо из героев эпохи 1812 года²⁵.

Не удалось организовать «экскурсию воспитанников института в города и местности, связанные с воспоминаниями об Отечественной войне» под руководством классного наставника и преподавателя истории Иванова. Как объяснял педагогический совет, «причиной тому послужила материальная необеспеченность воспитанников института, принадлежащих по своему происхождению к несостоятельным классам». Правда, поначалу весной шестеро воспитанников пожелали отправиться на экскурсию, «но и те, как выяснилось в начале мая, в виду материальных затруднений и семейных обстоятельств», не смогли это себе позволить. У самого же института на все расходы по празднику имелось всего лишь 100 руб., выделенных по смете²⁶.

Не попали учащиеся института и в состав делегации Казанского учебного округа, отправившейся на торжества в Москву. Самару в ней представляли гимназисты Первой мужской гимназии²⁷.

Несмотря на некоторые неудачи и недостатки, в целом в 1912 г. складывается картина организованного большого общенародного торжества, во многом нацеленного на учащуюся молодежь. Это полностью соответствовало «высочайшим предуказаниям», принятым 24 октября 1911 г., которые ставили одной из главных целей празднеств широкое ознакомление «подрастающего поколения и народа» (обращает на себя внимание порядок перечисления – Л.А.) со значением Отечественной войны 1812 года для России. По замыслу верховной власти и организаторов торжеств, при знакомстве «народа, а особенно учащихся (подчеркнуто нами – Л.А.) с выдающимися эпизодами Отечественной войны», ее событиями и героями следовало обратить их основное внимание при объяснении причин русской

победы на «общенародный подъем духа и высоко патриотические чувства войска и населения»²⁸.

Пожалуй, на 100-летнем юбилее Отечественной войны 1812 года государственная власть России впервые отдала столь важное место воздействию на молодежь. Особенно это было заметно в провинции. Если при торжествах в столицах школьные праздники заслонялись военными, придворными, дипломатическими, общественными, научными мероприятиями, то, уже начиная с губернских городов, не говоря уже об уездных центрах и селах, основной объем и центр юбилейных празднеств перемещался в учебные заведения. Конечно, действительно вовлечь в праздничные мероприятия можно было только молодежь учащуюся, организованную через учебные заведения. Однако в начале XX века удельный вес этой учащейся молодежи в России был уже весьма значителен, в том числе в провинции. На рубеже XIX-XX вв. в Самаре, где пока грамотными были менее половины жителей, в различных образовательных учреждениях обучалось более 90% детей в возрасте от 9 до 11 лет²⁹, а многие продолжали образование и в более старшем возрасте в средних и профессиональных учебных заведениях, к каковым в том числе относился Самарский учительский институт.

Представленный здесь материал можно сопоставить с тем, что происходило в нынешний «Год российской истории», спустя еще одно столетие, в современных учебных заведениях. Сравнение будет не в пользу активности наших современников. Однако не надо забывать, через 100 лет Отечественная война 1812 года еще оставалась самым ярким событием в истории России. В XX в. его немного затмили более масштабные и памятные военные или революционные события со своими праздниками и юбилейными датами. Тем не менее, Отечественная война 1812 года остается одним из важнейших факторов национальной идентичности россиян, невзирая на конфессиональную и этническую принадлежность. Идет восстановление и расширение пространства культурно-исторической памяти о ней³⁰. Потому не следует забывать ни о ее событиях, ни о ее следе в истории, ни о степени ее воздействия на культуру, ни о традициях, опыте, значимости прошлых встреч ее юбилеев.

Примечания

¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23.

² Голикова Н.И. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. в Вологодской губернии // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002; Голикова Н.И. Источники о праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Вологодской губернии (по материалам периодической печати) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2002; Майорова А.С., Тотфалушин В.П. Саратовская ученая архивная комиссия и подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2002; «...Выработан следующий церемониал празднования...» 100-летний юбилей Отечествен-

ной войны 1812 года в документах Госархива Саратовской области /вступ. ст., публ., коммент. Н.В. Самохваловой, В.П. Тотфалушина // Отечественные архивы. 2012. № 3; и др.

³ Зубова О.В. Архивные источники об участии самарцев в Отечественной войне 1812 г. в Центральном государственном архиве Самарской области // Отечественная война 1812 года в российской истории и национальном самосознании: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2012. С. 84; Горицкая Н.С. «Славный сей год минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги». Отечественная война 1812 года в документах Национального архива Республики Татарстан // Там же. С. 71.

⁴ Бездухов В.П. Рецензия: В.Ю. Кузьмин. Самарский учительский институт (1911-1918 годы). Самара, 1999 // Вестник Самарского государственного университета. 2003. № 3. С. 177; Колпаков А.Н. Первый университет в Самаре. История высшей школы Самары. Кн. 2. Самара, 2007. С. 10; Колпаков А.Н. Педагогическое образование в Самаре. История высшей школы Самары. Кн. 3. Самара, 2010. С. 185.

⁵ Артамонова Л.М. Открытие в Самаре в 1911 году учительского института как среднего профессионального учебного заведения // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара, 2012. С. 123-127.

⁶ Колпаков А.Н. Педагогическое образование в Самаре. С. 63.

⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁸ Русская школа. 1912. № 2. С. VII.

⁹ Русская школа. 1912. № 3. С. VI-VIII.

¹⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 4-5об.

¹¹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 37, 38.

¹² ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

¹³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10. Л. 22об.

¹⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.

¹⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 17.

¹⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1912 год. Самара, 1912. С. 55-56.

¹⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 19.

¹⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 43-46.

¹⁹ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 21 и об.

²⁰ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 44.

²¹ Владимирские епархиальные ведомости. 1912. № 20.

²² Церемониал празднования юбилея 1912 года // Отечественные архивы. 2012. № 3.

²³ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 34 об., 35об.

²⁴ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 5об.

²⁵ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

²⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 44 и об.

²⁷ Горицкая Н.С. Указ. соч. С. 71.

²⁸ ГУСО ЦГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 23. Л. 36 и об.

²⁹ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. Самара, 2011. С. 146.

³⁰ См.: Смирнов Ю.Н. Формирование пространства культурно-исторической памяти об Отечественной войне 1812 года // Отечественная война 1812 года в российской истории и национальном самосознании: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2012. С. 51-65.

ПАМЯТИ ИСТОРИКА

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА НЕГУЛЯЕВА

24

октября 2012 скоропостижно скончался кандидат исторических наук, доцент, Самарского государственного университета Александр Петрович Негуляев. Он родился 1 августа 1924 года в деревне Семькино Оренбургской губернии в крестьянской семье. После окончания начальной Семькинской школы он продолжил учебу в Тумбаринской средней школе Бавлинского района ТАССР, после окончания которой работал молотобойцем, а затем кузнецом в своей родной деревне. В октябре 1942 г. А.П. Негуляев пошел на фронт добровольцем. Он воевал заряжающим, командиром орудия в составе 366 артиллерийского полка 65 армии.

В декабре 1943 г. в бою под Мозырем был тяжело ранен и находился в течении 7 месяцев в госпитале №1825. 25 октября 1945 г. Негуляев А.П. был демобилизован, а уже 1 ноября 1945 он стал учителем в Секретарской школе Оренбургской области, в которой работал до 20 июля 1948 г. и был уволен в связи с поступлением на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. О своей учебе в университете он не раз доверительно рассказывал. С большим уважением и теплотой он говорил о своих учителях: академиках Б.А. Рыбакове и М.Н. Тихомирове, профессоре С.С. Дмитриеве. По окончании университета он получил диплом за № 653940, в котором значилось, что его обладатель получил квалификацию научного работника в области исторических наук, учителя вуза и учителя средней школы. Негуляев А.П. был направлен на работу в Главлит СССР в качестве цензора. Здесь он работал до 1 января 1956 г., а затем судьба забросила его в Бугульму, где он работал учителем средней школы №9. На этом его странствия не закончились. Более 7 лет с 1961 по 1968 он трудился учителем истории в школе рабочей молодежи № 2 г. Казани. Все эти годы он под руководством видного казанского историка, доцента Устюжанина Е.И., собирал материалы для кандидатской диссертации на тему: «Формирование и революционное движение рабочих металлистов Казанской губернии в 1861-1917 гг.» Накануне защиты диссертации в ученом совете Казанского государственного университета (февраль 1970 г.) фронтовик Негуляев А.П. опубликовал монографию «Завод - ветеран. История Казанского завода. Серп и молот», что стимулировало его переход на работу в качестве преподавателя кафедры истории КПСС Казанского финансово-экономического института. Но уже в 1971 г. он переезжа-

ет в город Куйбышев и проходит по конкурсу на должность доцента кафедры истории КПСС Куйбышевского государственного университета, в котором работал вплоть до ухода на пенсию в 1991 г.

Многие выпускники Самарского государственного университета с большой теплотой вспоминают лекции и семинарские занятия доцента Негуляева. Они были посвящены огромным фактическим материалам и эмоционально окрашены личным восприятием преподавателя тех грозных событий, участником которых он был. Негуляев А.П. продолжил изучение истории Рабочего класса Поволжья в пореформенный период. Он является автором свыше 30 научных статей, двух монографий по данной проблематике. Негуляев А.П. хорошо знали как одного из ведущих лекторов в областном отделении Всероссийского общества «Знание». Многих студентов впечатляли его беседы по истории Великой Отечественной войне. Находясь на пенсии он пристально анализировал ситуацию в России и за рубежом. Несомненен вклад Александра Петровича в подготовку квалифицированных кадров для предприятий и учреждений Самарской области. Негуляев А.П. награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны, многими медалями и почетными грамотами.

Профессор П.С. Кабытов

СОДЕРЖАНИЕ

САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. Огонь в погребальной обрядности населения Поволжья в медно-бронзовом веке	4
Малинкин Е.М. Военные силы «понизовых городов» в 1630-е гг. (до и после Смоленской войны)	12
Смирнов Ю.Н. Роль А.И. Тевкелева в подготовке и деятельности Оренбургской экспедиции	20
Леонов М.И. Партийные организации Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.	26
Кабытова Н.Н. Власть и местное самоуправление Поволжских губерний в 1917 г.	36

САМАРСКИЙ АРХИВ

«Самарское урочище» и его окрестности в документах XVI в. (публикация материалов). Публикация Э.Л. Дубмана	46
Дубинин С.И. Имена первого Самарского университета: Владимир Филимонович Марцинковский Bernhard J. Harder. Alexandertal. Die Geschichte der letzten deutschen Stammsiedlung in Rußland. Berlin: gedruckt von J.Kohnert, O/J. 110 S. Гардер Бернгард. Александрталь. История последнего поселения в России /на немецком яз. Берлин: Изд-во Конерт, б.г. Перевод с немецкого С.И. Дубинина . Публикация Н.А.Курскова	54
Кобозева З.М. Визуальный образ самарского мещанства по семейному фотоархиву	70
Подмарицын А.Г. Обзор состояния Куйбышевской епархии епископом Иеронимом (Захаровым) в 1952 году	79
Порох И.В. «Двенадцать лет тому назад я чуть было не стал его преподавателем...». Публикация П.С. Кабытова	83

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Кабытов П.С., Тюрин В.А. Самарские исследования жизни и государственной деятельности П.А. Столыпина	85
--	----

«МЕСТА ПАМЯТИ» САМАРСКОГО КРАЯ

Аншаков Ю.П. О стихотворении Евгения Кони «Пред памятником»	92
Артамонова Л.М. «Придать предстоящему юбилею характер общенародного торжества»: столетие Отечественной войны 1812 года в Самарском учительском институте	96

ПАМЯТИ ИСТОРИКА

Памяти Александра Петровича Негуляева	105
---------------------------------------	-----

